ВОЛЯ РОССИИ

ЖУРНАЛ ПОЛИТИКИ И КУЛЬТУРЫ

II

ПРАГА
1926

5-ЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ. **5-ЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ.**

Открыта подписка на 1926 год

на ежемесячный журнал политики и культуры

„ВОЛЯ РОССИИ“

под редакцией В. И. Лебедева, М. Л. Слонима, Е. А. Сталинского и В. В. Сухомлина.

В каждом номере **„Воли России“:** Рассказы, повести, стихотворения. Переводы выдающихся произведений западно-европейской литературы. Статьи по вопросам русской и иностранной политики. Систематические обзоры жизни Советской России. Проблемы современной культуры. Жизнь славянства. Статьи иностранных авторов по вопросам международной политики. Литературные отклики. Обзоры новых книг и журналов. Библиография.

За 1925 год в журнале были помещены произведения следующих русских авторов: Аноним (Россия), Б. Аратов, В. Архангельский, К. Бальмонт (Париж), Н. Безпалов, П. Булатов, Д. Вяткин (Россия), С. Верещак, Н. Воронович (Варшава), В. Гуревич, Е. Зноско-Боровский (Париж), проф. А. Герш (Женева), Д. Ивицкая (Россия), З. Кочеткова (Брюссель), А. Коршунов (София), П. Климушкин, К. Кочаровский, И. Каллиников, Е. Лазарев, Л. Леонов (Россия), Вл. Лебедев, проф. И. И. Лапшин, Б. де Линель (Россия), Д. Лутохин, Ф. Мансветов, Н. Мельникова-Папоушек, П. Милославский, Е. Недзельский, И. Нечитайлов (Загреб), С. Новиков (Белград), Б. Нерадов (Россия), П. Орлушин, С. Постников, А. Пешехонов, А. Ремизов (Париж), Ф. Репейников, С. Раппопорт (Лондон), Н. Русанов (Ницца), Л. Россель, Н. Рубакин (Лозанна), М. Слоним, Е. Сталинский, В. Сухомлин, В. Тукалевский, Г. Фальчиков, Г. Шрейдер, М. Цветаева, А. Цаликов, В. Чернов, Ю. Данилов (Париж), проф. Н. Ульянов (Лозанна).

Кроме того, были помещены следующие специально для «Воли России» написанные статьи иностранных авторов: Рудольф Брейтшейд (Германий), Ван-Чу-Ху (Китай), Шарль Вильдрак (Франция), Тадеуш Голувко (Польша), Гануш Елинек (Чехословакия), Бласко Ибаньес (Испания), Рихард Линстром (Швеция), Альсинг Андерсен (Дания), Рамзей Макдональд (Англия), Александр Олар (Франция), Сант-Яго (Испания), Коста Тодоров (Болгария), Альберт Тома (Швейцария), Сентаржицкий (Финляндия), Генрих Штребель (Германия), Джиованни Зиборди (Италия), С. Хондокорян (Армения), С. Янниос (Греция).

Произведения следующих иностранных авторов были помещены в переводе с их согласия или согласия издателей: Г. Апполинар (Франция), В. Вавчура (Чехословакия), Э. Бенеш (Чехословакия), Ю. Волькер (Чехословакия), О. Бржезина (Чехословакия), Т. Масарик (Чехословакия), М. Пруст (Франция), Я. Папоушек (Чехословакия), М. Эбергард (Франция).

Цена отдельного номера: в Чехословакии — 15 кр., Югославии — 30 дин., Болгарии — 40 лева, Франции, Бельгии, Турции — 12½ фр. Англии—2 шилл., Америке — 50 цент., Германии — 2 мк., Польше, Литве, Латвии, Эстонии, Австрии — 15 ч. кр.

Адрес редакции и конторы:

„Volja Rossii“, Uhelný trh., Praha I. Tchécoslovaquie.

П I
543

П I
543
1926 N 2

ВОЛЯ РОССИИ

ЖУРНАЛ ПОЛИТИКИ И КУЛЬТУРЫ

под редакцией

В. И. ЛЕБЕДЕВА, М. Л. СЛОНИМА,

Е. А. СТАЛИНСКОГО И В. В. СУХОМЛИНА

5-ый ГОД ИЗДАНИЯ

II

ПРАГА

PRAHA, UHELNÝ TRH ČÍS. 1

СОДЕРЖАНИЕ.

А. Ремизов. Из книги «Взвихренная Русь» 3
К. Бальмонт. Скандинавская мудрость 27
Е. Постникова. Юность 35
П. Муратов. Очерки трех литератур (Театр Пиранделло) 86
Эдуард Бенеш. Проблема славянской политики . . . 96
Коста Тодоров. Южное славянство и Болгария 113
Е. Сталинский. Путь нэпа. (Из итогов XIV-го съезда РКП). 130
А. Васильевский. Казаки в эмиграции. (Пройденный путь) 149
Г. Радченко. Основные тенденции в развитии современной кооперации 165

Среди книг и журналов:

С. Постников. Русская зарубежная литература в 1925 г. 183

Отзывы о книгах:

Д. Лутохин. Всеславянский календарь. — *Столпник.* Н. Огнев. — *Д. Градарев.* Государственный научный институт здравоохранения имени Пастера и т. д. . . 193

Гос. Публичная библиотека в Ленинграде

Из книги „Взвихренная Русь“.

В Е Т Ь Ё.

26. 10 — 31. 12.

1917 г.

I

56 дней — 8 недель высидел я в комнатах после болезни. Я прислушивался к воле за стеной, слушал рассказы с воли и писал «*Россию в письменах*», по обрывкам документов из «ничего» воссоздавая старую Россию — ее потревоженных китов, без которых она немыслима:

«баня—печь—ковш—базар—полиция—псалтырь — часовник—патерик—сундук— крест — грамотка — столбец — гадальные карты — странник — оракул — писмовник — календарь — святцы — помещик — азбука и т. д.

Да потихоньку сидел над «*Временником*» —

«всеобщее восстание!»

Так и шли дни, перевиваясь снами.

*

Поздно вечером разговаривал с А. А. Блоком по телефону: ему кажется все таким мирным. А я ничего не знаю. Тогда (в феврале) была легкость и тревога — рушилась вековая стена. А теперь — даже весело: что-то из всего из этого выйдет? И на долго ли хватит? Смешение тьмы, дикости и самых ярких пожеланий.

у нас в доме обыск. Солдаты в турецких шапках. А главный — женщина.

«Вы ездили на Кавказ до станции Семлева?»
«Ездил», — говорю.
И понимаю: тут не в Кавказе дело и не в Семлеве, тут что-то еще! И действительно, не успел я ответить, как солдаты в турецких шапках пропали, а я жду поезда. И замечаю, что по спешке набрал я в дорогу много лишнего: рванные калоши, линючую новобранку, гимнастические гири, всех цветов сартские тибетейки, ключи, чулки, банки из-под какао. И все это я выбрасываю, спешу — а вещей гора! А за вещами у золотого пчелиного домика А. А. Блок на костылях:
«Малина, — говорит, — спелая!»

II

Ничего не знаем, как после большого праздника, когда газет не бывает. Министры Временного Правительства сидят в Петропавловской крепости. Жалко мне М. И. Терещенку. Звонил Блок: тоже о Терещенке. Вспоминали «Сирин» и все те годы сиринские — какие далекие!

— — входит Владислав Ходасевич, а за ним мальчик из магазина: несет ему пальто зеленое —
«Достоевского!» — говорят.
Керенский наряжен монахом. И какой-то еще весь изможденный, а зовут его Загафедин. Я подумал, этим именем назову какую-нибудь мою игрушку — загафедин!
«А зачем царя спихнули? Надо самим лучше сделаться, а потом и решать!» — говорит Загафелин.
Керенский брезгливо:
«Сам насмòродил!» — и оправляется: непривычно ему в монашеском.
«А сказали бы домой итти и винтовку бросил бы!» — Ходосевич в зеленом пальто Достоевского юркнул в картонку.
Я умылся грязной водой, а Чуковский плачет. «Мне, думаю, нехорошо, а ему — к прибыли». А он все плачет.

«Купил, — говорит, — карету, а лошадей нет! купил кольца для кур, а и кур нет!»
И опять входит мальчик — который принес Ходосевичу зеленое пальто Достоевского. Посылка от Ф. И. Щеколдина! И сам Щеколдин появился. Распаковали посылку: а это высокий горячий кулич и коробка с напильниками. Щеколдин осмотрел кулич и напильники и скрылся. И еще несут посылку: от А. Н. Рябинина. Это яблоки — и все-то прелые, лежалые! Пасмурный облачный день. Тихо необыкновенно и только слышно, как звонят к обедне.
«На худой конец за сорок верст слышно!» — подал голос Ходосевич из картонки.
Сели в автомобиль и поехали.

III

Умер наш домовый хозяин Д. П. Семенов-Тянь-Шанский. Вчера он у нас читал свой «Временник», собирался притти оканчивать сегодня вечером.

— — в Петербурге переворот: бегут солдаты и у всех у них новенькие блестящие погоны:
«Мы теперь все офицеры!»
И входит Д. П. Семенов-Тянь-Шанский с рукописью.
И вижу я: хочет он оплести нас шерстью.

IV.

Получено известие из Москвы, будто во время переворота сожжен Василий блаженный.

— Что же это такое сделали? — Ф. И. Щеколдин плакал, говоря по телефону.

А я не верю — не хочу верить. «А если? если остались одни развалины, они будут святей неразрушенного. Нет, только бы что-нибудь осталось!»

Приходил П.: он очень смущен, оторопленный:

— Не бежать ли нам?

— Да нам-то чего?

Вот так все и разбегутся.

О хлебе: «хлеб тяжкой», это с соломой; «хлеб грядовой», это с мякиной.

— — мысли бежали так быстро, не выговариваясь, одним чувством! И я увидел Р. В. Иванова-Разумника. И дважды вместе съездили за границу: сначала в Рим и назад, потом в Париж и домой. Что было дорогой, не помню, только помню — попались нам сербские солдаты. А у Аверченки парикмахерская и аукцион. Я принес картину Бориса Григорьева и не знаю, кажется, ее уж продали. И что странно, самому же Борису Григорьеву с придачей Добужинского. Добужинский тут же выдергивает канву из вышивки — «мед и яблоки», такая картина. З. Н. Гиппиус спрашивает, откуда я знаю, как она верует?

«Ничего подобного, — говорю, — это все М. К. Вольфсон: 5-ая глава из Евгения Онегина, выжать 6 лимонов!»

И вижу: М. К. Вольфсон на закорках у Лундберга подымается по лестнице с Сахаровым, а за ними Шпет трусит.

«Все мы теперь ездим в 3-м классе!»

«Ничего подобного, — говорю, — вы не сидите в 3-м классе!»

И идем с П. Е. Щеголевым, как когда-то в Вологде: хочется ему купить говядины и непременно в немецкой колбасной. А кругом мухи целыми грядами. Навстречу Чуковский с Чулковым: Чуковский — 70.000 процентных бумаг, Чулков — красное (церковное) вино.

«Мы приискали себе место!» — сказали оба.

V.

Раскинув руки крестом:

«Я хотела бы, чтобы меня разорвали за вас!»

А другая, закрыв ладонями лицо:

«Умереть за дух Божий в человеке, а не за красные рожи!»
Какой-то, напившись на обыске, решительно заявил:
«Мне пора уходить!»

Когда теперь встречаются, всегда спор, а спор — одно оскорбление. Приходится доказывать, что ты человек — а ведь все идет против этого признания.

— — я взял у А. А. Блока книжку с картинками
Мы в лесу, сидим за столиком. Промелькнул монах и скрылся, а вижу — вылезает из оврага. Я и говорю:
«Александр Александрович, жаловался мне монах, что выгоняют их из монастыря!»
А на улице народу, не пройти, — все, задравши голову, смотрят:
«Аэроплан летит!»
В окне ораторствует Иванов-Разумник: опять восстание в Петербурге.
Юрий Верховский («Слон Слонович») уж в доме картошку чистит, а на полу на корточках Виктор Ховин подбирает кожурку и все кучками складывает.
Встречаю Николая II-го у ворот Александровского Коммерческого училища в Бабушкином переулке на Старой Басманной. Он меня спрашивает: «служил ли я где?»
«Нет, — говорю, — нигде. Я нетрудовой элемент»
«А Василий Васильевич?»
«Розанов — —?»
«Его еще нет, — перебивает Добронравов, — со Степуном застрял в лифте на Таврической!»
«Да теперь, — говорю, — нигде и лифты не ходят».
«З-а-с-т-р-я-л!» — повторяет Добронравов, выговаривая в разрядку.

VI.

Присел к столу — если бы имел дар слезный, я заплакал бы! Который день С. П. лежит — припадок печени. И никого, одна моя уродливая тень.

— доктор Ланг живет на море; исследование показало, что у него жесточайшее малокровие. И. С. Соколов собирает посылку: все в пакеты завертывает. И тут же около примостился А. А. Блок и И. А. Рязановский: кораблики и коробочки из бумаги свертывают, бормочут чего-то:
«Полотилин — платвушка —»
«Отпанет — отпадет —»
«Хапка — тяпка» —
Я подошел к Авксентьеву да пальцем его в живот, — а из него пакля.

VII.

Певый долгий поход на волю. Был на Кронверкском у Ф. И. Щеколдина. Шел пешком больше часу. С непривычки все странно. Вечером заходил наш новый хозяин М. Д. Семенов-Тянь-Шанский:

«14-го декабря в деревне убили его брата поэта Леонида Семенова».

Перед нами огромная площадь — гладкая торцовая.

Среди ночи раздался страшный взрыв: горел склад на Гутуевском острове.

— — чорт сел мне на живот. Пятками по бокам колотит. (Вместо ног у него копыта).
«Что ты это делаешь?» — говорю.
А он достал из кармана топорик, да как звездонет —
«Что ты делаешь?»
«Рубли достаю».
«А нельзя ли переждать — хоть день!»
«Никак нельзя, — и сам топориком работает, — хуже будет, как на пятаки меняться будут».

II.

С А Б О Т А Ж.

Жил маленький человек Акакий Башмачкин, его никто не боялся — чего хуже? А он писал себе в Департаменте и всех боялся. Так искони повелось:

Акакий Акакиевич Башмачкин всех боялся.

А как пошел голод да холод — холод да голод, а тут еще прижим да нажим, да зубило, и остервенел маленький человек Акакий.

И говорит себе Акакий:

«Жизнь моя пропащая, а дело мое малое, так втолковали нам искони, погибать так погибать, не хочу работать да и все тут!»

И пошел маленький человек, пошел Акакий Башмачкин к себе к Калинкину мосту.

И опустел Департамент и все отделения — и первые и последние.

Так что же вы думаете? — к нему, ко мле-то департаментской, сами тридцать и три большие брата подступили:

— Возьми, — говорят, — товарищ Башмачкин, дела опять, пожалуйста!

А он им — и до чего осмелел человек! — Гоголь, ты слышишь ли — — !

— Да вы же говорили, что дело мое маленькое, а я — мля, сами и делайте: чай сумеете!

И связали за это маленького человека Акакия и в тюрьму подвальную посадили: изморозят, изморят — забоится! А ему хоть бы что — хуже не будет.

— А кто вот делать-то будет, вы, разумные, вы, большие головы!

III.

ЗАВИТОК.

6. 1. — 6. 7.
1918 г.

6. I.

С утра метель. С винтовками ходят — разгоняют. Вчера арестовали Пришвина. Иду — в глаза ветер, колючий снег — не увернешься.

На Большом проспекте на углу 12-ой линии два красногвардейца ухватили у газетчицы газеты.

— Боитесь, — кричит, — чтобы не узнали, как стреляли в народ!

— Кто стрелял?

— Большевики.

— Смеешь ты — — ?

И с газетами повели ее, а она горластей метели —

— Я нищая! — орет, — нищая я! ограбили! меня!

— — —

На углу 7-ой линии красногвардейцы над газетчиком. И с газетами его на извозчика. А пробегала с газетой — видно, послали купить поскорей, успела купить! — прислуга, и ее цап и на извозчика.

— И ты — — !

А она, как орнет, да с переливом —

и где ветер, где вой, не разберешь.

— — —

Около Андреевского собора народу — войти в собор невозможно.

— Расходитесь! — вступают в толпу красногвардейцы, — расходитесь!

— Мы архиерея ждем.

— Крестный ход!

— Расходитесь! Расходитесь!

Толчея. Никто не уходит.

Какая-то женщина со слезами:

— Хоть бы нам Бог помог!

— Только Бог и может помочь.

— Узнали, что конец им, вот и злятся.

— Какой конец — — !?

— С крыш стреляли.

— Да, не пожалели вчера патронов.

— Придет Вильгельм, — поддразнивает баба, — и заставит нас танцовать под окном: и пойдем танцовать!

— Большевики устроили: каждый пойдет по-одиночке с радостью.

— — — тут его и расхрястали.

— — — заснул на мостовой.

— — — взвизгнул, как заяц, и дело с концом.

— — —

Идет старик без руки и повторяет громче и громче:

— Наказал Господь! — Наказал Господь!

— Что? Что?

— Наказал Господь.

Старуха, протискиваясь:

— Что говорит?

— Да наказал Господь и погодку плохую послал.

— — комната: от окна к двери покато. Я его едва различаю: такой он прозрачный и вялый, но я в его власти. Он что-то себе задумал: то к столу подойдет, то к окну. Взял булавку и ко мне: хочет мне в палец всадить. Я ему говорю:

«Перестань, ну что такое булавка? ну, воткнешь — — ! — уговариваю. Положил он булавку. И опять ходит. Знаю, что на уме у него — ищет что-то, чем бы больно уколоть меня. Подошел он к столу — а на столе моя рукопись! — да спичкой и поджег. Не велика, думаю, беда, скоро не сгорит!

А сам рукой так — и огонь погас. И тут я заметил, что около стола наложены кипы бумаг, смоченные горючей жидкостью. И понимаю, не в рукописи дело, а метил он в эту кипу: перекинет огонь и вспыхнет. А вот и не удалось! Скучный он бродит и такие у него мутные глаза — ищет. Взял золотое перо —

«Ну зачем?» — говорю.

А он как не слышит — он меня за руки: и всадил перо мне в палец.

9. I.

Елку не разбирали, стоит не осыпается.

На Рождество у нас было много гостей: Сологуб, Замятин, Пришвин, Добронравов, Петров-Водкин. Достали хлеба — на всех хватило.

Сегодня в газетах о убийстве Шингарева и Кокошкина:

« — — — когда они явились в палату, где лежал Ф. Ф. Кокошкин, Кокошкин проснулся и, увидев, что на него нападают, закричал: «Братцы, что вы делаете?!»

Долго разговаривал с Блоком по телефону: он слышит «музыку» во всей этой метели, пробует писать и написал что-то.

— Надо итти против себя!

После Блока говорил с С. Д. Мстиславским о Пришвине

— Пришвина также грешно в тюрьме держать, как птицу в клетке!

— — судят Пришвина. И я обвиняю.

«Так что ж я такого сказал?» — не понимает Пришвин.

«Да разве не вы это сказали: «надо их пригласить: люди они полезные в смысле сахара?»

И жалко мне его: знаю, засудят. Подхожу к Горькому — Горький плачет.

И тут же Виктор Шкловский, его тоже судят.

«А я могу десять штук сразу!» — сказал Шкловский. И, вынимая из кармана картошку, немытую сырьем стал глотать — — а из него вылетает: котлы, кубы, кади, дрова, горны, горшки — огонь!

19. 2.

Сегодня необыкновенный день: немцы вступают в Россию. Проходя по Невскому видел, как на пленного немецкого солдата бабы крестились.

В Киеве убили Митрополита Владимира.

Я его раз видел — в Александро-Невской Лавре на вечерне в первый день Пасхи: он «зачинал» пасхальные стихиры особым московским распевом — «Да воскреснет Бог и расточатся врази его». Все это надо бы сберечь — и эту «музыку» для русской музыки.

Да, теперь и я тоже слышу «музыку», но моя музыка — по земле:

«тла-да-да-да-да» голодной песни!

Каюсь, не утерпел, съел просвирку: четыре года берегли, белая, Ф. И. Щеколдин из Суздаля привез! А я размочил и съел. И вспомнилась сказка: три чугунных просвирки и надо их сглодать, и когда сгложешь — — а я съел!

— — мне приносят мои картины: их несут на шестах, как плакаты. Я взглянул: да что же это такое? — квадратиками ломтики — сырая говядина! — рубиновые с кровью! И подпись: «бикфордов шнур».

22. 2.

В Москве при заходе солнца из солнца поднялся высокий огненный столб, перерезанный поперечной полосой, — багровый крест.

— — мы живем в гостиннице и занимаем большие две комнаты. Утром. Слышу, стучат. «Надо, думаю. посмотреть!» И иду через комнату, а на полу кровь. Я вытирать — не стирается: большой сгусток — как вермишель.

26. 2.

Приходили с обыском красно-гвардейцы —

— Нет ли оружия?

— Кроме ножниц, — говорю, — ничего.

Глазели на мою серебряную стену, усаженную всякими чучелами.

— — в Москве в Сыромятниках пруд и полон пруд блинами — блины, как листья кувшинок. Это нам в дорогу: мы собираемся ехать в Москву.

И. В. Гессен спрашивает:

«А в Петербурге как у вас с прикреплением?»

(«Прикрепление» — отдача хлебной и продуктивной карточки в Продовольственную лавку: дело очень трудное — надо успеть во-время, а большая очередь!).

«Н. А. Котляревский, — говорю, — в Академии на чугунной плите чугуном припечатал!»

Последняя ночь, завтра в путь. Собрали мы корзинку.

«А как же с блинами?» — жалко бросать. Заглянул я в окно: а на пруду лодки — сетками, как бабочек, ловят, блины собирают.

2. 3.

В Бресте подписан мир с немцами. Видел во сне М. И. Терещенко: на нем драная шапка и пальто в роде моего. А сегодня, слышу, его выпустили из Петропавловской крепости. Вчера сбрасывали с аэроплана бомбы на Фонтанке.

— Задавит, — говорят, — нас немец!

И называют число — 23-ье марта:

— 23-го марта немцы займут Петербург!

Разбегаются: кто в Москву, кто куда. Улепетнул и Лундберг, чудак!

Третий день, как лежит С. П.: опять припадок печени. Горе наше горькое!

— — Ф. Ф. Коммиссаржевский сказал, что неделю назад сошел с ума актер А. П. Зонов — помешался над вопросом: «какой роман труднее?»

И вижу: женщина с провалившимся носом черная караулит Зонова. Входит Л. Б. Троцкий, подает телеграмму — а там одна только подпись отчетливо по немецки: «Albern».

2. 5.

В Москве у Никольских ворот по случаю 1-го мая образ Николы завесили красной материей с надписью: «Да здравствует интернационал!»

«И вот без всякой естественной причины в несколько минут завеса истлела и стал виден образ: от лика исходило сияние».

— — А. Э. Коган («Солнце России — Жар-птица») реквизировал дом на горе. Какая гора, я не знаю: очень высоко, — может, и Эверест! И дом так устроен, что часть комнат — под горою и выходят окнами к морю. Мы выбрали себе комнату на верху. И оказалось, что это кухня, только совсем незаметно — без плиты с особенными шкапами, в которых кушанье готовится само собой:

«Поставь, завинти, а через некоторое время, вынимай и ешь, сколько влезет!» — объясняет «инструктор» инж. Я. С. Шрейбер.

В кухне А. Э. Коган не посоветовал нам селиться. «Берите, — сказал он, — другую комнату: здесь будет вам очень жарко».

И мы выбрали самую крайнюю с огромным во всю стену окном на море. И вдруг шум, с шумом открылось окно. И вижу, подплывает корабль. А из корабля трое во фраках, один на Г. Лукомского похож, а другие — под Сувчинского: тащут какую-то: — совсем пьяная, валится! А меня видят.

«Затянись!» — говорит Лукомский.

«А наши вещи?»

«Крепче — — все».

И вижу корабли — уплывают: корабли, как птицы, а белые — как лед.

21. 5.

«В составе Театрального отдела при Народном Комиссариате по просвещению учреждено Бюро историко-театральной и репертуарной секции. В это Бюро вошли: председатель П. О. Морозов († 1920), члены — Вс. Э. Мейерхольд, А. А. Блок, А. М. Ремизов, С. Э. Радлов и Вл. Н. Соловьев».

Северная Коммуна, № 95, 1918 г.

(Впоследствии вошли: проф. Ф. Ф. Зелинский, акад. Н. А. Котляревский († 1925), П. П. Гнедич († 1925).

Я пишу отзывы о пьесах и читаю. И когда я читаю, по-

чему-то всем бывает очень весело и все смеются. Написанное откладываю для книги, которую назову «Крашенные рыла» (Изд. Грани, Берлин, 1922).

— — в каком-то невольном заточении нахожусь я. Только это не тюрьма. А такая жизнь — с большими запретами: очень много, чего нельзя. Поздно ночью я вышел из своей комнаты в общую. Это огромная зала, освещенная желтым светом, а откуда свет, не видно: нет ни фонарей, ни ламп. Только свет такой желтый. В зале пусто. Два китайца перед дверью, как у билетного столика. Дверь широко раскрыта.

И я вижу: на страшной дали по горизонту тянутся золотые осенние березки, и есть такие — срублены, но не убраны — висят верхушкой вниз, золотые, а листья крохотные весенние.

«Вот она, какая весна тут!» — подумал я.

В зал вошли пятеро Вейсов. Стали в круг. И один из Вейсов, обращаясь к другим Вейсам, сказал:

«Господа конты, мы должны приветствовать сегодняшний день: начало новой эры!»

«Господа конты! — повторял я, — как это чудно: конты!» И подумал: «это какие-нибудь акционеры: у каждого есть «счет» и потому так называются контами. А сошлись эти конты, потому что тут единственное место, где еще позволяют собираться». И не утерпев, я обратился к Д. Л. Вейсу (Д. Л. Вейс служил когда-то в издательстве «Шиповник»):

«Почему вы сказали: конты?»

И вижу: смутился, молчит.

«Я об этом непременно напишу!» — сказал я.

«Очень вам будем благодарны, — ответил Д. Л. Вейс, — у нас торговое предприятие».

И вдруг вспоминаю: не надо было говорить, что напишу — писать запрещено! И начинаю оправдываться; и чем больше я оправдываюсь, тем яснее выходит, что я пишу и, конечно, напишу. И совсем я спутался. И вижу: дама в сером дорожном платье — жена какого-то конта. Я ей очень обра-

довался: я вспомнил, что эта дама помогала нам перевезти наши вещи сюда.

«И Б. М. Кустодиев тут, — сказала она, — он тут комнату снимает!»

Успокоенный, что дурного ничего не выйдет из моего разговора, я пошел к входной двери. И тут какой-то шмыгнул китаец — и мы вместе вышли на маленькую площадку — —

Перед нами огромная площадь — гладкая торцовая. Желтый свет. А по горизонту далеко золотые березы. Китайцы старательно скребут оставшийся лед.

«Это в Германии их приучили в чистоте держать!» — подумал я. И вижу, из залы выходит очень высокий офицер, похож на Аусема. Да это и есть О. Х. Аусем, я его узнал. Но он не признает меня.

«Вас надо в штыки!» — сказал Аусем.

А я понимаю: он хочет сказать, что я должен отбывать воинскую повинность.

«Никак не могу!» — и я показал себе на грудь.

У нас все заняты, — ответил Аусем, — одни орут... да вы понимаете ли: «орут?»

«Как же! одни пашут...»

И мы вместе выходим в зал.

«Вы из Кеми?» — спрашивает Аусем.

«Нет, — говорю, — я из Москвы».

«А где же ваша родина?» — он точно не понимает меня.

«Я — русский — Москва — Россия!»

«Ха-ха-ха!» — и уж не может сдержать смеха и хохочет взахлёб.

И я вдруг понял: а и в самом деле — какая же родина? — ведь «России» нет!

6. 7.

В ночь на Ивана Купала (по старому стилю) началась стрельба. Вчера убили графа Мирбаха. Я собрался в Василеостровский театр на «Царскую невесту», один акт кое-как про-

сидел да скорее домой. Стреляют! И когда идешь, такое чувство, точно по ногам тебя хлещут.

— Восстание левых с-р-ов!

— — на верху в комнате стоит около стола Блок.

«Я болен!» — говорит он.

И вижу, он очень грустный. И тут же Александра Андреевна, его мать, в дверях.

«Лепешки, говорит она, — по 3 рубля: два раза укусить».

IV.

О СУДЬБЕ ОГНЕННОЙ.

От слов Гераклита Ефесского.

Есть суд над всем, что дышит, живет и растет
суд огнем,
Огонь
последний судия — все судит и все разрушает.
А молния — кормчий.

Последнее испытание
через огонь.
Огнем
очищается персть
А молния кормчий.

Пожжет огонь все, что горит!
В огненном вихре проба для золота
и гибель пищи земной.
и вместо созданного останется
одно созидаемое —
персть и семена для роста.

Все, что дышит, живет и растет,
станет дымом.
И ты своими ноздрями почуешь:
противоборствующее — соединяет,
а разнообразие преображает в гармонию.
гармония возникает из борьбы.

Молния — кормчий.
Огонь очистительный!
А справа идет его брат
— война —
царь и отец всего,
властитель над богами и людьми;
творя новое право и новую жизнь,
указует судьбу рабов и свободных.

Вечная распря
— война! —
движет весь мир,
распределяет долю.
И все возникает из распри и судьбы.

Все совершается в круге судьбы.
Всякий свет побеждаем.
Свет же последнего суда неизбежен.
И куда убежишь от осиянности?

Сама судьба полагает предел совершения:
безмерно взлетевший низко падает,
И каждому — по его потребе духовной:
ослы солому предпочтут золоту.

Все совершается в круге судьбы
Люди, звери и камни родятся, растут,
чтобы погибнуть,
и погибают,
чтобы родиться.
Всякий гад бичем Бога пасется.

И сила через судьбу становится правом,
В начале была сила,
по судьбе сила стала правом.
Право правит вселенной,
силой давя на человека.
Разорение права — пожар.
Его ты залей скорее чем пожар!

В начале была сила,
по судьбе сила стала правом.
И что бы сталось без права?
Хаос, распадение, пыль.
Да станет народ за право,
как за родные стены!

Судьба! всемогущая!
Великое единство пути!
вверх и вниз,
спасения и гибели!
Кто тебя минует, кто тебя избежит?
Не слабые духом, слепленные из грязи,
свиньи в золоте,
куры, купающиеся в пыли и золе.
Судьба! всемогущая!
Кто тебя минует, кто тебя избежит?

V.

ЛЕСОВОЕ

14. 7. — 22. 8.
1918 г.

Поднялись чуть свет. Для меня такой ужас куда-нибудь ехать. Верно, и на тот свет также будет, но я покорюсь. Как покоряясь судьбе сейчас поднялся, чтобы ехать в деревню к Соколову. Деревня для меня тоже другой свет.

Терпеливо ждали трамвая на углу 7-й линии и Среднего проспекта около дома, где жил когда-то Ф. К. Сологуб. (Его выселили и теперь тут Совдеп!). Поезд вышел около 10-ти. Места попались хорошие. И ни одного солдата — это не прошлогоднее, когда ехали в Берестовец: клюк = топ = дробь = мат. К вечеру приехали на станцию. Передохнули после вагонной встряски в опустелой чайной Ракосуя (хорошая фамилия!) и на лошадях — в Кислово. Путь 50 верст по прямому, а по косому — — ? Мы ехали по косому.

И опять поле (гляжу, как с того света!) — трава (трава ростет и в революцию и после революции!) — деревья (помещичьи или крестьянские им безразлично!). Я как то проснулся: трава — поле — деревья! Я как из могилы — мне сказали: «иди на землю, живи опять!» — и вот я вышел.

Деревнями проезжали, везде лес сложен.

— Будет новая стройка!

Точно в лесное гнездо попал, когда совсем уж в ночь приехали, наконец, в дом в Кислово.

Лесавки, лесовое, лесное — —

*

Лесавки, лесовое, лесное — —

Уж очень мы дома изголодались, а тут столько хлеба! И хочется взять и неловко. Что-то снится, но не различаю. Или воздух действует? или не вжился? или еда?

Смотрю в окно — в сад:

«Как хорошо в Божьем мире!»

Всякий день меня водят на прогулку к «семи дубкам» (их всего-то два, но так по привычке говорится, к семи — пять в революцию срезали на полозья!) От «семи дубков» на «лысую гору», с лысой горы в лес.

По камням я ходить умею, а по земле трудно — нога подвертывается. Иду несмело, смотрю по сторонам:

«Как хорошо в Божьем мире!»

*

Пекли хлеб из новой муки: хлеб зеленоватый. Ели та́к — чтобы на год! — не жаловаться.

Читаю единственную газету: московскую «Бедноту».

*

В хлеб въелись, больше не манит: лежит на столе такой кусище — не смотришь. И не понятно, как это всю зиму — сколько об этом было разговору! Нет, сытый голодного не разумеет!

Какой сегодня чудесный вечер — осенний. Ясно, тихо — осенне. В саду и на лугу желтые цветы, как по весне, одуванчики — второцветы. Днем прилетают с озера стрекозы в сад — «женятся!» В лесу тишина, птицы молчат, перепели все песни, и только одна, не поет, а стонет —

«Как хорошо в Божьем мире!»

*

«Как хорошо в Божьем мире!»

Но я не могу долго жить в деревне. Этот черед жизни: едят, ростут, женятся — зелено, грязно, тихо — лесавки, лесовое, лесное. Нет, не могу я по «естественным законам» и в постоянном страхе перед погодой.

Пора домой — на камни и голод!

И тянутся нетерпеливые дни: скучно — домой!

Я вспоминаю В. Ф. Нувеля: один единственный раз за всю

свою жизнь выбрался он из Петербурга не в Мартышкино, где жил Сомов, а в настоящую деревню, как это вот Кислово, и на лоне природы в ухо залезла к нему уховертка. И уж мне мерещатся везде эти нувелевские уховертки.

Вот и голода нет, одолела забота.

*

Лесавки, лесовое, лесное — — прощайте!

Сегодня вернулись домой в Петербург. Когда входили во двор, навстречу старик Успенский, и не здороваясь, голодный:

— Хлеб привезли? — спросил он и с завистью и с отчаянием.

За эти недели закрыты все «буржуазные» газеты и журналы! А идет зима — —

VI.

ЧЕТВЕРТЫЙ КРУГ.

«Вошли мы в щель четвертую — —»

День кончился — сутолка и безтолковщина!

день — наполненный голодными порываниями и самыми хитрыми изобретениями добыть какую-нибудь снедь; день кружащийся между службой, стоянием в очередях, ожиданием и жалким обедом.

А когда-то я не думал о насыщении. Странно подумать, что это было когда-то. И странно думать, что я еще жив.

Вся боль моя канула — и вот, как пар, поднялась к ушам и глазам: и все, что я вижу, и все, что я слышу, проникнуто болью. Улица, встречные — люди, звери, машины — больно бьют меня по сердцу. И я не могу отвести глаз — они же не видят меня.

*

Ночь — петербургская. Ни огонька. Весь наш каменный мешок успокоился.

А за стеной шуршит, кашляет — это сосед мой безсонник

Только вдвоем мы и не спим: он — потому что душа у него ночная, душа его дышет ночью; я — моей работы никогда не окончить и уж рука коченеет, а я сижу, и погаснет тоненькая свечка (этот единственный свет!), а я буду так же сидеть.

Тут и мои книги — мало их у меня осталось! — Гоголь. Достоевский...

Гоголь: «поэты берутся не откуда же нибудь из-за моря, но исходят из своего народа. Это — огни, из него же излетевшие, передовые вестники сил его».

— Николай Васильевич! — говорю, — какие огни? Или не слышите? Один пепел остался: пепел, зола, годная только, чтобы вынести ее на совке да посыпать тротуары. А потом растопчет чья-то американская калоша.

*

Сосед умолк. А под утро, знаю, опять начнется — этот кашель его сверлящий.

Все замолкло — мертвый каменный мешок! — великое молчание свободы.

Как часто теперь я больше не чувствую свое тело: я как бы отделяюсь — великое молчание свободы! — и нет никаких желаний.

У меня было много приятелей — и все куда-то пропали!

Остался один: не забывает — зайдет, присядет к столу — — одно ухо длинное, острое, а глаз, как три глаза! Говорит же он со мной половинкой своей обыкновенной с ухом и глазом обыкновенным: говорит о пайках, категориях, литерах. А другой половинкой ужасной так ужасно смотрит — —

— — —

Нет, сосед не успокоился, безсонник, опять закашлял.

— Федор Михайлович! Что я сегодня видел! — — видел я издыхающую собаку: она сидела под забором как-то по-человечески и в окровавленных губах жевала щепку.

Алексей Ремизов.

Скандинавская мудрость.

ЭДДА.

HAVANAL.

В словах древней мудрости, будь то *Слово Египетского Старца Пта-Готепа* или Вавилонское сказание *о Нисхождении Истар, Книга Пути* Лаодзэ или молниеносные изречения Гераклита Ефесского, есть особая выпуклость и насыщенность, краткая выразительность, обогащающая и живописующая. Так старик, проживший свою жизнь в смолистой глуши дремучего леса, вне суетливых рассеяний нашей городской ежедневности, одним видом своим и скупо роняемым словом, сразу дарует умеющему смотреть и слушать редкостный клад разумения, выразительности необыкновенной.

О художниках говорят, что они, когда пишут чей-нибудь портрет, живописуют не только изображаемого, но и самих себя. Итак о словах древней мудрости можно сказать, что не только лик мудрости они изображают, но и явственно живописуют лик своего народа. Возьмем несколько примеров из областей строго-разъединенных.

Вот первый ряд изречений. — Знающий постоянно имеет душу всеобъемлющую. — О, как медленны слова, произносимые с весом и с пониманием. — Тяжелое лежит в основании легкого. — Тишина господствует над движением. — Где стоит войско, там взростет колючая трава. — Великая страна подобна устью реки.

Вот второй ряд. — Благоговение к Богу — начало разумения. — Вино глумливо, сикера буйна, и всякий увлекаю-

щийся ими неразумен. — Есть золото и много жемчуга, но драгоценная утварь — уста разумные. — Отборное серебро — язык праведного, сердце же нечестивых — ничтожество. — Расстроивающий дом свой, получит в удел ветер. — Кто любит наставление, тот любит знание. — Отдели примесь от серебра, и выйдет у серебреника сосуд. — Золотые яблоки в серебряных прозрачных сосудах — слово, сказанное пристойно.

Вот третий ряд. — Солнце не только бывает юное днем, но всегда оно юное беспрерывно. — Но конечно природа льнет к противоположному, и из противоположностей получает она созвучие. — Павших в бою боги чтут и люди. — Народ должен сражаться за закон, как за стены. — И к пределам души идя, их не найдешь. — Бывает суд мира и всего, что в нем, через огонь. — Рулевой всего Молния. — Ибо солнце не преступит меры; если же не, — стражи Справедливости, Эриннии, его найдут. —

Можно и не зная, откуда взяты эти ряды изречений, безошибочно догадаться, по неотразимой живописности их, особливо указующей, что первый ряд принадлежит духовному властелину Срединной Империи, Лаодзе, сыну того трудолюбивого Китая, который в своих цветущих тысячелетиях настолько изжил мысль Войны, что создал поговорку: «Хороший солдат — хороший убийца». И второй ряд, конечно, сразу вызывает в воображении роскошного и мудрого царя Соломона, которого трудно помыслить вне окружения золота, серебра и притчи. А кому же может принадлежать третий ряд, как не победительному герою народа, возлюбившего свой закон как поэму, свою художественную меру явившего и в Афродите и в Афине, — ему, солнцеликому Гераклиту?

Таковою же изобразительной краткословной мудростью отмечено *Слово Высокого* древних Скандинавов, где воинственный народ славит красоту мирную, влагая ее в уста мудрейшего своего вестника, Одина, испившего из бездны.

СЛОВО ВЫСОКОГО.

1.

Орел нависнет,
Свой клюв наметит,
Добычу хвать.
Так тот, кто может
Других заставить
Явить свой ум.

2.

Кто хочет в путь,
Сперва пусть взглянет
На двери все,
На каждый выход.
Не сразу знаешь,
А должно знать,
Где друг, где недруг.

3.

Слава дающим!
Гость прибывает.
Где его место?

4.

Прибыл путник, —
Дай умыться,
Утереться,
Встреть приветом.
Словом дружбы,
Чутким слухом.

5.

В мудром молчаньи
В дом кто вступает,
Зла не увидит.

Нет человеку
Друга — вернее
Знанья людей.

6.

Гость осторожный
К пиршеству званый
В слове не скор.
Слушает ухом,
Смотрит глазами, —
Мудрый таков.

7.

Нет лучшей в дороге
Дорожной котомки,
Чем знающий ум.
Для путника в мире
Нет худшей услады,
Чем хмель.

8.

Хмельной напиток
Не так хорош,
Как мыслят люди.
Чем больше пьешь,
Тем меньше сердце
В тебе — твое.

9.

Вздыбится рьяный
Язык торопливый,
Быстро накличет
Беды себе.

10.

Погостил, — и в дорогу.
На одном нам и том же
Непригоже быть месте.
Если в доме другого
Черезчур засидишься,
Милый станет немил.

11.

От нас далеко
Живет недобрый,
Будь он хоть здесь.
К тому, кто верный,
И через дали
Короткий путь.

12.

Кто копит клады,
Да разумеет,
Что́ с ними делать,
Порой бывает: —
Жалеешь другу,
Получит враг.

13.

Корабль — для бега
В широком Море,
И щит — в защиту,
Клинок — для битвы,
И рот девичий —
Для поцелуя.

14.

Огням горящим,
Волнам ростущим,
Змее уснувшей,

И волчьей пасти,
Словам медвяным
В постели брачной, —
Не верь никто.

15.

Если ты видишь,
Что женщина лжива,
Путь твой — по льдинам,
А конь неподкован,
В бурю плывешь ты,
А руль твой потерян,
Хром ты, а ловишь
Оленя на срывах.

16.

Я молвлю правду,
Я знаю страсти: —
Мужчина шаток,
Когда он с девой.
Всего нежнее
Слова находим,
Когда в нас лживость
Всего сильнее.

17.

Не смейся, не смейся
Над словом седого.
Разумное молвит
Морщинистый рот.

18.

Когда-то был юн я,
Бродил одиноко,
И сбился с дороги.
Я вдруг стал богатым

Другого увидев: —
Восторг человеку
Другой человек.

19.

Будь другом другу,
И другу друга,
Но никогда
Не другом другу
Того, кто недруг.

20.

Головня к головне,
Переходит пыланье
От огня до огня.
Человек с человеком
Сочетается так
Переброшенным словом.

21.

Умирает богатство,
И друзья умирают,
И умрет человек.
Но заслуженной славы
Не касается смерть.

22.

Я знаю песню
Сильней всех песен,
Ценней всех слов.
Когда ты в буре,
Тебе в ней помощь.
Когда ты в горе,
Расслышь ее.

Гос. Публичная библиотека в Ленинграде

23.

Лишь тот, кто — с сердцем,
Узнает душу.
Недуг страшнейший
Для человека: —
Без страсти жить.

24.

Умеешь ты править?
Умеешь ты ведать
И путь созиданья,
И путь разрушенья?

25.

Полностью спето
Высокое слово.
Слава пропевшим,
И слава внимавшим!

К. БАЛЬМОНТ.

St.-Gilles-sur-Vie.
Vendée.
1925—27 мая.

Юность.*)

Киев ширился, разрастался, выростали пригороды, расчищались овраги, делались улицы; на Житомирском шоссе строился Политехнический институт, раньше там была собачья слободка, выгон-пастбище, а все вместе развеселое место, заканчивающееся дачами «Sans-Souci» — без забот. На слободке паслись свиньи, гуси, лежали дети, валялись солдаты, девушки и кацапы-маляры, которые каждое лето штукатурили Киев, — все они там лежали, обнимались и по праздникам веселились. Нам строго запрещалось смотреть туда, где люди жили Sans Souci.

Слободка была большая, зеленая и поднималась вверх. Когда мы проезжали мимо, то папа пускал рысью во всю мочь нашего лихача, чтобы мы не видали, что там делается, и мы летели мимо прочь; тогда гуси, свиньи, солдаты, девки на зеленом поле нам казались будто беленькие и черненькие точечки. Никогда не думалось, что на этом развеселом месте построят политехнический институт, а против него, почти vis-à-vis, разбьют летние лагеря до самой колонии малолетних преступников.

За всем этим выстроился Святошин с барскими особняками и прокатился бельгийского общества хорошенький трамвай, в тридцать пять минут ходу. Чудовищно скучный Святошин был тогда, чудовищно скучные особняки хорошего тона. Теперь

---

*) Отрывок из подготовляемой к печати книги «Записки Революционерки» Е. П.

в Святошине остался только лес, особняков и трамвая не стало. Нам нравилась бедная Дарница или Межигорье с озерами светлого тона, или старая Боярка — еврейская, полная ландышей, и Мотовиловка, вся в свежих дубках и березках, но нас никогда туда больше не возили и мы жили с тех пор в Святошине, придерживались хорошего тона. Мы богатели, отец строил дачи, продавал и снова новые строил.

В гимназии мы изучали: «бег, бегун, беглянка...» а после этого тридцать пять слов: «возле, ныне, подле, после...» Ходил учитель музыки, — учительницы музыки уже «ничего не стоили», — репетитора-студенты, француженка — mademoiselle и Frau Kinitz. В доме были еще бонна и француженка и нас учили, учили, учили...

Одна только и радость была, когда приезжали тетки из деревни. Три разные тетки, три родные сестры: одна ходила только в розовом цвете, другая в голубом, а третья в кремовом. Когда оне приезжали, сразу становилось в доме весело, но дома у нас их за глаза называли «провинциалками».

От «ясновельможного рода» их ничего не осталось, кроме внешних польских черт лица, так как бабка была тоже пани.

Тетки пудрились открыто, завивались, ели целый день конфеты, главным образом до обеда, хохотали над всеми, нас тормошили и посвящали во все свои секреты и женские тайны: как надо пить уксус, чтобы бледной быть и с тонкой талией, как надо папиросной бумагой ноги обвертывать, чтобы нос не был красный, и как брови на ночь свиным салом мазать, чтобы были оне черные, пречерные.

Гадали тетки на картах, все три на трефового короля, огорчались, когда туз пиковый падал острием на сердце, плакали без видимой причины и нам было очень приятно их утешать. Они рассказывали свои сны, всегда знали значение снов наизусть, рассматривали руки по какой то «Хитроманской» книжке и могли по ним узнавать, когда жизнь кончится и кто сколько раз замуж захочет выйти.

Даже умели зубы заговаривать: клали на ватку креозот, смотрели на заходящее солнце, на запад, читали три раза Отче наш, выплевывали ватку и боль уходила тоже на запад... Они

учились когда-то, но к 30-ти годам все перезабыли и уверяли, что и с нами девочками это будет, когда нам будет столько же лет, как и им. Знали они все предрассудки житейские, обычаи своего класса и общества и были они такие милые, такие повседневные, совсем нам доступные, что мы их вечно целовали. Кроме того они были очень веселые, от природы комики, и их жизнь, несмотря на стародевичество, была tarantella. Мы ими увлекались и завидовали, как бы нам такими быть. Мама очень снисходительно, казалось, относилась к их времяпрепровождению, но когда они уезжали, то за столом резко осуждала их провинциализм и мещанство, — тогда не говорили слова «обывательщина». Это не мешало нам их любить и ставить их на первое место, а других двух теток аристократок на второе.

Эти другие тетки, по знатности своей, окончили Смольный институт, по бедности генеральских дочек, служили классными дамами, но еще получали эмиритуру, а по гордости не выходили замуж «за каких то» педагогов. Как на зло они были классными дамами в нашей гимназии и там их аристократическое око не отказывало нам в своем внимании почти всю гимназическую жизнь, и только в шестом-седьмом классе гимназии они оставили меня в покое, разочаровавшись в моей голубой крови. Обе они были законодательницами тона в нашем доме вместе с «mama Fa», как звали нашу крестную мать Аристократка, дворянка или «пани з маленького двирка», как наш отец, сердясь, называл ее за глаза, она была очень начитанная и образованная дама. Несмотря на весь свой аристократизм, начинавшийся от кружевной наколки из Брюссельских кружев и кончавшийся узкими носками ее черных шавровых ботинок, которые она привезла тридцать пять лет тому назад из Карлсбада, она читала всю периодическую прессу и все газеты. Раньше, когда ей было восемнадцать лет, она, вступив сиротой во владение крестьянами и имением, отпустила крестьян и дворню не из за демократических идей, а из соображений того порядка, что дворяне, истинные носители культуры, не могут иначе поступить, как отпустить безвозмездно рабов на все четыре стороны. В доме у ее отца воспитывалась моя мать, как барское дитя, и mama Fá посвятила всю свою молодость воспитанию этой девочки. Внешностью она напоминала мою мать настолько, что мы думали, что они сестры. На-

шей матери она дала прекрасное воспитание и всю жизнь следила за ней.

Mama Fá держала нашего отца в руках и при этом называла его «золотое сердце»; жила она от нас особняком в огромной усадьбе в Липках, где у нее было больше сорока собак, людей она не любила: люди подлы и неблагодарны — часто говорила она и в лорнет смотрела сначала на мать, а потом на нас, главным образом на меня. Кроме папы и собак, она никого не считала благородным, и из за благородства собак она осталась нищей, вскармливая их шеколадом; из-за благородства отца она читала нам ежедневно нотации.

Вместе с тетками аристократками, ее родными племянницами, она учила нас хорошему тону, чему мать была очень рада, имея возможность в это время спокойно читать книжку. Один раз по ее совету отец высек нас девочек розгами, причем после экзекуции нас целовали, посадили в ванну, кормили вареньем и отец не знал, как ему загладить свою вину; я не ела варенья, лежала спиной и щупала опухшую кожу ниже крестца. Mama Fá в это время говорила, что даже в английском обществе секут детей и что это очень помогает, и что она даже сама очень часто, если собаки не слушаются, берет плетку, бьет их всех и это помогает ей справляться с сорока собаками. От нее мы знали, что без перчаток выйти на улицу — позор, мы знали, что простому люду и прислуге нельзя подавать руку, но собакам можно: «Крауза, дай лапку»; знали, что на улице нельзя разговаривать и смотреть по сторонам, хотя бы несчастье сбоку случилось, — не наше дело; что надо голову держать слегка вверх и, кланяясь, надо только глаза вниз опускать, дома, здороваясь, делать только реверанс; не размахивать руками и не держать руки кулаком, будто ногти грязные; девочкам надо носить короткие юбки до шестнадцати лет, чулки натягивать jusqu'au bout; всегда носить локоны и банты и всего лучше играть в серсо и, наконец, целоваться только в щеку. Это было нам преподаваемо каждую субботу и воскресенье и мы плакали у панны Анны, нашей няни, горько на плече и утром подавали ей, на зло Маме Фа, руку, целуя панну Анну крепко в губы, сухенький носик, или куда попало.

Раз тетки деревенские прислали с ярмарки нам ситцевенькие красные детские зонтики. Вот прелесть! Старшие назвали

их мещанскими и не позволили на улицу брать. На другой день утром мать проснулась в пять часов утра от какого то шума и увидала, что мы все три девочки сидели в кроватках с раскрытыми зонтиками и закрывались от солнца...

Тетки-аристократки являлись для нас источником всевозможных «двороцовых и аристократических тайн»; когда они приходили, то начинались замечательные разговоры про романы. Мы знали, что есть повести, стихи, рассказы и романы в литературе. Романы, это когда много, много действующих лиц и про всех из них подробно написано, но что такое романы в жизни, когда говорили про одно лицо, нам было непонятно; вскоре мы поняли, что это запретная любовь. Мы часто слыхали, что у «него» (царя) запретная любовь к Кшесинской, что у Георгия тоже, что у Михаила, наверно, тоже будет, что у Витте началась, но он, наверно, женится. Про многих еще говорили они, но, в конце концов, все эти лица женились и запретная любовь пропадала.

Знали мы от этих теток, что наши красавцы дяди священники имеют «опять» роман. Что даже, знаете, игуменья, но это величайший секрет и т. д.

Так хотелось когда нибудь, хотя бы на минуточку, увидеть запретную любовь.

Спрашивали маму, а почему у нас в доме нет романов и когда они начнутся. Спрашивали также, бывают ли в жизни стихи, повести, рассказы. Мама говорила, что очень редко, а большею частью драмы и трагедии, как будто в театре. Опер в жизни совсем не бывает. Знали мы, что романов бывает много, сколько хочешь и что у «него» царя был роман с Гейшей, — Гейша вроде как богиня, и за эту любовь офицеры-японцы ранили «его» в голову, потому растет шишка и «он» такой «идиот».

Когда в Киеве была поставлена оперетка Гейша, то мы очень просили нам показать богиню Гейшу; думалось, что она прекрасна, как принцесса Греза, но родные сказали, что царь запретил всем детям и гимназисткам смотреть Гейшу, т. к. сейчас же все влюбляются в нее.

Тетки наши аристократки тоже не ходили смотреть Гейшу,

говоря, что с них довольно всего, и мы понимали почему: у них так много было всего в корзинах, что можно всю жизнь только одеваться и раздеваться. Белые парики, косы, шелковые платья с кринолинами и турнюрами, золотые туфли и перчатки почти до декольте. Когда они жили у нас, то их комната была вся завалена пуфами, подушками, коврами и кружевами, над которыми до слепоты работали крепостные девушки. У них были замечательные веера и платья со шлейфами старых времен; они устраивали только для себя маскарады в белых париках с черными мушками, как фаворитки при Людовиках. Фаворитки, по французски означают также царицу, так объясняли тетки, это можно найти только в старых словарях, а не теперешних, очевидно, «ничего не стоющих».

Часто мать этим теткам советовала почитать газету и немножко отвлечься от воспоминаний, которые их делают такими же старыми, как их чепчики и матине. Газет они не читали, чтобы не пачкать ногтей и даже не интересовались хроникой.

Хроника, как нам казалось, была в Киеве болезнь и потому ее писали большими буквами, а дальше следовали грабежи, убийства, погода и подкидыши.

Подкидыши самое интересное в газете; мы предполагали, что это и есть те дети, которых ни аист, ни акушер, заменяющий аиста зимой, не хотели, чтобы они родились, а они родились сами по себе и потом подкидывались. Нам никогда старшие не объясняли, отчего все не хотели, чтобы эти дети родились и вообще всегда выгоняли из комнаты, когда говорили о детях. Только коровница Палашка, которая принесла в переднике теленочка показать господам, какой мол он беленький, сказала нам, что все, что родится, то от Бога, а раньше чем родиться, должно посеяться и дозреть, как арбуз, так же и животные и люди посеются в животе, дозреют и родятся. Очень нам интересно было это знать, а она нам без всякого «выгонянья» из комнаты рассказала, наконец.

Но в скором времени это объяснение рождения человека наткнулось на новые осложнения и недоразумения, которые еще больше запутали вопрос. Однажды, поздно вечером, выходя от портнихи Анны Александровны и рассказывая ей о рождении четырех собачек у нашей болонки Дамки, а также делясь своими желаниями, как бы хорошо было подкидыша найти, мы

вдруг обнаружили у крыльца какой-то сверток; портниха, провожавшая нас, хотела отшвырнуть его ногой, но та же болонка Дамка стала лаять на пакет. Портниха, подняв его, сказала: «да это подкидыш».

Нашей радости не было границ, портниха была расстроена до слез, позвали городового... Мы пришли домой и радостные, перебывая друг друга, рассказывали о счастливой находке и просили мать взять нам ребеночка. Но почему то за это на нас раскричались, называли нас глупыми болтушками, говорили, что такие дети — позор и стыд, и чтоб мы не смели об этом больше говорить. Назавтра стало известно, что портниха, одинокая — старая дева, усыновила девочку, а наши прекратили портнихе заказывать платья; до этого Анна Александровна работала нам лет 8—9 и придумывала исключительно нарядные детские туалеты. Лет через 20 я встретила ее в трамвае и она, поцеловав меня, сказала: «вот моя дочь». Хорошенькая изящная девушка застенчиво со мной поздоровалась. Она до сих пор не знает, что вместе со щенятами «Дамки» она пришла в наш детский мир, столь желанная.

Детский вопрос занимал нас очень долгое время и чем мы становились старше, тем он становился запутаннее и сложнее. Помню, когда мне было лет 14—15, возвращаясь из гимназии, я встретила на крыльце ту же коровницу Палашку. Она позвала меня к себе в хлебную, где пеклись хлебы для гимназии и показала мне маленького ребеночка; около ребеночка сидела наша бывшая горничная Мария и почему то «шмыкала» носом.

Ребеночек был прелесть: толстенький, пухленький, весь в складочках и с двумя подбородками. Головенка была черная, глаза как черные бусы и ногтики длинненькие, остренькие; животик был забинтован, видно болен, а сам ребеночек громко сосал руку, которую он от толщины не мог согнуть. Это была такая прелесть. Я любовалась, не отрываясь, его морщинками, жестами, движением...

Я страшно любила детей, может быть, самое сильное чувство, заложенное во мне, было мое материнство, столь неудачно и горько отнятое у меня впоследствии судьбой.

Наслаждаясь рассматриванием маленького «человечика», я опоздала на обед и пришла, когда наши ели крем. Учитель музыки обедал с нами и первый урок был мой. Торопясь, я на-

чинаю есть крем и запиваю скорее бульоном. За столом сидит масса чужого народа: студенты, родственники и учителя. Меня кто-то спрашивает из родных, где была. И я, радостная, возбужденная, пережевывая на спех еду, говорю: «Господи, какая прелесть, что я только что видела. Я была в хлебной и видела там маленького мальчика Марии, какой он хорошенький». Не обращая на жесты и усиленное мамино подмигивание глазами, я продолжаю: «прелесть, толстенький, красненький, так кулачек сосет интересно; я ему все ножки и ручки перецеловала». Поворачиваясь к папе, я говорю: «папа, знаешь, он вот какой толстый и страшно похож лицом на гимназиста Павловского». Отец с окаменелым лицом смотрит на мать и довольно громко, чтобы слыхали студенты, шепчет на ухо учителю музыки: «оно-ж, его-же, Павловского. У папеньки его вся Била Церковь — его диты»...

Тут мать выступает на сцену и обрушивается на меня: как смеешь ты, интеллигентная девушка, смотреть такие гадости; ты распускаешь себя, ты с ума сошла, это позор смотреть; и еще масса слов страшно пренеприятных сыпалось на меня; все там смешивалось: незаконный ребенок, или беззаконный, девка Мария, разврат, стыд, честь потаскуха, etc...

Я сидела оплеванная, будто сама родила этого ребенка.

Не дожидаясь конца этой сцены, я ушла в гостинную, еле сдерживая рыданье. Вошел учитель музыки, закрыл все двери: «ну начнем». У меня дрожали руки и в ушах звучали жестокие слова: девка Мария. Ну, а дева Мария?

Не могла играть, слезы падали на клавиатуру и мочили пальцы.

«Лизетт, садись на мое место, я тебе сыграю», сказал учитель.

Играл почти весь час, а уходя сказал: «сегодня я не буду с сестрами играть, а мальчика я тоже пойду и посмотрю, не плачь Лизетт».

Замечательно и то, что все студенты побывали у Марии и она, награжденная серебрянными рублями, торжественно села на извозчика и уехала на вокзал домой «богатая».

Я забежала немного вперед, а потому вернусь к моменту, как панна Анна, наша няня, ушла. Она ушла незаметно; поссорилась с мамой и вечером ушла одна погулять, а назавтра по-

слала за вещами и денег не хотела взять... Что случилось, мы не знали, да и некогда нам было узнавать, сам дядя Игнатий священник приехал первый раз в наш дом. В детском шкафу повесил антиминс, чтобы плат переменить, и нам не позволили шкаф открывать, так как там мощи живые зашиты. Целый вечер дядя пел романсы, аккомпанируя себе на рояле, пел из Гальки: «Миж горами вітер віет», говорил боннам комплименты, перецеловал на ночь всем нам руки, насмешил нас до слез, проделав на паркете что то вроде pas de chats. Утром завивался маминими щипцами, пудрился, надушился, слегка подстригся, (все мы ему помогали), чуть не забыл антиминса и пошел камилавку получать фиолетового цвета, так он называл лиловый цвет новенькой, хорошенькой камилавки...

Бывали у нас поездки в Малороссию, — так называли мы поездки к дедушке в деревню. Деревня называлась «Бубченки, Сквирского уезда, Киевской губернии». Это длинное название очень нам импонировало. Туда, надо было ехать через Белую Церковь, где луна с прозрачной высоты над Белой Церковью сияет и старый замок озаряет...

Утром дома нас на дорогу накармливали «понемножку»: давали по два яйца, по котлетке, с пюре картофельным, по тепленькому пирожку с мясом, по чашечке молока — мы всю еду размазывали по тарелкам — и еще позволяли запить все это стаканом жидного, прежидкого чая с тремя кусками сахару. И мать, волнуясь и ошибаясь, спрашивала: «дети, вас не тошнит?», вместо: «дети, вы не голодны?» Мы отвечали: «да». Мать в ужасе переспрашивала: «Вы голодны?» — «Нет, но ты спрашивала тошнит нас или нет, мы и сказали, да тошнит».

Сейчас же давали валерьянку и ставили градусник, отец беспокойно смотрел на часы, но у матери было такое несчастное лицо, что он целовал ей руку и все тотчас же усаживались на стульях, креслах, в разных позах, и затем высыпали на крыльцо.

Целый кортеж извозчиков двигался от гимназии до вокзала. С нами, а нас было шесть человек, ехали бонны, няня и горничная. Тетки аристократки, в белых лайковых перчатках, махали белыми, специально для этого взятыми, платками, до тех пор, пока в глазах не начинало у нас мелькать.

Мы ездили к дедушке три, четыре раза, самая же интересная поездка была первая. Как только мы усаживались в вагоне, захватив массу лишних мест, отец ласково нас обнимал, и обращаясь к какому нибудь из наших холостых дядей, которые приурочивали свои поездки к нашей, говорил: «а не попробовать ли нам, какие там Франц (наш повар) спек слоеные пирожки с мозгами?»

Мать беспомощно смотрела на большую корзину, а отец, пересыпая русские слова с украинскими, говориль «на то Гаша едет, чтобы корзины подавать». Гаша сидела в III классе, но каким то чудом чувствовала, что ее имя произносится, и, в больших кожанных черных ботинках с резинками на боках, в розовом платье и широчайшем накрахмаленном переднике, неуклюже появлялась во втором классе; она замечательно ловко разворачивала всю корзину, выволакивая оттуда и цыплят, и куриные котлеты, и паштет «из дичи» (утка или старый петух с потрохами) и всякие мазурки, пончики и, наконец, портвейн и коньяк. Отец не останавливал Гаши до последнего пакета, а затем в отчаянии говорил: «а, чертова дивчина, што ты все выклала, мусим исты». Гаша лукаво смеялась и, получив от отца в пакете цыпленка, отталкивала шутя сладкие пирожки, которые мы ей давали, и смотрела жадно на яблоки, очень дорогие по сезону. Мать, торопясь, давала ей яблоко и все смеялись. Отец сокрушенно начинал еду... Пил он мало и мы, дети, очень интересовались сколько рюмок он выпьет, так как мы просили «лизать» рюмку после него, но он никак не хотел пить третьей рюмки, тогда надо было маме капать три капли коньяка в вылизанную рюмку и все завидовали тому, кто получал эти три капли.

Во время езды было масса разговоров на злободневные темы: встретит ли нас приказчик, встретит ли кто либо из теток, но тетки и не могли встретить, потому что взад и вперед по 75 верст очень было утомительно ехать; и вообще говорили, как без приказчика поедем через Яблоновский лес, где были когда то разбойники, где и сейчас течет река и крутит в ней вода и в этих кругах водяных крутятся покойники, вслед за ними крутятся и серебряные рыбки. Будем ли рано ехать около Рудого села, где земля валится у самой дороги и где был когда то случай такой: лошади перешли, а брички не стало...

«Папа, а будем видеть Белую Церковь при луне и замок, где был закован Кочубей?» спросила я.

Отец поморщил лоб и решительно сказал: «да».

В Белой Церкви на платформе, стоял самый что ни на есть важный человек — приказчик, но приказчик не из лавки, а тот, который всем приказывает. Он стоял в парусиновом сером от пыли пальто и держал кнут длинный, красивый, как в магазине выставляется напоказ. Мы сделали ему все три девочки реверанс, но он только прищурил глаза и подавив улыбку, не подал нам руки. Сразу мы опешили, почему он так с нами небрежничает, но тут увидели совершенно обратное: ни отец, ни мать и никто ему руки не подал, и мать тихо говорила отцу: «я не знаю, как себя с ним держать, подавать ему руку или нет». Отец очень хитро посмотрел на нас и сказал: «А Вы, А. И., возьмите детей за руки и Вам не придется ничего подавать; вот я маю в одной руке Ваши все шесть зонтиков, а в другой Ваш несессер, а колы-б мав третью руку, то Вашу картонку зо шляпами взал бы, или крокет и серсо и всякое смитье, что Вы понабрали»...

Около прелестной пролетки и двух породистых, неспокойных лошадей, стоял в парусиновом пальто долговязый мальчишка, лет 16—17. Отец подошел, обнял его и крикнул нам: «дядя Сеня, идите знакомиться».

Это был его младший брат — любимец. Лентяй, которого выгнали из всех учебных заведений, теперь, специализировавшийся на лошадях. Он выезжал их, а дед продавал таких лошадей за большие деньги. Вид лошадей, взмыленных и свирепых, спокойная осанка дяди Сени, его хладнокровное потрепывание по шее лошадей нас поразили и озадачили, как быть с подачей руки и почему нас не научили, как с кем быть. Мы, толкаясь и заминаясь, подошли к дяде Сене, а так как он не сделал встречного жеста, то резко и быстро ему отвесили реверанс. Он посмотрел на нас и сказал: «Дуры».

Отец не слыхал его приветствия и уже нас торопили устраиваться в фаэтоны и пролетки.

Гаша возседала на корзинах и багаже, кусая вкусно красное яблоко.

После краткого размышления я назвала мысленно дядю

Сеню «лошадиный инспектор». Инспектора мы не любили в гимназии, а «лошадиный» к новому дядьке очень подходило.

Нас закутали в плащи, в газовые вуали, покрыли пледами с головой, на время, пока надо проехать городок; лошади стучали копытами по камням, кругом был писк, шум, да еще крик поросят и хрюканье свиней; кто то переехал цыпленка, кричали на кого то из наших: «чортов сын и сукин сын», наконец, зажурчала вода и лошади пошли, стуча тихо о камни, по плотине, через которую текла вода. Нас открыли от платков еще до плотины. «Где замок? — Где Белая Церковь? — Там в пыли, да?»

Так я и не видала никогда ни прежней Белой Церкви, ни замка. Осталось одно названье Белая Церковь на пыльном еврейском местечке, да имение графини Браницкой, окруженное большим забором.

Выехали мы сразу на узенькую проселочную дорогу и, отделившись друг от друга, чтобы не пылить, ехали легкой рысцой. Отец с Сенькой впереди гарцовали на своих вороных лошадях, красиво подъезжая то к маминому фаэтону, то к другим. Мама ехала с маленьким братом, сестренкой и Палашкой. Вообще отец вел себя «неприлично», как говорила потом мама, он всю дорогу с юным братцем потешался над француженкой и madame Kinitz, которые замыкали наш кортеж. Совсем далеко виднелось на телеге розовое пятно от Гашиной юбки, которая, обнявшись, ехала с работником, будто они жених и невеста, что уже подметила Frau Kinitz. Я ехала вдвоем с каким то cousin'ом дядей, который время от времени говорил: «Ну, Лизетта, курнем». И предлагал мне из серебрянного портсигара папиросу, а я еще ниже опускала ресницы и закрывалась вуалем с его стороны. Но так как он меня ни о чем всю дорогу не распрашивал, то я смотрела на него снисходительно: «вот тюфяк».

Ехали долго красивыми, широкими, раздольными полями. Ехали час, два, три, — бесконечно, и поля все ширились и ширились. И не было им границ, и не было им конца. От белой гречневой душистой кашки до красных маленьких цветочков клевера — все было там. Овес, ячмень, пшеница, жито и конопля.

«Дети, смотрите, овес. А вот ячмень колосится! А жито то, жито, вот роскошь какая», — кричал подъезжая отец.

Жарко было сверху, но по бокам шевелил ветер игристый и дул он за шею, под шляпу и даже в перчатки проник. Вуаль развевался ветром веселым и щекотал по щекам... Щеки пылали, в глазах все плыло: отец и коляски, поля и картошка на поле зеленом.

«Чьи поля?», — как в сказке спрашивал отец впереди. — «Тэрэщенко», — «А тут?, — «Его», — «Ого...»

Вот и лес Яблоновский, меня будят: «Смотри, Лизетта, скорее лес». И заяц, как нарочно, перед самым сонным носом вдруг пробежал туда...

«Где же разбойники?» — «Их уже давно там нет, а это только сказки для маленьких детей». — «Ах, да!»

В лесу огромном сосновом, не старом и не молодом, мы устроили привал.

Гаша опять всем распоряжалась и маме порассказала полную голову сплетен, у мамы началась мигрень и бонны, будто бы за это, дулись на всех.

Ели, отдыхали, умывались и кормили лошадей. Мужчины купались, а мы на это время ходили за кустики с mademuaselle.

Сенька, чертенок, не прошло и пол минуты, прямо к нам навстречу прибежал: «Там клубнику вы искали, там ее уж нет». «Вот нахал!»

Ехали дальше, стало немного прохладнее, вокруг на полях, все бураки белые растут. Целые поля, и там, и сям, везде их много. «Что это?» — «Свекловица». — «Ну, неверно, это бураки»... «Бураки и есть свекловица», — «Ах, да!»...

«Чьи?» — снова кричит отец, — «Оно-ж, его ж, то и есть, — Тэрэщенки». «И ци?». — «Вси его». «Ого... Чортов Сын...!»

Небо переливалось разными цветами и солнце, не смотря на землю, светило только небесам, то золотом покрыло все барашки, то отпустило цветом нежно желтоватым, то сразу как то покраснело и стало страшно красное само, и все вокруг краснело, вдруг скрылось под землей.

«Лизетт, не спи, обрыва не увидишь».

«Я ведь не сплю, а только с солнцем попрощалась и заболели вдруг глаза».

«Где обрыв?» — «Еще осталось версты три».

Но как себе представить три версты, когда верста имеет 500 сажень, сажень — три аршина, а аршин лежит в столовой

на буфете, и потому не знаю я сколько времени мне ждать обрыва и стыдно мне спросить — «такой туфяк! — три версты!» — Не сплю и жду того обрыва.

Вот он, все встают и курят папиросы. «Где обрыв?» Вот там внизу. Темно и будто только темнота и вовсе не обрыв. Мы шли дорожкой, но на самом интересном месте нас подняли на руки и обрыв пропал.

Скоро, очень скоро, вскачь и бешенным галопом, лошади с пролетками, обогнув пять верст, к нам в пыли бежали.

Сенька ведь, чертенок, был и тут, и там; обежав оврагом он пошел назад, бросив фразу глупо, будто бы не нам: «можете клубнику здесь вы поискать».

Совсем настала ночь и только звезды были видны, но очень далеко. На разъезде у самого села стояло три креста, с лампадой заженной.

«Что это?» — «Так надо». — «Хорошо!».

Поехали вниз, запахло болотом и влагой; стало в ушах отдаваться какое то странное пение — гуденье, иль лаяли неведомые звери, или это было какое то цоканье дикой индюшки, или будто всхлипывали женщины, больные кликушкой, а это всего навсего были только лягушки-квакушки.

Ква, ква, ква... заливались они отвратительно.

«Где же эта самая?» — Кто-то спрашивает, верно бабушка.

Меня несут и пахнет славно мятой, чистою подушкой и герань в лицо. Белый ватерпруф, белая косынка, кружево, браслет — бабушки уже нет.

Я помню хорошо бабушку, она была совсем не такая, как все: она была настоящая пани — гордая, красивая, высокая и даже надменная.

Она не хотела знаться с попами и жила совершенно замкнуто и одиноко. Дед обожал ее и, несмотря на свой буйный темперамент, который он передал сыновьям, не изменял бабушке. Он рыцарски ее обожал, он тратил на нее все деньги и исполнял все ее капризы, но семья росла и надо было всех учить. Тетки попали в епархиальное училище и совершенно омещанились, а дядьки пошли в священники и только тогда

старики поняли, что любовь их перестарела и сами они уже старики.

Ни одного серебрянного рубля, золотого не было прибережено на черный день. Шелк, белье, наряды, выезды, гончие — все поглощало их доходы, да и доходы были не велики. Деду принадлежали по приходу три деревни, но священник добытчик он был плохой. Да какой он мог быть священник, когда о церкви говорил: «Ну, иду в театр». Брал низкую басовую ноту и еще ниже, ниже до, си, ла, соль, фа, ми, и хохотал, как Мефистофель на ре, ми... Бабушка, не поворачивая головы, подымала дугой брови и посылала ему едва заметную улыбку.

Жили они как помещики, так как приход давал им огромное количество полей и лугов и вот они и оборачивались.

Духовенство делилось у бабушки на две части: одни «Сикорские, Крыжановские, Самборские» и мы, которые уважались и с которыми считались, —другие были «попы», бурсаки, семинары, пьяницы и нахалы, одним словом, дрянь, по терминологии Сеньки.

Сенька нас не оставлял в покое и всячески озабачивал своей особой. Он никогда не сидел за общим столом, а как то через окна, двери, из-за углов, все видел и все знал. Несомненно мы интересовали его больше всего знанием французского языка, но так как наши бонны разобиделись и через три дня их отправили обратно в Киев, то только у нас можно было позаимствовать нужные французские слова для Сенькиного деревенского обихода.

Он, не спрашивая, прислушивался к нашему лепетанью и мы, заметив это, подмигнув друг другу, устраивали такую штуку: одним духом спрягали глаголы, будто столь разговоры быстро ведем: je pense, tu penses... другая отвечала: je mange, tu manges... Третья спрягала третий глагол, а Сенька уходил совершенно уничтоженный нашим талантом и быстротой лепетанья.

Один день он нарезал нам канифоли с вишневых деревьев и положил около нас на скамейку: «Ешьте».

Потом выпалил залпом: «учите меня французским словам, я выучу вас всем ругательствам».

«Много знаешь ты ругательств?» — спросили мы его немедленно. Он подумал и сказал: «Хватит на вас». — «Хорошо»

Только шесть ругательств он преподал нам и, когда не хотел дальше учить, очевидно, у него не хватило ругательств, мы прекратили свои уроки.

Первое слово, которое знает весь Киев, но мы не слыхали, это слово «кишата», мальчишки приготовительного класса. Самое наиобидное.

Второе слово — «свинячья головешка» — это когда надо оскорбить до слез противника. Дальше следовала: «сукина дочка» — это мы девочки.

Попыхач — это плохие прислуги.

Наконец «дрянь» — это все люди.

А с..... — это женщины неприличного поведенья.

«Какие? Где они? — спрашивали мы его, — «Я вам покажу, — сказал он, смотря на нас с таким видом, будто бы мы правда были «свинячьи головешки».

Мы научили его: bonjour, madame; bonsoir, mesdames; mersi bien; oui, madame; je vous prie, maman, и, наконец, одно ругательное французское слово, которым меня бонны аттестовали матери: «enfant terrible».

Сенька пропустил два урока, а мы, хотя и были не очень корыстными девочками, но всетаки лишних слов ему не сказали, так как ругательства его все будто бы к нам относились, а наши французские слова никак к нему лично плохо не относились.

Ночью перед сном я спрашивала что нибудь бабушку: я спала с ней в большой комнате на одной большой кровати, которая была поставлена боком к окну, которое было растворено прямо в лицо.

«Бабушка, Сенька дрянь?»

Бабушка, немного погодя, ответила: «Да кто тебя научил этому слову?» — «Сенька». — «Да, он дрянь».

Следующий раз я спросила бабушку: «а попы тоже дрянь». Опять долгая пауза: «Да, дрянь». — «Бабушка, мне хочется посмотреть дрянь». — «Хорошо, ты их увидишь на именинах дяди Коли». — «Правда, милая бабушка, как я рада, а женщин с неприличным поведением тоже там увижу, да?». — «Да и очень много»..., — ответила бабушка, не закончив фразы.

Но Сенька виртуозничал с нашими французскими словами и говорил: «Oui, madame, сукина дочка...»

Мы, три сестры, крепко держались и не давали ему никакой возможности дальше учиться: мы произносили в нос французские слова так невнятно, что мама один раз хотела вызвать врача узнать, нет ли у нас полипов в носу, а Сенька по этому поводу затыкал себе в нос лепестки краснаго мака и говорил так же в нос, как и мы: «merci bien».

Прямо житья от него не было. Когда шел дождь, то мы играли в карты, причем для игры в короля нам надо было четвертого партнера. Сенька расталкивал нас и сдавал карты, звание принца он уничтожил: был король, солдат, мужик и хлоп. Он был бессменным королем, а мы всегда пребывали в наших низших должностях, т. к. он Сенька, отбирал лучшие козыри у всех — дань королю. Эта игра была для нас колоссальное издевательство. Но зато в «Ведьму» мы его сплошь оставляли. Сплотившись втроем, мы быстро под столом комбинировали пары и моментально награждали его пиковой дамой. И он по пятнадцать раз подряд оставался «Ведьмой», а мы издевались над ним, над его злобой и дамским чином. Правда, после этого он дергал нас пребольно за косы и нарочно брал в руки газету «Киевлянин», где в отделе объявлений будто бы читал: «Продаются и покупаются свежие крысиные хвосты». Потом смотрел на наши косы и говорил: «Это дело надо обмозговать»...

В доме никогда не принимались священники, кроме «Сикорских, Крыжановских и Жегулевских» отпрысков «ясновельможных панов», которые вели совершенно светский образ жизни. Как нарочно к большему удару по самолюбию бабушки, молодые отпрыски этих фамилий были все не священники, а преуспевали по другим профессиям. Например, Сикорский, известный психиатр, приходился моей бабке племянником от троюдной сестры или что то в этом семейно-запутанном роде.

Поэтому бабушка избегала и этих достойных ее общества людей, благополучие и успехи которых ее огорчали.

Мой отец специально для нее привозил свой шитый золотом виц-мундир, треуголку и шпагу, которые он одевал в церковный праздник.

Привыкнув оставлять в городе шпагу у швейцара, т. к. в церковь с оружием не полагается входить, отец смущенно ложил шпагу на крыльцо маленькой, беленькой церковки.

Все деревенские мальчишки и девчонки окружали шпагу

и пристально смотрели на такую интересную и невиданную вещь, но и здесь Сенька умудрился что то устроить. Он, сделав несколько жонглирующих жестов со шпагой, ставил ее на место, разогнав этим самым во все стороны белоголовых ребятишек, производивших шум на паперти церкви во время обедни, а затем шел на клирос тянуть своим совсем петушиным голосом.

Нас не пускали в церковь, чтобы мы не заразились от мужиков, но нам так хотелось, что мы один раз просунулись к самому иконостасу. Выйти не было никакой возможности, был Петров день: масса народу, воздух ложился гущей, нестерпимая была вонь...

«Бабушка, почему в церкви так дурно пахнет, — говорила я ночью в постели.

«Не знаю, я там никогда не бываю».

На другой она говорила деду: «Почему в церкви вы не устроите вентилятора, дети говорят, что страшно воняет»...

«Я не знаю, это вероятно от поклонов...»

Бабушка делала еще больше глаза, а дед конфузливо смолкал.

«Бабушка, — снова я говорила в постели, — мы никогда не будем класть поклонов, чтобы не вонять»...

«Хорошо, хорошо, спи»...

Часто дедушка отлучался к благочинному по делам церкви и возвращался огорченный: «Я не могу ни с кем ладить, ты нигде не бываешь», — говорил он бабушке, а она, когда старшие уходили, ласкалась кошечкой к нему так, как моя мама никогда не умела делать, и мы все, как котенята, лезли на них.

Из священнических обязанностей самое интересное для нас было крещение детей и мы принимали наиживейшее участие в этом священнодействии.

Перед каждыми крестинами появлялась самая популярная личность в деревне — баба Лизавета; она просила делать над собой молитву, дед покрывал ее епитрахилем и что то читал над ее покрытой головой.

Баба Лизавета приносила с собой медный пятачек, хлеб и бутылочку прозрачной воды. После молитвы она кланялась в пояс деду, он давал ей маленький лекарственный стаканчик этой, будто бы святой, воды, раньше выпив сам из того же стаканчика, потом благословлял ее, говоря: «Иди с миром, а имя

будет Борис», — или же имя кого нибудь из девочек-внучат давалось всегда новорожденному.

Пятачек клался в кубышку, чтобы давать погорельцам, хлеб отдавался на кухню, а бутылочку с водой забирали тетки и переливали в наливку.

В следующем году мы узнали, что за прозрачная святая вода была, так как баба Лизавета стала приносить мерзавчики.

Водой-же от крещенья дедушка бережно поливал бабушкины розы.

Прислуга не любила, когда были крестины: так как надо было греть воду и еще по каким то другим причинам, хотя бы за то, что бабушка гнала их передники чистые одевать в то самое время, как только они расселись за столом — «лясы точить». Они все называли бабу Лизавету «покрытка» и всячески ее ругали за ее разбитные манеры. «Покрытка» мы думали, очевидно, относилась к тому, что дедушка ее покрывал эпитрахилем, но впоследствии я узнала, что это очень ругательное слово для женщины, покрывшей голову без венца. Но это не мешало бабе Лизавете быть самой популярной дамой в деревне, где она работала за акушерку, даже и летом, когда аисты сидели на яйцах

Часа через два приходили крестные отцы и матери, или кумовья в две-три пары, и несли по два белых петушка, два или три платка и маленькое дитя.

Крестины происходили в дедушкиной комнате, где на турецком диване он спал и принимал лиц по служебным делам: дьякона, господина псаломщика (он был одет джентльмэном и носил сюртук до колен, — за это его называли господином). В той же комнате принимался фельдшер, который имел какое то отношение к церковному вину: весь встрепанный и красный он входил с тремя, четырьмя бутылками вина, называя его кагор. Он пробовал и никак не мог распробовать, настоящий ли это кагор или фальсификация: тинктура оксикокси, подслащенная глицерини. Фельдшер все названия лекарств произносил по латыни и очень важничал своим латинским образованием. Долго они с дедушкой ругали кагор, пока бабушка не приходила и не говорила: «А лошади ваши поели и давно ждут».

В этой комнате и происходили крестильные священнодействия. Почему то по обычаю кумовья и кумушки высиживали

по полтора часа в кухне и вели самые оживленные разговоры с прислугами, которых там было пять, шесть. Наконец, когда вода была согрета, ставился посреди кругленький столик, на него чистенький, будто новенький, тазик, который держали перевёрнутым на шкафу и закрывали белой салфеткой. Купель стояла в церкви; лет тридцать пять тому назад в купели крестили оспенных детей и с тех пор не хотели ее трогать руками.

Все три пары крестных входили, крестясь на образа, и занимали всю комнату. Нам приходилось или стоять за их спинами и вместе с кумовьями делать: «дунь, плюнь» на беса и изгонять его, или же стать у стола и вместе со всеми также молиться и ничего не трогать руками. Но это было неинтересно и мы стояли за спинами крестных матерей и отцов и дули и плевали на беса всей слюной, что накопили за все время, как пришли кумушки в нашу кухню.

Дети, только что рожденные, были до крестин во сто раз хуже поросят, они только что вылупились и настолько сморщились и покраснели от злости, что их нельзя было рассмотреть по настоящему; к тому же у них висел длинный хвост, который болтался между ногами.

«Дедушка, это хвост?, спрашивали мы потихоньку после. — «Да, да, он скоро отпадет».

И, действительно, недель через шесть приходила мать с ребенком и несла еще платок. Ребенок был без хвоста и просто чудо как хорош.

Дед не брал денег у кумовьев, а те всетаки настаивали и говорили: «не обижай». Но дед повторял тоже самое. «Вы не обижайте и меня». — «Ну, батюшка, мы в долгу не останемся, — говорили те, крестясь на образа и без шапок выходили на двор.

Действительно, они не оставались в долгу и в «толоку» вся деревня убирала дедушкины поля. Кроме вареников с вишнями, в сметане и водки-наливки они ничего не хотели есть. Да и водка то была деревенская, т. к. баба-Лизавета приносила ведь всегда в бутылках понемножку от всего села на крестины батюшке.

Наконец, мы поехали смотреть дряней — священников к

дяде Коли, у которого: «Знаете, знаете, роман...» и где можно было увидеть с..., — женщин неприличного поведения.

Ехали через местечко и делали покупки в замечательном магазине Янкеля. Куда равняться до него Мюр и Мюрелизу в Москве, а может быть универсальный магазин «Мюр и Мерилиз» выстроился по проекту Янкеля. Все там было, и все в изобилии. Если спросить у него конфет, то Янкель открывает все десять жестяных коробок и из каждой заставляет обязательно попробовать каждого покупателя — карамель в бумажке, пуншевую с ромом, — затем он открывал круглые жестянки и мы пробовали оранжевое монпасье, дальше шла пастила в деревянных коробках и, наконец, яблочный пат. В это время он умудрялся показывать вышитые блузки, кашемир на платье и свадебный тюль с fleur d'orang'ом, чтобы тетки имели в виду. Он сам раскупривал сельтерскую воду и подсовывал в картонной коробке старые пирожные, которые пахли селедкой и керосином.

Завертывая пакеты, Янкель сам выносил их в фаэтон и только после обнаруживалось, что «сукин сын» забыл отвесить два фунта бульдегома. Но т. к. никто не был уверен, что Сенька не «слямзил» —его подлинное выражение, то на обратном пути опять угощались у Янкеля. После у Сеньки был полный портсигар папирос и он говорил: «можно слямзить, но можно и

Каково было наше удивление, когда мы у дяди священника увидали красавицу жену, Natalie, которая ему приходилась кузиной, а также трех прекрасных белоголовых малышей. Дядя был шатен, жена — жгучая брюнетка, а дети на солнце выжгли себе белые волосы. Тетка была на драматических курсах, но не окончила их, т. к. вышла замуж. Оказывается, она окончила нашу гимназию, прекрасно иммитировала наших злючек — учительниц, комично заплетала себе повыше затылка толстую косу, как полагалось по гимназическим правилам, потом говорила голосом нашей начальницы: «Барышням вашего круга надо приличия знать». Затем садилась на стол и просила моего отца расчесать ей косу. Болтать ногами и садиться на стол нам строго на строго запрещали и такого неприличия мы

никогда не видали, а тетка, видя злые лица трех других теток, нарочно безобразничала и просила расплести ей косу.

Мама делала вид, что она глухая и усиленно поправляла нам платья. Когда дядя Коля распустил роскошную косу, которая спустилась далеко за стол, тетка блистала из моря волос глазами, будто чародейка. Отец мой оборачивался на мать беспрестанно, но все-таки умудрился заметить, что шея у чародейки роскошная, в чем он моментально проговорился, поучая нас: «Мусите диты вверх голову держать, то будете маты шею таку роскошну, як тетя Наташа».

Вся эта забава с косой кончилась очень странно: тетка схватила и укусила дядьку за большой палец до крови. Он пряча кровь от милых родственников, сказал быстро жене: «ты ошибаешься».

Мать с папиными сестрами вышла на крыльцо смотреть звезды и все упорно молчали, как вдруг кто то из них сказал. «настоящая дрянь».

«Кто?», — спросила я.

Но все поторопились приветливо отозваться на ужин: «Сей час милая, идем», когда их позвала хозяйка дома. Слава Богу, что тетка милая, а дядя дрянь, решила я и любовно повисла на шее новой тетки, у которой, как у змеи, блистали глаза.

На другой день после обеда Natalie извинилась, что должна покинуть винт, так как ей надо съездить заказать рыбу на мельнице для именин.

Через пять, десять минут она вышла страшно надушенная, в амазонке с хлыстом. Ее лошадь стояла у крыльца. Вместе с только что подъехавшим помещиком они выехали со двора. Только дети провожали отъезжающих, а в кабинете происходил большой шлем без козырей и старшие не могли видеть, как грациозно тетка была подброшена на седло помещиком и как заботливо помещик поправлял ей вуаль, засунув конец под воротник ее платья.

В доме все играли в карты; сестры сидели в детской, я прохаживалась по аллеям. Сенька меня окликнул: «Отвори калитку» и без седла выскочил, как чорт, на какой то черной кляче и поднял такую пыль, что не было видно, куда ехал он.

Может быть на мельницу рыбу тоже заказать... думалось мне.

Я ушла от солнца в ограду церкви и стала на гробные плиты наших предков читать. Эта церковь принадлежала из поколения в поколение женской линии моей бабушки, здесь же была могила прабабушки, здесь попадались имена какой-то Станиславы и младенца Ёзефа.

Ограда церковная примыкала к обширным заливным лугам и за ними далеко виднелась речка. Место было влажное, плиты могил были все в плесени и зеленом мхе. Сотни маленьких жабок жались на паперти к церкви. Место было неприятное, людей нигде вокруг, луга только что покосились и ничего заманчивого из себя не представляли.

Вдали я увидела двух лошадей и около них помещика, который вел обе лошади под узцы; тетка шла с другой стороны и, как мне казалось, помещик ее обнял за плечо; они шли и тихо о чем то говорили; поровнявшись с оградой, помещик привязал за нее лошадей и оба они легко перескочили через забор. В той же позе, что и раньше, они продолжали итти, перед самой калиткой в священнический двор помещик запрокинул голову своей спутницы и начал ее целовать.

Я даже встала на колени от удивления. Тетка не вырывалась, а когда он ей что то шепнул на ухо, она, как вчера, укусила помещика за руку, а тот не только не рассердился, а стал бережно ее успокаивать...

Мне так было все это интересно, что я не знала, что мне делать. Мне очень нравилась новая тетка и помещик, я очень симпатизировала им и жалела, что нет бабушки, с которой я всем начала делиться. Не зная, что мне предпринять, и размышляя, как все это интересно, я еще старательнее вычистила мох на Ёзефе и, окончив это, пошла дальше узнавать.

В доме, видно, кончился винт: мужчины прохаживались по аллеям сада, чему то улыбаясь; дети ушли в огород рвать огурцы; тетка красавица заперлась у себя в своей маленькой комнатушке. Мои родители, прикрыв стани в дядиной спальне, переодевались к чаю, я сунула к ним нос через окно и услыхала, что мама говорила раздраженным тоном: «maîtresse». Отец почему то крайне озабоченно и неуверенно разубеждал ее: «Ничего подобного».

«Maîtresse» — учительница, хозяйка, но почему они об этом так раздраженно говорят.

Я пошла в столовую и там все было не готово к чаю; три тетки стояли у запертого буфета и говорили: «Когда же эта дубина даст ключи?» Потом выбежала красавица тетка, посмотрела на все невидящими глазами и спросила: «Где дети? Я пошлю их за ключами к Евгении». — И, увидев меня, сказала: «Лизочка, пойди к Евгении за ключами в Крестильную».

Я с любопытством направилась туда, думая, что Крестильная — это как во Владимирском Соборе, и тихонько отворила дверь. На большой неубранной кровати сидел дядя Коля, он оборачивал в чадру свою вымытую голову, завитую в бумажные папильотки. Вся купель была полна грязной мыльной воды, в ней плавали куски отстриженных дядиных волос. Тут же была Евгения, которая себя называла Ивгена. Она сидела на табуретке, расставив широко вымытые ноги, юбка у нее, чтобы не замочилась, была подтыкнута (поднята), так что колени были видны, и спокойно вытиралась дядиным полотенцем, говоря: «Что то Сенька не едет».

Дядя ей: «Женичка».

Оба они так опешили, когда я вошла без стука в крестильную, что ни слова мне не сказали. Дядя сам схватил ключи и бегом пустился в столовую. Он вынимал сласти и торты, пока не пришла Ивгена. Мы расставляли все в необходимом порядке.

Часа через три Наташа, проходя через крестильную комнату, вернулась покрасневшая и сказала дяде: «Батюшка, вы бы приказали навести порядки в крестильной, у моего отца там был безукоризненный порядок и мужики к этому привыкли».

Моя мать была в эти дни недоступная, как Мон-Блан, и отец всячески изворачивался, боясь, чтобы она не уехала. Три тетки умоляли нас не надоедать родным и мы были предоставлены себе.

Гаша не выходила из кухни; она глотала сплетни и передавала теткам, а те упивались и охали: «Как мы ошибались, бедная Наташа». А у нас, девчонок, уши горели от неизвестности и любопытства. Но т. к. мои сестренки попались в том, что ели огурцы, да еще у них уши горели, то им дали касторки и уложили спать раньше ужина. Я фигурировала одна, крайне заинтересованная событиями этого дома, никому пока не

доверяя своих наблюдений. Чувствовалось, что в доме две партии, но кто с кем, я не знала.

Меня больше всего озадачивал Сенька, о котором красавица-тетка рассказывала, что встретила его по дороге и послала за папиросами в Володарку; потом она обратила внимание дяди, что сено на лугах очень неаккуратно собрано, она это видала, когда возвращалась лугами из усадьбы помещика, куда ездила отобрать хрусталь и фарфор на завтра.

Все это она говорила очень спокойно и у нее было такое прекрасное лицо, что все наверно хотели бы ее так целовать, как помещик, тогда за оградой.

Приближался вечер и Сенька все не приезжал. Вдруг в 8 часов, когда мы ужинали, он приехал на лошадях помещика, привез пакет, письмо и папиросы. Письмо было от помещика, в котором он поздравлял с завтрашними дядиными именинами и посылал подарок. В пакете с заграничной пломбой и таможенным штемпелем, было завернуто в белом креп-дешиновом платке три отреза шелковой материи: на рясу, подкладку и подрясник для дяди Коли. Наташа, раскрывшая пакет, отодвинула в сторону белый платок. Дядька был очарован подарком и, любуясь, развертывал материю во всю ширину. Сиреневый, лиловый и темно-лиловый цвет так должны были подходить к его бледному (желто-лимонному) цвету лица.

Ивгена, как дуб, с ключами стояла у двери, ожидая когда надо будет прятать подарок в скрыню (сундук, или шкаф). С ключами она не расставалась.

Мать моя, которая будто бы и не обращала внимания на шелк, вдруг встала с места и приблизилась к подарку; дядя, зная, что она плохо видит, любезно протянул куски шелка; она, не прикасаясь к ним, двумя пальцами взяла платок, который развернулся огромной простынею, окаймленный шелковой бахромой и сочными белыми вышитыми розами, сказала: «Как приятно иметь дело с интеллигентными людьми. Зная обычай, что священникам дарят платки, он (помещик), не имея права делать подарков Вашей жене, но в благодарность за ее гостеприимство, шлет Вам шелка, завернутые в платок, который только и может украшать плечи такой прелестной женщины, как Natalie». И, покрыв с плеч до земли тонкую,

стройную фигурку красавицы тетки, мать величественно опустилась на свое место.

Ступая босыми мягкими ногами, как у верблюда, Ивгена положила с сердцем ключи на буфет и, не торопясь, вышла вон. Тетка, такая прекрасная, нежная, как фея из леса, сидела, склонив голову, у стола. Она была так очаровательна в своей белизне, что мы все хотели ее целовать и вслух восхищались ею. Даже Сенька не сводил с нее глаз.

Когда все ушли спать, я оставалась спать в столовой, при отблеске луны увидала, как тетка, поцеловав платок, положила на него щеку.

Я тихо сказала: «Знаешь, он будет рад, что тебе достался платок, а не Ивгене».

Она, приблизившись ко мне и обхватив мою голову руками, прижала к себе так сильно, что я слышала, как бьется ее сердце. Наскоро она спросила: «Откуда ты знаешь?» — «Я была в ограде церкви».

«А про Евгению откуда». — «Я догадалась».

Тетка, осыпая меня тысячью поцелуев, сбиваясь, что то говорила. Я ничего не понимала из этих бессвязных слов, но раслышала ясно одно: «Твоя мать святая».

В это время кто-то всей тяжестью навалился на двери и я, чтобы тетка прекратила свои лепетанья, положила ей руку на рот и показала на дверь. Наташа, убегая и уже смеясь, сказала: «Ах ты маленькая женщина».

На другой день в половина седьмого утра дядька вошел в столовую с флаконом одеколона в руках и тихо постучался в комнату тетки. Он был расфранчен, весь в букляшках, блистал свежестью и чистотой в своей чесучовой рясе.

Та, не раскрывая двери, спросила, в чем дело. «Дай мне, пожалуйста, немного пудры и ваты в бумажку, т. к. в моей комнате спят». Она просунула пудру в щелку двери и, смеясь, сказала: «Разве во время литургии пудрятся? — «Знаешь ли, у меня нос блестит», ответил батюшка.

Напудрив нос и намазав одеколоном губы, чтобы горели и были красными, благоухая Chipr'ом, священник пошел раннюю обедню служить.

После его ухода тетка моментально выскочила и мы, старшенькие девочки, стали вместе с ней одевать детей. Увидев

ключи на буфете, она еще резвее стала и объявила, что по-этому поводу будем играть в игру: «никого не слушаться».

После чая и легкого завтрака, захватив тарелку и массу ложек, мы отправились в кладовую, каждому из детей был дан стакан. Там мы делали смесь из всех банок варенья, Сенька принес еще тарелку для трех злючек сестер своих. Мы ели варенья, сколько хотели. Когда тетка перевернула вверх дном всю кладовую, где все сама пробовала, кроме сухих грибов и мыла, она распорядилась старой кухарке сделать четыре сорта мороженого. Потом мы подошли к комнате мамы, постучались и вбежали всей оравой туда: «У нас анархия, весь дом играет в игру — никого не слушаться — и ключи в нашем распоряжении», — говорила тетка. Оставив маме полную тарелку смешанного варенья и поцелуи, бегом все отправились на пасеку, захватив ключ от медового погреба.

Сенька тащил в салфетке бутылку коньяку, сласти и жареную утку.

Дома три тетки, получив carte blanche и ключи, орудовали во всю. Ивгена лежала и стонала в крестильной комнате, укрывшись с головой большим шерстяным платком.

На пасеке нас встретил столетний пасечник и, целуя тетку в руки и плечи, говорил: «Матушка, Наташенька, деточка, вот и собралась, наконец, к старику». Она мигом открыла погреб с медом: меда было море — триста ульев. Старик еще служил чуть ли не у прадеда нашего по линии бабки.

Тут мы видали поразивший нас вылет пчелиного гнезда. Тетка ловко сбросила его в опрокинутый улей, стряхнув его одним жестом с ветки дерева, где рой повис. Как фея-пчела орудовала она среди пчел и ее ни пчела, ни страшные трутни не трогали.

Мы не спешили, нам море было по колено. Но все-таки так возились с медом и роем, что старик кончил утку и коньяк и пьяненький и слабенький все не мог никак салфетки освободить от пирожков, покуда фея-пчела не обвязала ему салфетку на шее и сказала: «Это тебе будет кашнэ по французски, а по русски — прячь нос».

Когда мы прибежали, то нас едва успели переодеть. Три

тетки, поотведав смеси, были очень хорошо настроены и гримасничали, сидя за столом, время от времени целуя фею.

Полдвора было заполнено пролетками приехавших попов и матушек. Это были гости из ближайших деревень и большею частью с детворой. Дамы все окружали мою маму и дальше детских болезней, платьев, мод и плохой прислуги не шли их разговоры. За этим же столом сидела молодежь — мальчики и девочки.

Мужской стол поставили, так же как и наш, в саду, но подальше к церкви, чтобы мужики ничего не видали.

За нашим дамским столом никто ничего не ел. Дочки-барышни, молодые поповны, шептались и хихикали себе в носовые платки. По окончании обеда они прогуливались парами, как провинциальные барышни по проспекту. Около них тоже парами ходили гимназеры и семинаристы.

Мы, три сестры, были особняком в своих белых платьях из швейцарского шитья. Эти барышни, да почти все дамы были в шерстяных светлых платьях с гипюром и им нестерпимо было жарко.

Только представители нашего «ясновельможного рода» и моя мать были в легких шелковых платьях.

Обед тянулся с часу дня почти до четырех часов.

Сенька поражал всех бырышень своим знанием французского языка: «mercі beaucoup, mercі bien, mesdames, mademoiselle».

Нам строго на строго приказано было не говорить по французски; дурной тон — говорить в присутствии лиц, которые не понимают иностранного языка. Видя успех Петьки, мы были не довольны таким приказом. Наконец, получив разрешение у тетки, встать из за стола, мы, подмигнув Сеньке, который всячески перед другими ухаживал за нами, сделали два, три тура взад и вперед по аллее и сообщили ему, что голодны, как собаки, а потому идем в детскую, где ставились недоеденные блюда.

Поев с аппетитом и ухажнув все три за нашим бывшим врагом, поднося ему лучшие куски, мы, как бы подружились с ним, снова отправились блистать в обществе.

Я направилась к мужскому столу, где сидел отец; когда я вышла из за кустов, то человек двадцать, тридцать толстых, смеющихся попов лили на скатерть вино и говорили: «А я хозяйки не боюсь». Им служило человек пять-шесть девок, которые носились как ураган, перескакивая клумбы, светя голыми не только пятками, но и коленами. Вся красная и облитая вином, босая Ивгена, разносила чай. Мой дед, совершенно склоненный к столу, старался вылить ей стакан горячего чаю на ногу, это ему не удавалось и некоторые батюшки, его соседи, все подзадаривали на это.

Отец мой был в чесучевой тужурке министерства народного просвещения, на которую он нацепил все свои ордена и медали; это не полагалось по этикету, но надо же и ему блеснуть; он всячески старался отвлечь внимание дяди Коли от операции со стаканом горячего чая, которой он, очевидно, симпатизировал. Как это вышло, что дед всетаки ожег Ивгене ногу, — не знаю, но Сенька подоспел в эту минуту и увел деда в клуню (амбар с сеном и хлебом) спать. Лица всех были красны от сдержанного смеха, а дядя был совершенно зеленый.

Я подошла к отцу, который очень рад был, что я его отвлекла, и тихо спросила его: «Это все дряни?». Он не понял и переспросил меня. «Это все дряни, папочка?». — «Да, дряни, да еще и пьяные вдобавок, — сказал он довольно громко. «Иди отсюда», и не выпуская меня из рук, ушел вместе со мною в сторону.

Я подошла к тетке и сказала ей тихонько: «Все дряни пьяные».

Матушки встали и льстиво прощаясь стали одевать свои шляпы и ватерпруфы.

Толстые батюшки, еле шевеля ногами, кланялись своим женам, как чужим, и невнятно произносили: «До вечера». А сами шли в клуню спать.

Сенька запрег фаэтон и забрал нас, киевлян, покататься; только к семи часам вечера мы приехали чай пить.

Ивгена чистая, вымытая, как ни в чем не бывало, таскала сельтерскую воду в клуню и воду для умыванья батюшкам.

Тетка и тетки сбились с ног, начинался съезд вечерних гостей, а они уже так устали, что не могли ни с кем говорить: Первый раз в жизни я видала съезд 50—80 человек батюшек

и их матушек. Вечером все дамы были в черных платьях с цветными шелковыми вставками. Тетка сияла ночной красотой, на ней было черное стеклярусовое чешуей платье без рукавов и декольте; моя мать причесала ее гладко и у нее на затылке лежала чудная коса из ее блестящих волнистых волос.

Если бы я в мои одиннадцать лет знала, что такое пьяные по близости, то я, конечно, иначе все воспринимала, но кричащие и слезливые батюшки с болтающимися крестами, которые они неудачно прятали за полу рясы, или мой тихий всегда дед, который теперь упорно выливал Ивгене на юбку все соуса — казались мне сумасшедшими или беснующимися, а отнюдь не пристойным обществом, и я растерянно смотрела на все.

Мама моя сидела среди «Сикорских, Крыжановских и Жегулевских» и вела разговоры, а тетка-красавица умудрялась так светски легко себя держать, что весь стол был от нее в восторге и пили за ее здоровье и за здоровье дорогого именинника, ее мужа. Один раз, когда она подошла чокнуться к маме, то мать тихо ей сказала «Довольно, Natalie, не пейте». И она, как ребенок, ответила: «Хорошо».

За это время произошли следующие события: нас успели детей переодеть в волшебно-газовые платья и мы с сестрами блистали, будто именинницы. Даже дядя — Cousin, тот туфяк, подошел ко мне и сказал: «Лизетт, ты фарфор». С Петькой началась еще дружба в фаэтоне, я сидела с ним на козлах и согласилась, наконец, взять в руки возжи; это его покорило, так как он добивался этого давно.

Еще в лесу, в порыве какого то экстаза, сказала ему: «Сеня, ты замечательный». И он пребывал с той минуты в кротости и повиновении.

«Скажи, — спрашивала я его, — ты обещал сказать, где здесь с..... — женщины неприличного поведения?»

Он не зразу отвечал.

«Скажи, Сеня, дорогой, я буду вечно на козлах с тобой ездить; я завтра же сяду на кобылу; неужели ты про тетку думаешь, такую прекрасную, как фея, скажи, я буду тебя всегда учить по французски».

Сеня оглянулся на фаэтон и сказал: «Вовсе нет, тетку я сам обожаю, а с..... — это Ивгена».

«Почему?» — «Она хозяйка в доме, разве ты не заметила».

«Ах, да, maîtresse, мама вчера сказала». — «Да, метресса, это и есть наверное сволочь по французски, а ты ведь девченка и ничего не знаешь», — поспешил заключить Сеня.

Но я ему не сказала, что я вчера догадалась про роман дяди с Евгенией.

В десять часов вечера приехал помещик и, не здороваясь ни с кем, тихо сел на мой стул, около моей матери, только ей одной поцеловал руку. Тетка даже не обернулась в его сторону, но как то сразу милее стала. Сеня освободил мне свое место и через несколько минут прошептал на ухо: «Колька спаивает кучера помещика, готовит скандал».

«Сеня, милый, не спи и не уходи».

Что было после, трудно описать. Было буйное русское пьянство во всем доме и главным образом в комнате попов: они сняли рясы и танцовали. Дядька совершенно не пил, но всех спаивал — это мне Сенька доложил. Все было опрокинуто и перевернуто. Ивгена справлялась в передней с отъезжающими батюшками, наволакивая на них рясы. Тетка смотрела на всех невидящими глазами и все просила меня посмотреть, спят ли дети. Человек пятнадцать ушли на балкон пить кофе, а столовую прибирали, чтобы меня уложить. Кто из гостей не мог уехать, тех кучера отводили в клуню и Сенька тихо говорил на ухо кучеру: «Смотрите не зароните спичку, прямо, а потом налево».

Наконец, все ушли, а наши разбились по комнатам.

Тетка одной рукой постлала мне на диване кровать, а другой помогала раздеваться: я стоя почти спала.

Было совсем светло на дворе; на балконе остался помещик, дядя и тетка. Ее стало знобить и она, одев белый платок, прикрыла свои обнаженные плечи. Все трое пришли и сели в углу столовой, спустив гуще абажур на мою сторону лампы. Тетка сидела в желтом свете лампы, закутанная в белое, как художественное изваяние.

Дядька внес бенедиктин и, налив три рюмки, подал помещику и, представляя из себя пьяного, сказал: «Выпьем», — помещик протянул руку, — «На брудершафт, — окончил фразу дядя и рука с рукой соприкоснулась. Дядька увидал у того другого такой же укус на большом пальце и остановился... Поме-

щик оттолкнул руку и сказал: «Нет, я на брудершафт не пью ни с кем», и выпил без всего свою рюмку. Выпил и дядька. Тетка опять смотрела невидящими глазами и сказала: «Ну, я устала, оставьте меня».

Помещик вышел на террасу и крикнул кучеру: его лошадь стояла всегда отдельно в саду; кучер не ответил и лежал пьяный на ступеньках балкона.

Все молча смотрели друг на друга. Вдруг, неуклюже ступая, поднялся Сенька с темного угла террасы и сказал: «Я вас отвезу».

Не помню, сколько прошло минут, но дядька вбежал с пакетами шелка и швырял их на стол, стараясь попасть тетке в лицо.

Она быстро подошла к нему и тихо, но внятно сказала: «Тише, дети спят, и знайте, что мы не только квиты, но я люблю и любима, а в этом доме Вам принадлежит экономка, которую Вы даже не хотели удалить на неделю, чтобы «Киевские» не заметили, и... ключи».

Дядька опешил, он пятился назад и говорил одно и тоже: «Ключей мне не надо, ключей мне не надо», и вышел задом на двор.

На другой день после описанных событий, Сенька все-таки посадил меня верхом на серую кобылу, чтобы я научилась ездить верхом. Серая кобыла была очень старая, тихая лошадиная мать; не успела я на нее сесть, как лошадь моя подскочила и я больно, пребольно упала на землю; я так крикнула, что лошадь остановилась почти рядом и повернула голову в мою сторону. Сенька успокаивал и говорил, что надо было мешок подложить, оттого так все плохо и вышло... не знаю отчего, но я присмирела, да и не до того мне было после такого взлета.

Мы уезжали обратно, в этот день к дедушке и с нами ехал пахнувший тем же Chipr'ом дядя Коля. Красавица-тетка, огорченная и радостная, что мы уезжаем, по несколько раз обнимала нас, не замечая даже того, кого еще ни разу не обняла.

В фаэтоне заседал семейный совет.

Сенька добился, чтобы меня посадили с ним в его пролетку.

Он вручил мне вожжи и опять руководил мною; для того, чтобы я не сбежала, он замотал конец вожжей мне за ногу. Правда, на крутых спусках или подъемах, он сам сдерживал лоша-

дей, но я, чтобы сдержать вчерашнее слово, а также от злости, что он причинял мне боль, держала возжи.

На одном месте, где мой учитель, упустив нужную минутку, не сдержал лошадей и они понесли, я крикнула: «Освободи ногу». Он, моментально сняв вожжи у меня с ноги, остановил сразу лошадей и гордо посмотрел назад на других кучеров: «Лиза, ты не трусиха».

Но затем, видя мое утомленное лицо, он взял к себе возжи и сказал: «Знаешь, Ивгену мужики обещали убить, так как приход этот принадлежит матушке; а двери церкви обещали смазать дегтем, это, чтобы батюшке насолить».

«Я ненавижу всех батюшек, я ненавижу дядьку», — сказала я ему в ответ.

Больше мы ни о чем не говорили, так как у меня болели руки. Скоро приехали к бабушке.

Пока пили, ели, умывались, рассказывали, пришло время спать ложиться.

Бабушка очень огорчена была, что Наташа не приехала, а дядька явно врал и говорил, что она больна.

Когда мы улеглись, я долго ворочалась, и, наконец, бабушка спросила: «Что с тобой, руки болят от возжей?. Почему тебя посадили к Сеньке? Вот глупость какая».

«Нет, бабушка, руки не очень болят, а вот что...»

И долго, до второго петуха, я ей все рассказывала и рассказывала.

Обе мы сидели на кровати, укрывшись по шею одеялами.

Все, что заметила, я рассказала: ключи, купель с отрезанными волосами, бенедиктин, пьяного кучера, босые мягкие ноги Евгении, дедушку с коричневым соусом, и кончила так: «А все это оттого, что у Коли роман с прислугой». — «С какой?» — «Ивгеной».

Немного погодя, когда бабушка кончила одеваться, хотя еще утро не совсем настало, она спросила: «А ты знаешь, что такое роман?» — «Знаю». — «А что?» — «Это запретная любовь». — «А что такое любовь, ты знаешь?»—«Знаю». «А что?» — «Это как в принцессе Грёзе — люблю и ответа не жду, люблю и не жду поцелуя».

Бабушка почему то рассердилась и сказала: «Но что же ты понимаешь под словом любовь?»

Я не понимала, почему она сердится и что такое в самом деле любовь, я так устала, и дрожала от утренней прохлады, что стала вдруг плакать и, всхлипывая, говорила: «За что ты сердишься? не мучь меня».

Бабушка перевернула меня к себе лицом и сказала: «Глупая, я не сержусь на тебя, наоборот, а просто на просто, сколько тебе лет. Одиннадцать, да? Вот почему я хотела знать, знаешь ли ты то, о чем всю ночь мне рассказывала, и только. Любовь это чувство, но страшное и опасное, не люби никогда, тогда не будешь ни плакать, ни кусаться». Поцеловав меня холодными губами, она ушла в сад.

Утром она ходила с Колькой по дорожке сада и сердитая, угрюмая что то ему говорила. От утренней росы у Володьки развились букли и он был урод. Бабушка несколько раз входила в комнату и, наконец, спросила: «Ты спишь?» — «Нет». — «Ты кому нибудь об этом рассказывала?» — «Нет». — «Почему?» «Не успела». — «И маме нет?» — «Нет». — «Никому не говори ни слова про Наташу, потому что это ее тайна, а тайн не передают, может из этого получиться сплетня. Сплетня — нехорошее дело. Наташа не лёточка и ей не легко десять лет с дядькой мучиться. Слишишь, никому». «Хорошо».

По семейному совету Ивгена была выслана к нам в Киев и в течение двух лет пекла хлебы в гимназии.

Тихая, безбровая, толстая и белая, она очень подходила к хлебной с мешками муки и к белым хлебам, которые искусно пекла. Она обрюзгла, растолстела и сравнялась с бадьей для хлеба. Я даже забыла, что это была та.

Поездка в деревню, разговоры с бабушкой открыли новый мир, полный новых явлений и откровений. Сразу я выросла и из своих платьев и из своих детских суждений.

Мальчишек я ненавидела лютой ненавистью за дядю Колю и выкидывала такие штуки, что отец начинал называть мать на Вы и по имени и отчеству, говоря: «Ну читали бы вы, А. И., Пушкина или Гоголя (юбилейные издания), куда бы лучше, чем эти декадансы, и смотрели бы лучше детей».

Я была очень резвая девочка и моим любимым занятием,

подхлестнутым ненавистью к мальчишкам, была игра в войну с гимназистами интерната. Чуть ли не до четвертого класса я с другими девочками шла войной на общеквартирников с каштанами и глиняными пулями; очень часто драки доходили до крови: с разбитыми коленами, шишками на лбу, растрепанной косой я стояла на поле битвы, пока враг не бежал. С такими трофеями победы и страшно довольная, я возвращалась домой чай пить в пять часов; начинался скандал, после чего француженка дулась, а папе я давала сотый раз честное слово не драться, целуя его в живот, цепочку, часы и пуговки жилетки, но всегда, как нарочно, перед новой битвой забывала клятву — не драться.

Когда я подросла, то никогда не знакомилась с гимназистами нашей гимназии или студентами в страхе, а что, если я с ними дралась? А затем, в самоуспокоение я говорила: ну, это мальчишки, не стоит вовсе знакомиться».

Началась полоса хождения в дом женихов, как их иронически назвали деревенские тетки, но и тогда я внушала сестрам, что это все мальчишки, не стоит за них выходить замуж, а потому лучше через окно убежать в сад играть в «гилки» и пусть мама их сама принимает и выходит за них замуж. Бедная мать отдувалась от нас всех и, сердясь, говорила нам: «Я не хочу сидеть с вашими «женихами» по целым вечерам». На это мы ей отвечали: «Твои женихи, а не наши». Тогда они оба с отцом смеялись и переставали нас замуж отдавать за всех этих даже на словах. Я же развивала перед сестрами свои теории о браке и встречала с их стороны большое сочувствие в том, что, если выходить замуж, то лучше всего за папу или за Демона. За папу, потому что он свой и взрослый, а если он не хочет, то можно за Демона, — очень красивый, никого не боится и летать может.

Значительно после, когда мы действительно подросли, мать высказывалась против брака и настаивала, чтобы мы все были с высшим образованием и имели какую нибудь специальность.

Тетки аристократки негодовали, деревенские охали и хотели нам послать синие чулки, но мы были уже достаточно «эмансипированы», чтобы иронически относиться к этим старым девам.

Чем старше мы становились, тем больше появлялось народа

в нашем доме. Отец очень любил молодежь, окончившую нашу гимназию, считал ее всегда голодной и под всякими предлогами звал обедать «за урок». Мы хорошо сами учились, но почему то весь дом полон был репититорами, которые все время разговаривали с мамой о прочитанном и обедали, пили чай, ужинали и еще закусывали с отцом, который думал, что они уже проголодались. Репититора на нас, девочек, не обращали никакого внимания, благодаря этому в интервалах между едой и уроками мы изучили по их разговорам с мамой русскую литературу, знали очень много об освободительном движении, оперировали в разговорах научными и иностранными терминами, но предоставленные больше самим себе в разрешении тех или иных вопросов, развивались своим путем.

После поездки в деревню я упорно не хотела ходить в церковь, избегала встречаться на дворе с гимназическим батюшкой. С меня, как с деревьев осенью в один раз слетают листья от мороза, слетел весь романтизм религии и церковного почитания. У меня какое то родилось превосходство над попами и я иначе как дряни их не называла. Но в сердце, в душе, оставалось другое огромное чувство, чувство страха перед Богом, которое мы всасываем с молоком матери: Бог накажет, Бог покарает, Бог рассердится. Набедокуришь, и нянька подведет к иконе и скажет: «Бог тебе покажет». Не помолишься Богу — Он тебе припомнит. Какое то пугало, какой то Великий Инквизитор, который обязательно после смерти посадит тебя в ад на сковороду — был Бог. Он вспоминался во время самого страшного: пожара, грозы или урока, который не приготовлен, и быстро забывался. Боялась я Его больше мамы и не любила за это никогда. Боялась, но и ходила исповедываться, боялась Его и крестилась на икону вечером, ложась спать, а, если забывала, то вскакивала и в страхе, смотря в угол, крестилась, но на Бога я еще не роптала, меня Он не карал.

Церковные вопросы все усложнялись и усложнялись. Несколько листочков из книжки географии, относившихся к небесным светилам, посеяли недоверие к семидневному божественному устройству земли с рыбами, птицами и лесными угодьями, и этим скомпрометировали «Ветхий Завет». Физика Краевича своим материализмом физических тел уничтожила бесплотие ангелов и взлеты пророков и Христа бескрылых и высь

небесную. Маленький, паршивенький учебник зоологии и естествознания разрушили легенду бесполого зачатия, которое никогда не называлось там греховным или благословенным, а только разумным проявлением природы путем обновления во всех ее разнообразных видах.

Электричество, прививки оспы, дифтеритные прививки и борьба врачей со всякими инфекционными болезнями, наконец, громоотвод, постепенно изгоняли из меня все страхи, которыми пугал меня Бог; оставалось одно только какое то непонятное явление или начало всех начал — ну, назовем Его Бог — Всесильный Бог, Могучий, Вечный и Единый Творец, которому совершенно не было никакого дела до грехов наших предков. В этих грехах надо было каяться каждый раз на исповеди батюшке, который «знаете, знаете, — тетки говорили, — коляску для восемнадцатого (!) ребенка через окно тицил.

«Ну, я ни за что не пойду исповедываться».

«Как, как ты смеешь, — говорил уже отец. Мать не вмешивалась в религиозные, церковные вопросы. «Я не хочу к этому батюшке, с которым акушерка заключила на пятьдесят лет контракт, как вы сами говорили». — «Иди к другому». — «Не хочу, так как я не могу, как попугай, ежегодно повторять одно и то же: «Всем грешна». — «Но ты грешна». — «Нет, я ничего против заповедей не делаю. а если вас раздражаю, то потому, что у вас нервы, а насчет нервов ничего не сказано в заповедях: вы меня еще больше раздражаете, а я должна еще на себе нести ваши грехи».

Получался скандал, отец наступал на меня, угрожал, топал ногами. После одного случая меня перестали направлять к исповеди. Этому помог священник Владимирского Собора. Когда мы в пятницу отправлялись исповедываться в сопровождении француженки, которой хотелось посмотреть mosieur le pop. то уже среди гимназисток шел разговор, что батюшка спрашивает, думаем ли мы о мужчинах. Я не верила, но когда вышла моя очень религиозная подруга после исповеди и вся красная сказала, что поп ее спросил, думает ли она о мужчинах, то сомнения не было. Француженка очень заинтересовалась почему подруга моя чуть не плачет, тогда я ей сообщила: «il demande si nous pensans aux jeunes gens on non? — »Vrai« — »Oui« — »Dites lui que vous pencez, qu'estce qu'il vous repond?«

— »Mais je ne pence jamais aux jeunes gans« — »Se n'est rien, dites lui, et nous verrons ce qu'il répond«.

Когда я опустилась на колени, батюшка спросил: «Думаете ли вы о мужчинах». — «Да». — «Такая молоденькая — это грешно». «Я думаю о папе, о братьях, о дяде священнике»...

Батюшка отпрянул назад и быстро прочел молитву. — Я горела вся от негодования, рассказывая папе. «Сукин сын...» — вот резюме отца.

Но, несмотря на все неверие и предубеждение, у меня был величайший подъем при чтении Синкевича »Quo vadis?« Это настолько наэлектризовало меня, что я простояла двенадцать евангелий на коленях, чтобы так, как первые мученики-христиане, самой промучиться за идею. Потом я с горькой обидой прочла «Жизнь Христа» Ренана и все замки вдруг слетели с Бога — Христа; только огромная жалость и нежность проснулась в моем девичьем сердце к Христу — человеку, казненному на кресте.

Вторая поездка к дедушке захватила меня другими впечатлениями и событиями, не имеющими в себе ничего романического или тайного, но я увлеклась ими с неизменной мне экспрессией и любознательностью.

Во первых, Сенька совершенно изменился и избегал нас, я ни разу с ним глаз на глаз не беседовала, потому что он ориентировался на деревню и там пропадал, ухаживая за деревенскими бабами, как говорили на кухне.

Один только раз он, в качестве кучера, возил нас на хутор, где был фруктовый сад и пасека, но и там он умудрился «шуры-муры завести».

В этот день случилось событие, как говорили тетки, от Бога нам посланное за Сенькино дон-жуанство. Подкатив с шиком к крыльцу, было не позже часу дня, Сенька лихо осадил лошадей и мы со шляпами, бантами и букетами сбились у калитки сада, которую дедушка никак не мог открыть. В тот момент когда упал крючок, что то огненное длинное, будто прут раскаленный, змеей прошло над нашими головами и бухнул гром за спиной у нас. Сила удара была такова, что стекла сыпались с террасы на нас и мы, оглохшие и обливаемые ручьями дождя, стояли

будто отверженные. За спиной у нас пылала школа в 25 шагах от нашего дома и в 50 шагах от церкви.

Но Сенька и кони, где они? Он вернулся минут через сорок, измяв в поле мак и лен, куда унесли его взбешенные и испуганные лошади.

Школа горела, и бил набат... оглохшие мы смотрели на бушующее море огня, покуда не принесли убитого учителя и не положили в канаву, чтобы «ликричество» вышло.

Кто знает пожар в деревне Малороссии, когда ветер дует на село, когда огненные языки слизывают амбары, хлебы, скирды, клуни, тот поймет, что творилось в деревне.

«Молись, мать», низким басом, голосом чужим, сказал наш дед, — а я пойду с иконой, молись, иль все пропало и дети на деревне погорят. Бабка, вся незнакомая, стала на колени и мы, испуганные, молча опустились около нее, плача. Бабка говорила бессвязно: «Спаси, отврати огонь от деревни и сохрани Твой народ от всякого супостата».

Дождь лил с оглушительной силой, бурная река шла по церковной улице.

Когда также неожиданно блеснуло солнце, как грянул гром, школы не было, а пожар сам был небом потушен. Вернулся дедушка. Бабушка, опять прежняя, сказала: «Мы все от страха Богу замолились и он помог».

На эту тему больше не говорили, всем стыдно было, что Бога вспомнили в последний час и будто бы на самом деле Он помог.

Вся деревня перебыла у бабушки на кухне и говорили там, как огненный шар летел и сделался потом стрелой, как ангел отделился от него, как батюшка с крестом полез в огонь и как огонь ушел сейчас под землю.

Дедушка, правда, опалил себе бороду и волосы, но когда горит деревня, то надо же спасать людей, — говорил он, будто бы оправдываясь.

Бабушка ласково на него смотрела и головой ему кивала.

Нам жилось в деревне так хорошо, что не расскажешь. Мы жили в мире птиц, животных и цветов. Столько нам нового, завлекательного и волшебного встречали на каждом шагу. Идешь в сиреневом саду и в клумбе гнездо вдруг найдешь, семнадцать беленьких яичек и сбоку серенькая брама-путра курочка на-

хохлившись стоит. Сбоку у самой коморы, под лопухом вонючим, зеленые яйца, как выкрашенные, уточки белой в гнездышке лежат. Бабушка очень на утку сердилась, что глупость такую устроила, у самой коморы гнездо завела, но скоро утятки отуда пришли и мы их назвали «желточки».

Очень интересно утром зерно разсыпать: летят на нас куры с балкона, с забора и с улицы вдруг посторонние. Гуси, выжидая очереди своей, ждут, только гусак дерзкий за ноги дерет. «Кишь... нахал», — бабушка ему, а на шею прямо голубь уже сел. Жадные индюшки, будто женщины, кричат, с маленькой головкой, страшно некрасивые, и они чего то для себя хотят. Всякие цесарки, петухи и утки с массою цыпляток осаждали нас.

«Кишь... проклятые, ноги откусите», — Гаша ставит воду и скорей бежит.

Увлекали, завлекали маленькие свиньи нас, будто марципановые, будто из фарфора, розовые, белые на грязи стоят.

Целый день хлопочем около телят и тихонько выпустим матку пососать. Бабушка смеется: «Эх, вы дурачки». — Мы или телята? стыдно и спросить.

В саду вишневом влажно и прохладно. Все красно там вокруг, а бывало вишня, черная как смоль, прямо удивляла цветом и собой.

В саду ютилось столько птиц, что не было им числа и названий. С самого рассвета начиналась песнь. Песня начиналась с низкого andante, после учащался этот тихий ритм, шли потом аккорды, трели и стокатто и до самой выси и до la bémol. Дальше хором птицы все начнут опять и пойдет веселье, перелеты, взлеты, писк и визг такой, кто то крякает басом, будто бы не птица, все ему ответят, будто рассмеялись, будто испугались и опять свое. Вот не спится утром; что же все так рано каждый день вставать, борешься с дремотой, но и песнь, и трель, все звучит все громче, раздается гимн.

Странные лишь птицы были соловьи, вечно одиночкой вечером поют или вместе только с соловьем другим. Помолчат сначала и начнут зараз, затрещат по саду, трелью сыпят все и еще щелкают выше все, все выше, будто и не пенье, будто и не птица, просто звук один, полетит далеко и звучит высоко. Что же это? С неба что ль свалилось? иль в ушах родилось, или скрипка где то порвала струну?

Как уютно и интимно у ворот сидеть. Движутся коровы, медленно идут, черные овечки тут же тут, стадом или кучей все они пугливо то бегут, то нет; снова все в канаве и опять идут. Глупые такие, — верно, что и правда «глупая овца».

Медленно и важно движутся коровы и на всех глядят, темными глазами, черными зрачками.

Так сидишь и смотришь целый час иль два, как идут овечки, как бежит бычек, белый или черный, будет дождь, иль нет? Пыль пройдет ужасная и везде навоз, пахнет потом теплым, будто сам потом заразился потом и пастух идет...

Я любила выйти на канаву в поле, сесть у кладбища — тихо и спокойно.

Там налево девушки идут, там направо парубки. Повстречались, посмеялись и запели вдруг. Песня приближается ближе, ближе, тут; вот идут смеются и смелей поют: «Закувала то сиза зозуля, рано, рано на заре»...

Пыль подняли, будто стадо, и поют как рать: голосистые, бархатистые, серебристые — все, на все голоса:

«По за гаем, гаем, гаем зелененьким»...

И ступают, поглядают и на ус себе мотают.

Эх, вы жулики — хохлы!

Как я любила Малороссию, как я сливалась с нею, как мне там было хорошо!

Кровь, кто она моя такая? Мало ли русской в ней крови и потому малоросска я; много ли русской в ней крови и потому великоросска я, — я тоже не знаю.

Может я пани, может я шляхта, может я полька — коварная, хитрая, чванная. Но родина Киев моя, Украина — отчизна, но русская все я такая — Россия мне мать.

Едешь полями желтеющими и воздух над ними сам движется, спустишься вниз, там зелень, сочно, снова трава подрастает; ляжешь на землю и воду с ручья губами достаешь, смотришься в воду, будто в зеркале вид'шь себя. Вода холодная, студеная в ямке лежит и будто тре.инка — дырочка в ней песок воротит, это родник — ручеек, пузырьки надувает и струей вытекает.

Это-ли не чудо?

Чудо ведь природа, сказка или правда, но как все прекрасно было и осталось в памяти моей.

Цветы — васильки, целые снопы за спиной навязаны, когда с поля жницы спать домой пришли.

На завтра были в поле, сколько там цветов, сколько шуму, песен, пчел и мотыльков.

Сено пахнет страшно, надо шевелить; ветер помогает, а людям смешно. Зайцы идиоты под косу бегут. Прочь бегите, серые — это не зима, где вы в снеге белом, будто сами снег. Но малютка зайчик к нам попал, беда! На капустную диету и в сарай снесли, а через неделю он скакал по саду, убежал к реченке, а там лес сосновый поглотил его.

Только у пруда не смеялась я. Ветки опускались ивы многолетней в воду потемневшую, где не видно дна. Так сидишь забудешь, будто вправду спишь, а русалка тонкая на ветвях сидит: косу распустила и к воде спустилась и в воде полощет, и вода шумит. Ветки или волосы — все одного цвета... Фу, как станет страшно, даже от фантазий.

Быстро раздеваюсь и в самую глубь, дна не ощущаю и на ветку вдруг скоро вылезаю, косу распускаю, в воду погружаю. Волосы с листвой все зеленеют. Глаза голубые тоже зеленеют. Будто я русалка стала тут на ветках, странно засмеюся и под мост бултых... Вся вдруг побледнею, вся озябну вдруг и, как страшно гадкая, я иду домой.

«Что с тобой?».

«Бабушка, русалку видела в воде».

«Что опять за фантазии. Кто тебя пугал»?

«Нет, сама купалась, в воду наклонилась, а оттуда я: волосы как ветки, а глаза чужие — все позеленели, но на шее крест — это была я».

Бабушка смеется, но креста уж нет; где то потеряла, кто то с меня снял; крест чужой не легкий, возвратят его...

Моим похождениям не было конца. Кончилось лето, я сижу в вагоне и в душе тоска.

Жизнь наша гимназическая шла по заведенному порядку и плану и хотя мать, казалось, не обращала на нас никакого внимания, она как то от нас не отставала и где или к чему у нас был большой интерес или любопытство, она сразу пресекала или подталкивала.

Как и писала раньше, меня ошеломили студенческие беспорядки; помню, это было очень давно, было и в третьем классе гимназии, и через год и еще в 1899 г. — история загона студентов в манеж в Москве.

Бурно это время прошло в Киеве. Отсылка студентов в солдаты была брошенная бомба в киевское общество и в русское студенчество и я лично страшно волновалась и рвалась на улицу, чем показывала свои симпатии политическим скандалам.

Мать, увидев, как мы незаметно выросли и что я не перестаю интересоваться опасными вещами, стала изолировать меня от всего, что могло удовлетворить мое любопытство. В доме стали принимать самых бесцветных студентов, которые все время молчали, будто те, другие, которые с мамой спорили, попали все в солдаты и потому не ходят. Но нет, ни один из наших студентов не попал в солдаты, но они явно симпатизировали бунтовщикам и их боялись принимать в нашем доме.

Ведь правду сказать я до ветровской истории 1899 года не знала что такое означает слово «социалист» и не слыхала его никогда; были другие слова, были другие термины в те времена, как то: нигилизм, вольнодумство, хождение в народ, атеизм, народная воля, но слово социализм, социалист, никогда в разговоре не появлялось.

Услышав раз это слово на улице, когда нас, девочек, классная дама и педеля вели вереницей домой, чтобы нас не избили нагайками, я прибежала скорей домой и в Марго, французском учебнике, стала искать подобное этому слову слово Seciété; промучившись еще с одним словарем, я со слезами на глазах просила отца сказать, зная, что мать прогонит, что же это такое, в конце концов значит — социалист?

Отец разозлился и резко сказал: «Это те, что бунтуют». А затем, покачав головой, прибавил: «Бидна Лызька, плохо ты кончишь».

Поразил меня один визит в наш дом какого то старого господина. Это был наш дальний родственник, вернувшийся из Сибири. После восшествия на престол Николая II, он был амнистирован, но пока вернулся на родину, прошло несколько лет и я была уже подростком. Это был народоволец Константин Порфирьевич Янковский; я не знала кто он, но по-

няла из слов старших, что это какой то «политический» и, когда я увидела его, то сразу же ушла из комнаты, чтобы не расплакаться при всех от счастья, что увидела настоящего человека из Сибири... Мои родные, которые его очень скоро отпустили, подняли в моей душе бунт против себя, обменявшись друг с другом такими фразами: «Каков, — притих. Нет, такой же, как и был. Он презирает всех, потому молчит. Ему нужно было документы из гимназии получить, ну вот и вспомнил, что мы родственны». Помолчали, и затем опять: «А ловко они плюнули тогда в портрет царя (Одессе или Киеве), прямо в самое лицо. Да, хорошо... Но все-таки нужно его не принимать»...

За этот поступок К. П. Янковский, будучи еще гимназистом, был приговорен к каторге, но как несовершеннолетний, получил пожизненное поселение с лишением всех прав. Прошел всю Сибирь взад и вперед пешком. В «Былом» Бурцевском я встречала эту фамилию. Когда он вернулся совсем старым и опустившимся, старым от страдания, он уже нигде не учавствовал.

Был он мне совсем чужой по крови, но его посещение нашего дома была первая моя встреча с революционером, шедшим по Сибири пешком и так много исстрадавшим, что, войдя в тюрьму 15—16 лет от роду, он быстро стал стариком. Я не знала еще тогда, что такое каторга, кандалы и розги.

С этого визита у меня началось...

И вот когда мне было тринадцать лет и студенческие беспорядки охватили все университетские города, то и Киев разбился на два лагеря: за студентов-бунтовщиков и против студентов. Это «за» толкало меня на запретное и отделяло меня все больше и больше от семьи.

Однажды, выйдя из гимназии в 12 ч. дня, во время студенческих беспорядков, не помню по какому поводу, я вернулась поздно вечером с улицы, с мокрыми ногами и в растрепанном виде, не зная даже, который час. Итти же домой я не могла, когда на улице было такое смущение: били, избивали, разгоняли народ и никто из них не боялся и не прятался по домам. Так толкалась я в толпе с улицы на улицу, с панели на мостовую, примыкала к разрозненным кучкам людей, вмешивалась в разговоры и сама возмущалась: «Кто, что?, —

говорили в толпе. «Подлецы, негодяи, бьют народ! — говорили другие. «Чтобы они пропали... чортовы казаки»...

Били ли меня казаки во время разгона толпы? Конечно, нет. Я была просто на просто девочка в беленьком башлыке и сереньком пальто и шапочке, но на улице в толпе все жадно со мною делились, несмотря на мой маленький рост.

«Где была?». — «На улице». — «Смотри, ноги мокрые». — «И пусть, не ваше дело».

Мать расстроенная, измучившаяся ожиданием, загонявшая всю прислугу в поисках меня, не могла совершенно овладеть собой, и начинала кричать все быстрее и иступленнее.

«Как, не наше дело? Ты с ума сошла, ты о нас забыла, где ты все время была? Бога в тебе нет!»

«Ненавижу вашего Бога, если Бог такой, что велит студентов бить».

Начинался неистовый крик, упреки, угрозы, летели стулья, но, конечно, не в голову мне, а для страха, или в ажиатаже, мать стучала по столу и швыряла стульями и всем, что попадало ей под руки.

Сцены эти вызывались не только моим отсутствием из дому, а по всякому поводу в связи с моим свободомыслием и экспансивностью.

Часто скандал загорался из за пустяка и кончался очень тяжело. Я была самолюбива до нельзя и достаточно было ударить по моему самолюбию, чтобы я не останавливалась ни перед каким оскорблением. Я была в те моменты прямо невменяема и мать, вместо того, чтобы одним поцелуем или лаской укротить меня, сама срывалась и неслась. Неоконченные фразы, которые у нее с молниеносной быстротой летели по моему адресу, били меня, как плети: «Ты не смеешь, ты обязана, ты должна нас слушать, ты изверг, а не ребенок»...

«Молчи, молчи, я уйду из дому, я разобью себе голову, но замолчи, я не могу тебя слушать», — вся бледная, дрожа, кричала я ей.

«Ты ешь наш хлеб»...

«Ешьте сами ваш хлеб», — как звереныш отвечала я ей.

«А, ты не хочешь нашего хлеба, ты змееныш, а не дитя».

И все швырялось со стола, пока скатерть не летела в сторону.

Я ей кричала: «Ну, теперь бей меня, бей за то, что отдала кофточку, за то, что подарила рубль, за то, что девочке голодной отдала свой завтрак, ну, бей за это»...

Я уходила из столовой к себе в комнату, где жила с младшей сестрой, желая скрыться от матери. Все дети забивались в папин кабинет и не участвовали, хотя были на материнской стороне.

Мать снова входила ко мне... Сцены были дикие, ожесточенные, отвратительные и настолько тяжело драматические, что я без содроганья их никогда не вспоминаю.

Кто то посылал за отцом в гимназию и тот прибегал в вицмундире. Мать вела его ко мне в комнату на расправу, но дальше порога он не шел.

Мать путала, бессознательно перевирала мои ответы, а я, доведенная до исступления, как волченок, смотрела исподлобья и говорила: «все врет». — «Как я вру». — «Да, всегда и постоянно, твое амплуа говорить светскую неправду».

Отец, не двигаясь с места, качал головой. А мать продолжала еще тоном выше: «Я лгу, я твоя мать, которая тебя родила и которая тебя так любит?»... и начинала меня сравнивать с одним господином, нашим соседом, который купил пять ведер молока и принес своей матери, чтобы она оставила его в покое, т. к. она укоряла его 40 лет тем молоком, что вскормила.

Сравнение оскорбляло меня и я вся вытягивалась в струну: «Я молока тебе не верну, но и ты не будь моей матерью, которая»... Я оскорбляла свою мать, как только хватало моей изобретательности, а ее реплики и примеры обогащали мои возражения и тем же тоном, что она, кричала и я, мы орали обе дуэт оскорбительных слов.

Тогда отец выступал на сцену и делал нарочно злые, круглые глаза и в тон нам кричал: «Замолчи, чортова дытына, як по закону, то таких детей»...

Я от сильного раздраженья никак не могла перейти на тихий ритм и нервно смеялась в это время: «Какой такой закон есть, чтобы три часа бить меня по голове, как собаку и упрекать хлебом?»..

Отец, сбитый с толку, начинал другую фразу: «В каждом государстве»...

«Нет такого государства, где бы на улице расстреливали людей»...

Опять, сбитый с толку, продолжал: «Студенты не хотят учиться, эти жиды»...

Но почему то я стихала, когда он начинал говорить и уже совсем другим тоном говорила с ним: «Папа, ты ничего не понимаешь, ты ничего не читаешь, ты ничем не интересуешься, кроме как карьерой Витте, ты знал его на станции Васильково и тебе его успехи не дают покоя, но ты ведь профан в политике»...

Тут отец не выдерживал и делал несколько шагов ко мне: «То я профан, то я, значит, дурак, ну спасибо за ласку вашу, Елизавета Викторовна», — и обиженно поворачивался ко мне спиной.

«Папа, милый, ты правда дурак в политике, но я тебя страшно люблю, ты милый, добрый, золотой... ты не издеваешься надо мной».

Он совершенно терялся и делал вид, что сердится и, насупившись, говорил: «О, чертова дытына у кого ж ты уродилась?», — и подходя, начинал вытирать мне капающие слезы, которые я глотала, чтобы мать не видала, кусая до крови губы.

Но здесь я не выдерживала и все это кончалось такой истерикой, что отец закрывал все двери и оттуда ему просовывали валерьян и воду и он громко шипя и шепча, говорил: «Идите вы все к чортовой матери».

Потом он заплетал мне растрепанную косу, почему то сбоку, у самого уха, и заставлял есть холодную котлету, которую я глотала, чтобы его не сердить, запивая слезами.

Он никогда матери ничего в присутствии меня не говорил, поддерживая ее престиж, но из долетавших фраз из их спальни я слыхала: «Це ваши книжки и идеи винны, Ан. Ив.?»

После таких сцен, я всегда, улучив минутку, когда никого не было в комнате, влетела к матери и умоляла забыть и простить мои слова, но она, замкнутая, сидела и просила оставить в покое..., потому что и ей нелегко давались эти сцены.

Но отец мой, это был поистине человек — золотое сердце и хотя мне от него влетали подзатыльники, когда я носилась, как «оглашенная», но он был бесконечно добрый. Кому он только не помогал и кого он только не кормил? Пять-шесть

нищих ежедневно обедали у нас в кухне; все бывшие учителя, немки, француженки обедали у нас. Десятки бедных студентов дневали и ночевали у нас. Он ничего не понимал в политике, даже боялся ее, он ругал только потому евреев, что это было циркулярно предписано по министерству народного просвещения, но сколько евреев он без нормы устраивал в гимназию или допускал к экзаменам, один он только знал. И может быть только в 1905 году, он, воспитанный на Киевлянине, уехал 17 октября из города, чтобы не видеть: «Як то евреи бедну Лизку своротыли на свою сторону».

Все дворовые дети гимназии, человек двадцать, окружали его, когда он привозил фрукты и давал им яблоки, сливы, апельсины, как и нам.

Наша прислуга служила свыше 20—25 лет у нас и отец умел с ними ладить и никогда не обижал. Безусловно он был врожденный педагог и только он один умел успокаивать такую строптивую, порывистую, нервную девочку, как умел он привлекать к себе всех непослушных детей гимназии, как он умел дотянуть плохих учеников до 4-го класса, чтобы они, имея такую бумажку, могли продолжать свое образование вне гимназии, а не мерить аршином тротуары...

Сколько шпаргалок передавал он на экзаменах ученикам, а во время весеннего экзаменационного периода, все наши студенты сидели и в восемь рук решали задачи на аттестат зрелости.

И вот за все это я любила отца без ума, хотя также не слушалась во многом его.

Все, что от ума, все, что от разума, от культуры передала мне мать, а что от сердца беспокойного, метущегося, я получила от отца; в равной доле, большой пригоршней, дал мне тот и другой.

Если я говорю о моей семейной драме, то для того, чтобы показать как слагалось в наше время революционное поколение и какую борьбу приходилось вести еще в своей семье.

Родные, видя мое беспокойство и интерес к «политике», и желая отвлечь мое внимание, потакали моему влеченью театру, куда я бросилась ненасытная, не находя нигде «запретного».

У меня был какой то запой театром; с пятого класса гимназии почти ежедневно я ходила в театр; мы имели два кресла

в партере, в театр Соловцева. Как я там страдала, сколько я там переживала, сколько плакала и сколько смеялась. Сначала мне казалось, что все, что в театре, это было на самом деле. В «Грозе» Островского я, наконец, поняла, что если этого не было, то так может быть. После тяжелой драмы или Уриель Акоста, где Галилея пытают, я приходила домой нравственно разбитая. «Школьные товарищи», или «Сорванец» так были легко и тонко розыграны, что мне казалось, что эти вещи артисты играют из своей жизни, так неистово хохотали они, неистовый хохот стоял в театре. Театр был для меня высшей школой, театр развивал меня, но увы, он еще больше отдалял от семьи, никто, как театр не показывал так ясно ее недостатков и «Дети Ванюшины» можно найти в каждой семье, в том или ином варианте.

Потом у меня начался запой литературой и разве Райский, Рудин, Новь и Накануне у Тургенева, разве они не были тем запретным, что родные прятали от меня?

Разве Анна Каренина и все, что случилось с ней, не делали с нами девочками того, что брак мы считали позором и ненужной глупостью? А Идиот Достоевского? Можно было сойти с ума, читая всю ночь напролет; да разве не было ли в юности у всех безумия Мити Карамазова?...

Так шла моя жизнь, между театром, чтением и битвой с родными. Я совершенно перестала учиться, у меня не было времени. И вдруг надо было сдавать выпускные экзамены. Надо было, кончать обязательно без единой тройки, а лучше, чтобы были все пятерки для того, чтобы попасть в медицинский институт, куда я ехала, чтобы быть, как Базаров. Интерес к медицине привил мне мой первый учитель-медик, вечный студент, Фома Петрович. Вечный студент, — так он рекомендовался, что я считала очень почетным. Ф. П. много работал в анатомическом театре и все вечера проводил у нас. Он рассказывал замечательные случаи из анатомической практики, он изучал до вдохновенья каждый нерв и волос человека, он знал массу таких вещей, что я считала его выше всех профессоров мира, даже тех, что были в альбоме ученых. Он знал ботанику и зоологию, он удивлял нас сравнением папоротника и человека.

Мать, сторожившая каждый шаг мой, как то, не подумав,

сказала: «Да, для хождение в народ самое удобное иметь профессию врача». Я и решила так сделать, а пока надо было кончать гимназию.

Садясь за каждый предмет перед экзаменом, мне надо было пройти его за 2—3 года. Никто наверно из учителей не предполагал, что я ничего не знаю, т. к. я шла на четверках, но я шла вне книг. В свободное время от чтения я бегала по «общественным гимназическим» делам, заступалась за учениц, умоляла не ставить двоек, умоляла допустить до экзамена ту или иную девочку. Меня учителя баловали, разговаривали со мной, уступали, но я сама ходила, как над бездной. Учителя называли меня адвокатом всего класса, а классная дама, давая мне свою карточку на память по окончании гимназии, написала: «Адвокату и печальнице всего класса». Эта надпись рассердила моих родных окончательно. Но все-таки надо было кончать: за три дня приходилось сдавать огромное количество книг для моего возраста и у меня, при колоссальном напряжении сил и нерв, сходило все хорошо, но то, чего я меньше всего боялась, у меня сорвалось, а именно сочинение по русскому языку. Мною было безобразно написано выпускное сочинение на тему «Басни Крылова и значение труда в жизни человека по этим басням». Ну, я и написала... Все басни я давно забыла и их юмор меня в детстве никогда не трогал, а только накануне я читала почти до рассвета «Война и Мир», — получилось не сочинение, а просто чепуха. За него я все-таки получила три с минусом, в аттестат, чтобы не испортить, учитель вывел четверку и даже, успокаивая меня, говорил, что можно и хуже написать. И вот с таким конфузом по русскому языку, я кончила гимназию и уехала на другой день на Кавказ, чтобы не воевать с мамой, что было бы неизбежно, как думал мой отец.

Окончив гимназию, я прочла всю русскую и переводную беллетристику, знала русских критиков, читала историю по университетским учебникам и боготворила учителя истории В. И. Щербина, старого педагога, который выступал значительно из рамок гимназии; французскую революцию он читал с таким воодушевлением и пафосом, что мы, девочки, не слыхали ни звонков, ни конца урока. Он показывал нам снимок с разорванной первой русской «конституции» при Анне Иоан-

новне с такой глубокой грустью, что мы провожали его до самой учительской, чего никогда не решились бы сделать. То, что начала дома со мной няня панна Анна, то, что продолжали делать разговоры мамы со студентами, закончил учитель истории. Узнал ли он это, когда после участвовал в освободительном движении, как с.-р. или народный социалист или, когда сидел в тюрьме, — не знаю, я больше его не встречала.

Гимназические мои подруги были совсем «девочками с бантами» и в корсетах и только 3—4 интересовались книгами и общественными делами. Моя задушевная подруга, Нина, с удивительным терпением читала лекции Чупрова, готовилась в социал-демократы. Мы знали в Киеве одного гимназиста В., 4-го класса, великовозрастного, который занимался в подполье и был арестован с прокламациями и уже после этого примкнул к с.-д. Были еще знакомы с братом и сестрой с.-д., наши однолетки Михайловы. Они оба были арестованы в 1904 году, обвинялись в принадлежности к с.-д. партии: сестра была выслана заграницу, а с братом я встретилась уже в 1906 году в Лукьяновской тюрьме, от марксизма он перешел к декаденству.

Благодаря этим встречам и знакомствам, я в 1902—1903 г. г. попадала в кружки для самообразования, были они марксистские, возглавлялись эти кружки гимназистами, которые совершенно не импонировали нам — взрослым девочкам. Я также читала литографированные лекции Чупрова, но ничего не поняла, а без политической экономии нельзя было приступить к какой либо работе в с.-д. кружках. И дальше, делая попытки уже курсисткой ознакомиться с марксизмом, я не могла понять Гегелианской триады. Я честно вызубрила эти слова, но дальше не пошла тогда.

Таким образом, имея возможность попасть в с.-д., я не могла «приготовиться» к их миропониманию, пока случай не привел попасть к с.-р., но это было уже в Питере.

Е. Постникова.

Очерки трех литератур.

1. Театр Пиранделло.

Нельзя отрицать, что существует театр Пиранделло в том смысле в каком существует театр Ибсена, Чехова и Метерлинка. Нельзя отрицать также, что относительный успех этого театра объясняется какой то действительной его связью с современностью. И это уже очень много, потому что современность не богата театром и за неимением своего собственного театра охотно питается театром до удивительности не современным — театром Ибсена и даже театром Чехова.

Единство драматургической концепции Пиранделло приводит к однообразию. Пиранделло однообразен, даже очень однообразен, потому что охват его вообще не велик и рамки его не широки. Однообразие сопутствует однако и более широким талантам, выразившим себя в некоем театральном единстве. Ведь однообразны до известной степени и Ибсен и Метерлинк. Чтобы сохранить единство и остаться в то же время бесконечно разнообразным, надо быть Шекспиром. Шекспир противоречив. Быть противоречивым и в то же время всегда убедительным, всегда верным самому себе — привилегия очень немногих в искусстве.

Единство театра Пиранделло объясняется без труда единством его отношения к тому, что дает материал для театрального построения — единством его отношения к жизни. У Пиранделло есть определенное восприятие жизни; по отношению к действительности у него есть постоянная и как бы даже упорная точка зрения. Было бы искуственно на основании отдельных строк и страниц автора сконцентрировать его

жизнеощущение в некую последовательную философию жизни. Пишущий рассказы или драмы ведь никогда не претендует быть философом. Свое осмысливание текучестей жизни не станет он сводит к немногим афоризмам, выражающим какое то гипотетическое знание. Произвести за него эту работу, не значит ли оказать ему дурную услугу? Не значит ли отнять у него драгоценное право на *незнание*, право на пестроту мыслей и чувствований, которое потерять он не может, потому что утратит тогда и то ощущение живой пестроты жизни, без которого можно быть моралистом, но нельзя быть художником.

Итак не следует искать какой то целостной жизненной философии у Пиранделло. Достаточно вспомнить мелькнувший иной раз его взгляд на вещи. Достаточно заметить его подход к существующим или вымышленным людям и событиям. Надо представить Пиранделло как бы зрителем созданного им самим театра. В качестве зрителя театра жизни он занимает очень отчетливо выраженную позу. Есть один излюбленный им, неизменный и очень определенный по отношению к жизни поворот.

Этот поворот был избран им задолго до того, как он начал писать пьесы. Ключем к театральным вещам Пиранделло, является его роман, «Покойный Маттиа Паскаль», вышедший двадцать пять лет тому назад. В романе рассказывается, как Маттиа Паскаль, воспользовавшись тем, что родные ошибочно опознали его в самоубийце-утопленнике, скрывается от них и начинает новую жизнь под вымышленным именем. Ему не удается создать для себя это новое существование, и он возвращается на свое прежнее место в жизни, но это место оказывается занятым. Вернувшись в прежнюю жизнь, он не может уж быть вымышленным Адриано де Меис, но не может стать и прежним Маттиа Паскаль. Не принадлежащий ни к числу мертвых, ни к числу живых, остается он в жизни без места, «покойным Маттиа Паскаль»...

В романе Пиранделло очень любопытны страницы, где Маттиа Паскаль воображает во всех подробностях прошлое того Адриана де Меис, которым он пытался стать. Здесь Пиранделло натолкнулся на тот поворот по отношению к жизни, который обуславливает в конце концов весь его театр. Маттиа Паскаль желал сыграть в жизни *роль* Адриано де Меис и не

сыграл ее. Он не сыграл в жизни удачно и своей собственной роли, роли Маттиа Паскаль. Таков отныне угол зрения, под которым Пиранделло видит людей — удачно или неудачно играют они роли других (более простой случай) или самих себя (случай внутренно более сложный). Жизнь, наблюдаемая под этим углом зрения, наблюдается в чисто театральном разрезе. Пиранделло неизбежно должен был притти к изображению ее приемами и средствами театра.

Жизнь воспринимается им как некое хаотическое, неорганизованное театральное действие. Людей нет, есть лишь персонажи в поисках автора. Пьеса Пиранделло, «Шесть персонажей в поисках автора», поэтому основная пьеса всего его театра, выражающая самым острым образом сущность его мироощущения. И пожалуй это и наиболее глубокая его пьеса. В других пьесах Пиранделло не столько углубляет, сколько расширяет тему. В «Одеть нагих» (Vestire gli ignudi) иллюстрируется благость и спасительность такого прикровения себя одеждами избранной для себя роли среди жестоких и голых «правд» жизни. В «Генрихе IV» герой вынужден принять нелепую, фантастическую роль, оправдываемую в глазах других только его мнимым сумасшествием, и делает он это лишь для того, чтобы сохранить свою внутреннюю свободу. Он покупает ее дорогой ценой, но его положение в жизни таково, что он не только не может снять маску, но не может и заменить ее другой, менее фантастической. Здесь выражен, конечно, весьма пессимистический взгляд на жизнь: чтобы остаться порядочным человеком, надо сойти за сумасшедшего для своих окружающих! В новейшей из пьес, «Всякий по своему» (Ciascuno a Suo modo), Пиранделло заинтересован не столько актером, сколько зрителем «жизнетеатра», ибо где есть актер, есть театр, есть, конечно, и зритель. «Всякий по своему» видит вещи на сцене театральный зритель. «Всякий по своему» видит театр жизни каждый из нас, в зависимости от того, в какой мере является он актером и в какой зрителем. Но все равно, зритель ли он или актер, он участник иллюзии, так как нет никакого противопоставления «действительности» и «сцены», есть только две иллюзии, которые автору захотелось так переплести, что незаметно, где кончается одна и где начинается другая — иллюзия театра и иллюзия «жизнетеатра».

При таком, можно сказать, подавляющем ощущении театра в самой жизни естественно, что Пиранделло оказался очень театральным писателем в том смысле, что «театрален», а не литературен результат его писаний. Литературная сторона пьес Пиранделло несомненно их слабое место. Действующие лица у него говорят недостаточно интересные вещи, слова их не живут своей собственной жизнью и не загораются своим светом. Хуже всего, когда герои Пиранделло начинают рассуждать, обобщать, философствовать. Их рассуждения иногда так наивны, что в чтении вызывают улыбку. Читать пьесы Пиранделло вообще скучно и некоторые из них, как например «Генриха IV», можно лишь с трудом дочитать до конца. Резонерство его, его не знающая никакой меры словоохотливость кажутся иногда несносными.

Мало того, недостатки и очень решительные присущи самому построению пьес Пиранделло. Он не владеет, например, искусством диалога, которым владеют иногда самые незамысловатые театральные авторы. Персонажи его говорят всегда не столько друг с другом, сколько со зрителем. Натуральная для Пиранделло форма, это не диалог, но монолог. Его действующие лица только и ждут случая чтобы перескочить через необходимое заполнение ничего не значущих диалогов и предаться своим монологическим опьянениям. Не лучше обстоит дело и с выдумкой, с канвой сюжета. В большинстве случаев она совершенно не нужно сложна, громоздка и тяжела. К чему например так запутана и неудобонятна семейная драма «Шести персонажей ищущих автора?» Нужны какие то (совершенно излишние) усилия, чтобы понять «кто кому как приходится» в этой несчастной семье. В «Генрихе IV» зритель также очень скоро начинает жалеть, что трагический герой не избрал для своего мнимого сумасшествия какой нибудь более ясной, более известной, просто более удобной исторической обстановки. Не прав ли обыкновенный зритель, когда начинает ворчать, что его тащат без всякой необходимости в XI век, к папе Григорию VII, Матильде Тосканской и прочим персонажам, не столько истории, сколько гимназического учебника истории.

Но у Пиранделло не приходится спрашивать ни ясности, ни легкости, ни чувства меры — тех качеств, которыми так насыщена французская литература и которых до странности ли-

шена современная итальянская литература. О вещах Пиранделло нельзя даже сказать что они до конца проработаны и до конца выполнены. В «Шести персонажах», например, совершенно не обоснован такой важный момент, как тот, зачем собственно понадобилось «персонажам» найти для себя автора и увидеть себя на сцене? В этом «зачем» есть отдельная большая тема, но Пиранделло, отделавшись от нее несколькими резонерскими фразами «отца», поспешил перескочить через нее. Точно также не сумел автор и закончить эту пьесу. Нельзя же окончить такой значительный спектакль на совершенно расхолаживающей и никак не звучащей фразе «Директора Театра» — «Никогда со мной не случалось ничего подобного. У меня пропал даром целый день». Это хорошо, хорошо поняли в римском «Художественном театре» (Театре Пиранделло), где закончили пьесу не столько словами, сколько движением, заставив «Падчерицу» (которую, кстати сказать, автор совсем забыл к концу действия) очень удачно убегать с криком сквозь зрительный зал прямо на улицу, откуда еще слышится ее крик.

О недостатках театра Пиранделло можно было бы сказать еще многое — они очевидны. Но интереснее гораздо то, что при всех этих недостатках театр Пиранделло держится и держится так крепко, как не держится какой нибудь другой, гораздо более в общем совершенный театр. Чем же он держится, автором? Нет, конечно, не автором, но актером, то есть теми возможностями, которые дает автор актеру. И в этом смысле истинно не литературен, но театрален театр Пиранделло.

Для актера пьесы Пиранделло заманчивы и обещающи. Читая их актер, конечно, не будет их видеть с той литературной стороны, с которой их видит обыкновенный читатель, — с их как раз самой слабой стороны. Важнее всего и существеннее, что актер будет заражен той страстью лицедействования, которой охвачены все персонажи Пиранделло, которой как то глубоко задет (из глубины жизни) сам автор.

В театре актерском, в театре ролей есть много от традиционного, условного, исконно-итальянского театра от «старого» театра времен до Ибсена и до Метерлинка. Это особенно сказалось в «Генрихе IV», где нет в сущности ничего, кроме одной роли для трагика, для «великого актера», и действительно актер Руджиери так же охотно играет эту роль, как играли Шек-

спира старые итальянские трагики, с прозвучавшими на весь мир именами. Пиранделло захватывает актера однако не той душевной огромностью, всечеловечностью и вечной человечностью, которая увлекает актера в Шекспире, как увлекает моряка открытое море, где каждый корабль может проложить по своему новую борозду. Итальянский автор узок, стеснен в рамках частного, и избранный им эпизод иногда до смешного мал («Всякий по своему»). Но он заражает, именно *заражает*, а не увлекает, актера какою то совершенно исключительной напряженностью роли. В этой тревожной напряженности есть нечто может быть более знакомое тому, кто бывал актером в жизни, (не будучи профессиональным актером), чем какому нибудь профессиональному актеру театра «настроений». Игра здесь становится ближе к «игре» в смысле азартной и решительной ставки, чем к «игре» в смысле забавы (в игре искусства превалирует ведь иногда то этот, то тот оттенок слова «игра»).

Чем же достигается эта напряженность? Словами? Уже было сказано выше, что нет. Роль в театре Пиранделло это не раскрытие некоего *от слова к слову* текущего смысла, но развертывание некоего положения занятого персонажем по отношению к себе и к другим. Развертывается оно также при помощи слов, конечно, но и не только при помощи слов. Слова часто таковы, что могут быть и другими, слова иногда «приблизительны», что недопустимо разумеется в театре литературном, в произведении словесной поэзии, облеченной в театральную форму. Важнее чем в слове развертывание драматического положения выражено в движении, в позе, в мимике. Театр Пиранделло театрален, потому что взывает к исконне и исключительно актерскому средству выражения себя, к *мимике*.

В пьесах Пиранделло обращает на себя внимание очень частое удвоение слов — самых обыкновенных «разговорных» слов. Персонажи из числа «Шести персонажей» все время разговаривают так: *Падчерица*. Тем лучше тогда, тем лучше тогда. Мы будем вашей новой пьесой. *Один из актеров*. Слушайте, слушайте. *Отец*. Видите ли, видите ли, пьеса еще должна быть написана. И т. д. Но при удвоении слова оно перестает быть словом и становится криком (даже если говорить тихо!). Так, например, если сказать — «дай книгу» — важен смысл слова «дай», но если сказать «дай, дай книгу» более важен чем

смысл слова «дай» становится смысл крика, как «голосового жеста», как в конце концов тоже мимического действия. Удвоение слов плохой литературный прием, оно несносно в чтении. Но Пиранделло опять таки не заботится о читателе, не думает о литературном приеме. Кажется, если бы его добрая воля, он с удовольствием удвоил бы половину слов в своих пьесах!

Сквозь литературные сады его фраз (сады усаженные иногда очень небрежно и неизобретательно, украшенные вдруг наивным и жестким вихром резонерской пальмы) ведут заманчивые для всякого настоящего актера мимические тропинки. Русскому театру пришлось проделать очень длинный путь, чтобы притти в конце концов к оценке «бессловесного», мимического начала. Итальянскому автору эта простая истина (одна из тех простых истин, которые с таким трудом даются сложным людям) далась гораздо легче. Здесь это не результат «дохождения умом», но следствие несколько более элементарного (элементарного можно сказать и в смысле стихийного) темперамента. Когда накипело внутри, человек не столько говорит, сколько произносит слова и выражает себя тем *как* их произносит. В том, что Пиранделло кипит, в страстности его, в напряженности, нельзя сомневаться. В этом смысле он кажется иногда не столько автором, сколько человеком из жизни (где кипение куда больше, чем за письменным столом литературы), человеком «с улицы».

Мимическая напряженность театра Пиранделло делает его ценным для актера, а следовательно и для современного театра, ибо после всяких колебаний в этом смысле можно ли сомневаться что современный театр ищет актера с неменьшей настойчивостью, чем «Шесть персонажей» искали автора. Мимический театр полезен тем, что взывает к самодисциплине актера, полезен особенно для русского актера, заеденного в общем то дисциплиной автора, то дисциплиной художника, а больше всего дисциплиной режиссера. В итальянском театре режиссер вообще птица неведомая, и от того этому театру целый ряд вещей недоступен. Пьесы Пиранделло выходят однако очень хорошо почти без режиссера, и пожалуй, если отдать их в руки очень искусного режиссера, он заморозит их, так как сколько нибудь сложному и разнообразному человеку самое трудное — войти в элементарность их ритма и удовлетвориться

их однообразием. Но актер играет их с той великолепной ненавязанностью извне, с какой человек в трамвае, у которого украли кошелек, играет, едва опомнившись от изумления... человека в трамвае, у которого украли кошелек.

Есть еще важная черта, которая делает театр Пиранделло очень современным. Никем, кажется, не ведется сейчас спор о «естественном» и «искусственном» в искусстве, но этот спор представляется в заранее решенном виде: «естественное» хорошо, «неестественное» плохо. Решиться поднять голос в защиту «искусственного» трудно, и вот театр Пиранделло защищает «искусственное», причем защищает его чем то более существенным, чем логическое рассуждение — убедительным и заразительным примером.

Пьесы Пиранделло неестественны, неправдоподобны, это, конечно, первое, что про них говорилось. Неестественны в каком смысле, в смысле их несоответствия каким то установленным «нормам» жизни и человеческих взаимоотношений? Не правдоподобны, потому что «это не похоже на правду», что «этого не бывает?» Но заняв свой особенный поворот по отношению к жизни, глядя на людские взаимоотношения под своим углом зрения, Пиранделло никак не мог согласиться ни с кем то установленными нормами возможностей, ни с критерием того, что правда и что неправда, что бывает и чего не бывает.

Возражая своим критикам по поводу романа «Покойный Маттиа Паскаль», Пиранделло писал:

«Жизнь, со всеми своими ошеломляющими нелепостями, великими и малыми, которыми она так благодетельно полна, имеет то неоценимое преимущество перед искусством, что может обойтись без этой глупейшей правдоподобности, которой искусство считает своей обязанностью повиноваться. Нелепости жизни не имеют нужды казаться правдоподобными, просто потому что они подлинны»... Один из «Шести персонажей» говорит об этом же так. «О, господа, вы хорошо знаете, что жизнь полна бесконечных нелепиц, которые дерзостно не имеют нужды даже казаться правдоподобными, потому они — сама правда».

В ответе критикам Пиранделло прибег даже к такому способу защиты: он привел случай из газетной хроники, очень похожий на сюжет романа «Покойный Маттиа Паскаль» и слу-

чившийся спустя много лет после написания романа. Отчаявшись в праве на свободную игру воображения в искусстве, он аппелировал к бесконечно свободной игре обстоятельств в самой жизни. В споре о «естественном» и «искусственном» в искусстве занимает он, следовательно, позицию утверждения, что «искусственное» в действительности более естественно чем то, что кажется и признается «естественным». Опираясь на опыт жизни желает он далеко раздвинуть рамки естественного.

К этому спору можно подойти совсем с другой стороны. Можно, напротив, раздвинуть рамки искусственного и вместить в них лишь то естественное, что достойно именоваться искусством. Можно утверждать, что только и существует искусство, что где начинается искуственность, там только в сущности и начинается искусство.

Такой подход к спору был бы «методологически» более правильным и более полезным, он был бы для того, чтобы решиться раз навсегда исключить из круга искусства всякую фотографическую, бытовую, мемуарную и этнографическую прозу (всякие «правдивые» изображения событий и любительские портретирования своих добрых знакомых), а также покончить и с предрассудком «безъискусственного» и «верного жизни» театра.

Но Пиранделло оказывает все же большую услугу искусству, настолько расширяя пределы естественного, что эти пределы вообще стираются, и всякие нормы возможного, допустимого и правдоподобного становятся иллюзорными. В том же что он апеллирует к опыту самой жизни сказывается как раз его очень современное, очень острое чувство жизни. Любители естественного и правдоподобного, зищитники норм возможного и невозможного, задумывались ли они когда нибудь над правдоподобностями и возможностями современной жизни? Ощущали ли, что живут в эпоху неправдоподобных социальных сдвигов, невозможных психологических переломов? Понимали ли совершившиеся на их глазах сказочные судьбы целых народов, распутывали ли хитросплетения иной индивидуальной судьбы, узоры, не снившиеся никакому беллитристическому воображению! Повседневность современного человека так легко становится небывалой авантюрой, и обыкновеннейший житейский

облик так превосходно заменяет ему любую фантастическую маску.

Огромную фантастичность современной, обыденно замаскированной толпы почувствовал Пиранделло. За облочками, наслоениями и притворствами, за бытовыми и психологическими переодеваниями Пиранделло пообещал найти чековека, нашел же театрального персонажа. Общее заглавие для его театра — «Обнаженные маски» было не только претенциозным (сомнительного вкуса!), но и не сдержанным обещанием. Мог ли добраться Пиранделло до человека, когда встреченный им на пути к человеку персонаж, из числа «Шести», персонаж лучшей и любимейшей им самим вещи, говорит про сценическое свое предназначение: «живыми быть, более живыми, чем те, кто дышат и одеваются. Менее реальными чем они, быть может, но более истинными»...

Пиранделло натолкнулся на свой театр на пути несколько резонерских рассуждений о человеке, носящем в жизни ту или иную маску. Вместо того, чтобы снять с другого эту маску, он сам пленился ей. Театр жизни увлек его той «ложью», тем безумием, которое оказалось сценически гораздо сильнее искомой правды, гипотетической разумности. Перед *жизнетеатром* Пиранделло, зараженный его страстностью, его игрой, его ставкой, как бы сам утратил хладнокровие. В силу того не обнажил он масок и не открыл истин, не сделался ни мудрецом, ни человеколюбцем, ни моралистом. Полный несовершенств, неясностей и ошибок, достиг он все же одного: *позвал актера на сцену* ролью неправдоподобной, страстной, противоречивой, мучительной, говорящей не столько словом, сколько жестом — такой, каково лицедейство самой жизни. Много ли это в копилке культурных ценностей — не знаю. Вероятно немного, если быть равнодушным к театру. Неравнодушного Пиранделло обжигает, и так, что нескоро сойдет от обжога след. Да и уж так ли уверен «равнодушный» в прочности своего равнодушия, (хотя и не платит он за театральный билет и даже достает его через «неравнодушных?») Театр Пиранделло опаснее для него, чем что либо другое, ибо скорее разоблачит его, повеяв своей тревожной и даже несколько безумной заразительностью, действительной и для актера сцены и для актера жизнетеатра.

П. Муратов.

Проблема славянской политики.

То, что мы обычно называем проблемой славянской солидарности и славянской политики, является в действительности целым комплексом сложных вопросов*). Для того, чтобы было возможно их правильно понимать, необходимо рассмотреть историческое развитие проблемы и сделать точный анализ всех элементов, из которых складывается весь этот комплекс... Это объяснит нам то, что на первый взгляд кажется неясным и о чем ведутся, быть может, совершенно излишние споры. Вероятно такому анализу даже удастся сблизить противоположные взгляды или устранить по крайней мере ряд недоразумений, из за которых возникают эти споры.

Необходимо также рассмотреть философскую основу некоторых сторон проблемы или по крайней мере некоторых фазисов ее развития. Наконец необходимо подвергнуть точному разбору чисто политическую сторону вопроса, в особенности в его наисовременнейших формах: панславизма, панруссизма, австрославизма, неославизма и сказать (поскольку сейчас уже можно сказать), в какой форме проявлялись славянские вопросы во время войны и как отдельные народы вели славянскую политику.

О всех этих вопросах мне бы хотелось высказать несколько кратких размышлений.

Основательный анализ этих вопросов потребовал бы гораздо больше времени и спокойствия, чем те, которыми я могу располагать. Но я каждый день сталкиваюсь с этими вопросами, каждый день я должен думать о них и принимать решения. Поэтому я формулировал их пока для себя и весьма кратко, и буду подвергать эти формулировки постоянному контролю и пересмотру; все это вопросы, которые никогда не исчезнут из нашей политики, и каждый серьезный политик и мыслитель должен их для

*) Редакция в свое время выскажется по существу поднимаемых д-ром Эдуардом Бенешем вопросов. Его статьи под общим заглавием: «Проблемы славянской политики» печатаются на чешском языке в журнале «Slowensky Přegled», издаваемым поэтом, ученым, славистом и другом России, д-ром Адольфом Черным.

себя окончательно вырешить. Я не собираюсь подавать здесь законченной и полной работы. Это лишь размышления, которые я хочу превратить позднее в более социологический и политический труд и которые получат свою окончательную форму в зависимости от дальнейшего изучения вопроса.

1. ПЕРВЫЕ СЛЕДЫ СОЗНАНИЯ СЛАВЯНСКОЙ ВЗАИМНОСТИ В ЛИТЕРАТУРЕ.

1) Из элементов, ставших главными составными отделами целого комплекса вопросов, которые мы теперь называем славянской проблемой, необходимо поставить на первое место в исторической преемственности литературные заявления славянских писателей в таких национальных литературах, как чешская, польская, сербская и хорватская.

Уже при самом возникновении этих национальных литератур, появляются подобные заявления, то в размышлениях об истории народа, то в произведениях политического и социального характера. Чаще всего это случалось в тяжелые эпохи истории народов, во времена внутренних затруднений, которыми пользовались внешние враги, тогда начинали звучать струны чувства международной солидарности между родственными славянскими народами. Это были первые известные в истории проявления сознания общности языка и расы, а частично и культуры; по отношению к иностранцам эти выступления указывали на возможную общность политических интересов и направлялись в политическом отношении непрестанно на то, что враги не должны забывать, что славянские народы, славянская речь и раса велики, что эта раса может стать могущественной и иметь достаточно средств для политической обороны.

У чехов даже в отдаленные времена подобные заявления довольно часты. Обычно приводятся в доказательство следующие произведения — Далимилова Хроника, произведения Петра Житавского, Пршибика Пулькавы из Раденина, Конача из Ходишткова, Мартина Кутхена, Даниила Адама из Велеславина, Богуслава Балбина и иных. Известно, что во времена гуситов, а частью и во времена Юрия Подебрадского эта струна при различных обстоятельствах звучала весьма сильно у чехов.

Подобным же образом происходило дело и у поляков: о славянской взаимности между поляками, чехами и русскими говорится у Мартина Галла и у краковского епископа Матоуша, (12 в.), в Длугосуевой польской истории (15 в.), в хрониках Ваповского и Кромера (16 в.), в хрониках Горницкого и Сарницкого (16 в.), которые особенно подчеркивали расовую и лингвистическую близость славян. То же самое мы можем наблюдать и у целого ряда иных писателей до самого конца 17 столетия.

У югославян в 16 веке в этом же смысле говорят (между прочим) Георгиевич, Андрашевич и известный словинец барон Герберштейн в своем популярном труде о России; почти современные взгляды высказывает в 17 веке католический священник Юрий Крижанич. Он лично знал многое о славянах, на Россию смотрел уже как на сильнейшее славянское государство, которое должно было помогать остальным славянам, хотел унии православия и католичества и работал над созданием общего славянского языка. Поэты Гундулич, Джоржич и Кованин проявляют в своих произведениях чувство славянского единства. У болгар о славянском родстве говорил болгарский будитель афонский монах Паисий.

У русских в древнюю эпоху мы находим немного подобных заявлений. У русских вообще долго не было славянского сознания: лишь только в эпоху Петра Великого образованная Россия начинает знакомиться с остальной Европой, узнает и славян, и под различными влияниями начинает ощущать до известной степени и славянство, и родство языка, и родство расы и начинает завязывать связи. Но выявления этого ощущения встречались не часто, и развитие чувства славянской взаимности идет медленно; первые яркие проявления славянской взаимности появляются в России в начале 19 столетия и при этом, как мы увидим далее, обладают специальными чертами, возникшими благодаря особым русским условиям и почве.

II. ВИЗАНТАЯ И МОСКВА: РУССКОЕ ПРАВОСЛАВИЕ И БОРЬБА ЗА ЦЕРКОВНОЕ НАСЛЕДИЕ ЦАРЕГРАДА.

2) Вторым важным историческим элементом, содействовавшим постепенному развитию и созданию современного сознания славянской взаимности (особенно в России и в Югославии) было православие и борьба балканских славян и России с турками.

То, что и русские и балканские славяне приняли православие из Царьграда, сближало Россию и Балканы. Борьба России с Турцией была сначала политической и территориальной, но с течением времени получила, конечно, культурный характер, а в религиозной плоскости она отражалась в форме защиты православного христианства. В последнее время это отражение борьбы перенеслось рикошетом на национальную почву, и защита православия в конце концов вылилась в форму охраны балканского славянства вообще. История Турции и огромная часть русской истории являются тому доказательством.

Об отношении России к Балканам князь Трубецкой пишет в своей книге «Россия, как великая держава» следующее:

«Если мы продумаем главные события нашей внешней политики, начиная с владычества Екатерины II до наших дней,

то будем прямо поражены тою ролью, которую в ней играл Ближний Восток. Можно сказать, положение России в Европе определяется в значительной степени ее интересами в Черном море и на Балканах. Выражаясь иначе, это означает, что география и история создали здесь с давних пор жизненный интерес России».

«Если мы попытаемся проникнуть в сущность наших столетних отношений к Турции, то сможем легко увидеть, что сквозь них с давних пор проходят красной нитью два главных мотива: забота о судьбе христианского населения и вопрос о морских проливах».

«Главным мотивом нашей политики по отношению к народам Ближнего Востока до Крымской войны было религиозное единство. Наша политика была окружена сиянием романтических воспоминаний о древней Византии, от которой мы приняли православие, а с ним одновременно и основу христианской культуры. Это было дополнено мистической традицией византийского двуглавого орла, заложенной браком Ивана III с Софией Палеолог. Тем уже была связана роль защитника православия с короной русского самодержца. Византия была вторым Римом, Москва — третьим, а четвертому Риму не бывать: эти понятия нашли широкий отзвук в религиозных понятиях широких масс. Потому-то войны против Турции имели такой идеальный характер и вызывали такой размах общественных симпатий, характерных для лучших страниц истории совместной работы и единства высшей власти с русским народом».

Эти слова Трубецкого, писателя русского, которого нельзя подозревать в недостаточной любви к славянству, заключают в основе полное объяснение отношений России к балканским славянам и показывают одновременно, что сознательная славянская политика во всей огромной истории России играла весьма незначительную роль. Это не обвинение, а просто констатирование факта. Этот факт характеризует вообще русскую балканскую и черноморскую политику, определяемую всегда двумя вышеозначенными элементами:

а) религиозными (православными) мотивами;

б) империалистическими стремлениями и усилиями расы (проявляющимися в захвате территории), которая ассимилируя постепенно на своей обширной территории огромное количество различных элементов, создает в своем национальном коллективе новые элементарные силы для великого национального размаха и напряжения. Иные подобные же примеры (Соединенные Штаты Америки) показывают, что это социологически весьма легко объяснимый закон.

3) В 988 г. принял Владимир (Святой), князь Киевский, христианство от Царьграда (Византии). Вскоре после этого, в 1054 г. происходит явное разделение церквей — римской и во-

сточной, в то время, как схизма подготовлялась собственно уже с V столетия. Внешнее и внутреннее различие восточной и западной римской империи по культурным, географическим, этническим и политическим причинам вели к созданию двух великих государственных и религиозных центров — Рима и Царьграда, с особыми внешне видимыми главами — римским папой и константинопольским патриархом; естественным последствием было полное самоопределение восточной (греческой, православной) церкви.

Лично Россия не содействовала расколу, церковно и религиозно она не была еще так развита — лишь при Ярославе (1018 — 1054) христианство начинает укрепляться в России. Но при разделении Россия идет, конечно, с Константинополем — попытка сблизиться с Римом на соборе в Флоренции в 1439 г. закончилась неудачей для русского митрополита, ибо он был изгнан из России. (Кроме того, католическая Польша очень скоро начала пользоваться церковными недоразумениями в политических целях; римское католичество становится средством борьбы с Москвой, точно так же, как попытка соединения церквей и Уния (в 1596 г.) означают политическую и религиозную борьбу с политической мощью России и религиозным владычеством православной Москвы).

Для отношений Царьграда, как центра восточной церкви, к Москве имеет огромное значение взятие Царьграда турками в 1453 г. Политическое падение Царьграда повлекло за собою и падение его — а это является решающим для будущей России и Москвы, — как центра восточной церкви. Кроме того, брак Ивана III с Софией Палеолог, дочерью последнего византийского императора в 1472, делает московских государей и Россию вообще, по крайней мере теоретически и с политической точки зрения, наследниками Византии. Таким образом Москва становится наследницей и продолжательницей Византии.

В 1589 г. царьградский патриарх Еремия поставил митрополита Иова в российские патриархи, благодаря чему русская церковь становится совершенно независимой; политический вес Москвы добывает скоро России и религиозный перевес над всеми восточными церквами, так, благодаря ничем незадержимому развитию, Москва становится восточным Римом. В 1774 г. Екатерина Великая — идущая последовательно тем же путем развития — выражает свое право на покровительство над христианами в бывшей византийской империи (ныне Турции), а в 1853 г. Николай I требует это право уже формально (Крымская кампания).

Так скрещиваются в неудержимом течении религиозные и политические интересы России с интересами государства, которое по взятии Царьграда господствует в бывшей византийской империи, то есть Турции. Указанное историческое развитие, а

также и географические условия привели к тому, что Турция стала для России таким же врагом, каким двести лет ранее были для нее татары, уже бессильные по отношению к России во время падения Царьграда.

В более подробном изложении было бы легче указать, как в новейшую эпоху, сознательно или нет, начали пользоваться в национальном смысле русские и балканские славяне этими эволюционно возникшими религиозными отношениями; на этом основании начало собместно создаваться и укрепляться сознание славянской взаимности. Бесспорным фактом является то обстоятельство, что одной из основ русской политики на Балканах была религия и интересы православной церкви; национальные элементы выступили позднее и уже на второстепенном месте.

III. *Стремление России на Балканы и к Черному морю: борьба с Турцией за политическое наследие Византии.*

4. То же самое необходимо сказать о втором факторе, правильно указанном Трубецким: о географическом положении России, Константинополя и Балкан и о естественном стремлении великого и все растущего русского народа.

Нашествие татар, а с ним и начало борьбы России и русского народа с монгольской расой (татарами, черкесами, а позднее и турками) относится к 1223 г. В 1240 был взят татарами Киев, а в 1272 татары приняли ислам и благодаря этому слились религиозно и политически с более поздним турецким напором, когда дело дошло до русско-турецкой борьбы из-за наследия Византии. Первая победа русских над татарами относится к 1378 г., а в 1380 г. Димитрий Донской побеждает татар на Куликовом поле у Дона. 1480 г. (время царствования Ивана III), приносит окончательное, падение татарской власти и их господства в России. Но с 1453 г. то-есть со времени завоевания Царьграда, турки заменяют татар в борьбе с Россией, становясь на целые столетия одними из главных противников возрастающего господства России, русского народа и православия. Начинается борьба за территориальное, политическое и духовное наследие Византии.

Более поздние турки пришли из Туркестана в Малую Азию, к конце XIII столетия, вел их Сулейман. Внук Сулеймана Осман (1288—1326) основал в западной Азии наследственную турецкую (османскую) империю. Он и его наследники сейчас же начали выступления против греческого владычества в Византии, дошли до Черного, Мраморного и Эгейского морей, а в 1354 пришли впервые в Европу и завладели Галлиполи; отсюда они начали великое наступление на Балканы и на среднюю Европу.

Были заняты Фракия, Македония и Албания. Сопротивление сербов сломлено на Коссовом поле (1389), была оккупиро-

вана и Болгария. Вскоре после этого началось дальнейшее наступление к Дунаю (битвы у Солуни, битва у Варны, на Косовом поле), пока наконец Магомет II не попытался в 1453 г. взять Царьград, дабы этим окончательно подломить бывшую византийскую империю.

Взятие Византии создало центр и основу для всей будущей турецкой империи. В 1459 г. была покорена Сербия (за исключением Белграда), в 1463 — Босния, в 1456—60 турки завладели Грецией, и наконец, и Валахия, и Молдавия подпали под их владычество. Подобным же образом расширяли турки свою империю на восток в Мессопотамию, Аравию, Палестину и северную Африку. Солейман II взял далее в 1521 г. Белград и бросился на Венгрию, путь в которую ему открыла битва у Могаче (1526). Центральной Венгрией с Будином он завладел в 1541 г. Во время царствования Солеймана II турки владели целыми Балканами, средней Венгрией, частью Хорватии, Славонией, Банатом, Трансильванией, Молдавией и Валахией. Они также завладели и Бессарабией и пространством между Буком и Днестром; Крымом и Азовским морем до сих пор совместно владели татары и турки. Восточное побережье Черного моря, Армению, Карс и иные кавказские земли турки приобрели в течение XV столетия в войне с Персией.

Таким образом, Турция, завладев Черным морем и всем пространством, прилегающим к нему с востока и запада, окружила Россию с юга до такой степени, что заперла ее естественный выход к морю и остановила ее естественное развитие. И это привело к великой исторической борьбе, вылившейся в постоянные русско-турецкие войны (к ним одной своей стороной примыкала, собственно говоря, и последняя мировая война 1914 г.). Историческое развитие и географическое, политические, экономические и культурные условия должны были вызвать это борьбу с неизбежностью уже в те времена, когда о каком бы то ни было славянстве не было и помину.

5. Первые столкновения между Россией и Турцией начались уже в 1570 г. при Иване Грозном, позднее в 1640 г. началась борьба за Азов, в царствование Федора III началась серия известных русско-турецких войн за югозападные границы Украины и побережья Азовского и Чорного морей на юге России. Петр Великий одержал первую значительную победу, он взял Азов, добился свободной торговли на Черном море и Дарданелльского пролива (мир в Карловицах в 1699 г.). При последующей войне результаты этой победы были потеряны (1711 г.).

Вторая война Петра с Турцией имеет историческое значение, благодаря тому, что Россия тут впервые столкнулась непосредственно с Черногорией, Сербией и Молдавией, то-есть с балканскими славянами.

Четвертая турецкая война, происходившая в царствовании царевны Анны (1737 г.), при которой Россия действовала против Турции совместно с Австрией, закончилась Белградским миром (1739) по крайней мере с тем успехом, что Россия получила обратно Азов, взяла Хотин и пространство между Днепром и Буком; она начала все больше и больше приближаться к Балканам и к западному побережью Черного моря.

Большое историческое значение имеют русско-турецкие войны в царствовании Екатерины Великой в 1769—1774 и в 1787—1792 г. При первой войне русские берут Крым, Бессарабию, вторгаются в Болгарию, одерживают победы и на море. На Балканах, под влиянием русских побед, среди порабощенных христианских народов начинается открытое восстание. Мир в Кучукой-Норджи (в 1774 г.) приносит России территориальные приобретения и она требует прежде всего амнистии всем восставшим на Балканах: впервые Россия подчеркивает свое право на покровительство балканским христианам.

В 1783 г. Екатерина начинает вести открытую борьбу против турецкого владычества, присоединяет к России Крым и подготовляет (с Потемкиным) планы восстановления бывшей Византийской империи под скипетром своего внука Константина. Она привлекает к этому и Иосифа II. Из-за этих планов возникает новая война, во время которой Суворов занимает Бессарабию, а Россия приобретает новую территорию до самого Днестра и Бессарабию (1792 г.). Споры из за Польши задерживают дальнейшие успехи России в этом наступлении на Черное море.

Дальнейшие русско-турецкие войны ведут Россию по намеченному пути: Наполеон на свидании в Эрфурте в 1808 г. признает право Александра I на Финляндию и придунайские княжества; сербы восстают и поддерживают таким образом Россию против Турции. В 1809 г. Кутузов завоевывает Болгарию, побеждает турок, но трения с Наполеоном вынуждают Россию на заключение Букарестского мира в 1812 г., по которому Россия получает Бессарабию. Постоянные волнения на Балканах заставляют признать по крайней мере частичную независимость Сербии; но на всеобщие восстания православных на Балканах в 1824 г. александровская Россия, вошедшая в Священный Союз и поддерживающая европейскую реакцию, смотрит безучастно. По отношению к малым славянским народам Россия оказывается впервые в том положении, которое повторяется в течение целого столетия до войны 1914 г.: царская Россия может поддерживать славянские революционные стремления лишь до тех пор, пока они соответствуют ее территориальным планам и пока не вредят ее нереволюционной внутренней и религиозной политике.

Немедленно же по вступлении на престол Николая I

(1825 г.) начинаются столкновения с Турцией, носящие характер борьбы за права православных в Турецкой империи. В октябре 1826 г. между Россией и Турцией был заключен так называемый Акерманский договор, который должен был обеспечить турецким христианам новые юридические права и религиозную свободу. После восстания в Греции в 1827 г. и вследствие неисполнения Турцией заключенного договора, Россия заключала в том же году договор с Англией и Францией и таким образом началась война 1828—29 г. Русские оккупируют Добруджу, Болгарию, переходят Балканы, занимают Андрианополь. Также победоносно они идут и на востоке у Карса и в Эривани. Мир в Андрианополе в 1829 г. означает дальнейший шаг в этом неудержимом стремлении: Россия получает дельту Дуная, восточный берег Черного моря и открытие Босфора и Дарданелл. Молдавии, Валахии, Сербии так же, как и Греции обеспечена свобода.

Причиной последней русско-турецкой войны, имеющей тот же политический характер, как и предшествовавшая война, является спор с Турцией, закончившийся Крымской кампанией. Николай I продолжает старую традицию: он ведет борьбу за Черное море, Босфор и Дарданеллы, за наследие Византии и за право протектората над православными христианами в Турции. Пользуясь спором о Палестинских христианах, царь требует у Турции, чтобы она признала за Россией и формальный протекторат над христианами в Турции (1853 г.). Эти требования вызывают войну с Турцией, причем Англия и Франция, опасаясь перевеса России в Европе, выступают против России.

Тяжелая Крымская кампания заканчивается поражением России и Парижским миром (1856 г.), причем Россия теряет дельту Дуная, часть Бессарабии, господство на Черном море, где установлен строжайший нейтралитет. Она теряет право исключительного покровительства турецким христианам. Лишь Александру II — во время франко-русского конфликта в 1871 г. удалось освободить Россию от тяжелых условий нентралитета на Черном море.

IV. Последний фазис русских устремлений на Балканы и славянство.

6) Я привел довольно подробно все эти исторические факты для того, чтобы сущность отношений России к балканским народам и к Турции выступала более выпукло. Лишь 1876 г. можно считать до известной степени рубежом в развитии русско-турецких и русско-балканских отношений. До этих пор все споры России с Турцией из-за побережья Черного моря и из-за Балкан диктовались жизненными, территориальными, экономическими и политическими интересами самой России; что касается культурных нтересов, то среди них решающую роль играл религиозный вопрос. Реальные, ничем неприкрываемые

исторические точки зрения, вполне понятные побуждения, господствовали в течение огромного четырехвекового периода новой русской истории от 1472 по 1876 г. Другие два побуждения: — устремление к Балтийскому морю, борьба против Польши и стремление завладеть Сибирью — требовали по понятным причинам гораздо меньшего напряжения народной энергии, чем стремление к Царьграду и к свободному морю.

Лишь в последней русско-турецкой войне (1877—8 г.), несмотря на то, что по существу и в целом своем развитии и по истолкованию она не является ничем иным, как продолжением традиционной русско-турецкой политики, можно заметить некоторые элементы, в которых прямо или косвенно звучат новые побуждения: здесь видны побеги ясного национально-славянского сознания.

Правда, уже императора Александра I во время наполеоновских войн и после них некоторые чешские будители приветствовали как царя славян, а на Россию смотрели с восторгом и надеждой, которые они черпали в чешском национальном возрождающемся обществе. Правда и то, что среди декабристов говорилось о славянском федерализме (Общество Соединенных Славян), но правительство видело в этом скорее опасность и решительно восставало против подобных тенденций. В 1827—29 годах борьба за свободу в Греции и на Балканах впервые вызывает то тут, то там убеждение не только о религиозной, но и о национальной близости.

В царствование Николая I дело пошло еще дальше; славянофильство дало первые плоды политической и пропагандистской работы: в сороковых годах Погодин, как мы увидим дальше, идущий по следам Хомякова и Киреевского (на которых в официальных кругах смотрят недоброжелательно), находится в сношениях с Колларом, Шафаржиком, Ганкой и иными и пишет для министра Уварова панславянский меморандум. В сороковых и пятидесятых годах проникают в Россию уже западная философия и национальное движение западной и средней Европы.

Но страх официальной России перед этими революционными элементами таков, что она старается все затормозить в положенных пределах. Политика оффициальной России во время революции 1848 г. в Австро-Венгрии — с небольшими изменениями эта политика стала традицией в славянском вопросе до новейшего времени — болезненно отозвалась у всех политически порабощенных народов, особенно у славян и вызвала у нас реакцию (на славянофильство) у Палацкого и Гавличка. Восстание в Польше в 1863 г. еще более усилило эти тенденции русской политики. Как смотрела оффициальная Россия на путешествие Палацкого и Ригра в 1867 г. мы узнали лишь недавно из тайных австрийских архивов (См. книгу Д-ра Карла

Казбунды — «Путешествие чехов в Москву в 1867 г. и австрийская дипломатия, Прага 1924 г.). Несмотря на это всеобщее развитие национальной идеи в западной и средней Европе и на Балканах, начиная с шестидесятых годов проникает и в Россию, там оно дополняется, как мы увидим дальше, выросшим на русской почве славянофильством и русским панславизмом.

Итак, наконец, в 1871 г. производится первая неясная формулировка славянской политики России на Балканах. Это было только начало; пока славянство служило лишь предлогом, вскоре оно, однако, становится лозунгом, и, наконец, по крайней мере до известной степени, и настоящим чувством. При этом часть общественного мнения — поскольку оно вообще может высказываться — опередило на добрых десять лет в понимании славянского вопроса политику оффициальной России. Война 1877—78 годов, вызванная восстанием в Герцеговине в 1875 г. и законченная победоносным миром в Сан-Стефано в 1878 г., означала сильное увеличение Черногории, Сербии, Румынии, значительные концессии для Болгарии, территориальное увеличение России (часть Бессарабии и Армении) и большое ослабление турецкой позиции на Балканах вообще. Сопротивление европейских Держав (Англии и Австро-Венгрии) помешало, однако, ратификации мира и принудило созвать Берлинский Конгресс, где был заключен окончательный договор, значительно ограничивающий первоначальный успех.

Как уже было сказано, главными мотивами войны и всей русской политики были традиционные тенденции. Славянский элемент начинал в этом случае, однако, уже действовать, он делал войну популярной в массах и впервые о нем открыто заговорили и использовали в русской балканской политике. С точки зрения европейской политики это имеет значение потому, что с тех пор упомянутый элемент становится все более сознательным, как в славянских государствах на Балканах, так у чехов, словаков и, наконец, в России. Но для России, как великой державы, он не сделался решающим и основным мотивом ни тогда, ни в последующее время; во всяком случае, он не был основным, программным элементом тогдашней оффициальной русской политики.

Повторяю, все, что я сказал, не является обвинением, а лишь простым констатированием фактов. Кроме того, я бы считал, что развитие и миссия России, как в прошлом, настоящем, так и в будущем, были бы просто непоняты, если бы мы хотели съуздить, свести цель и миссию России лишь к так называемому славянскому пониманию задач России и русского народа в истории Европы и мира. Декорации, в которых Россия выполняла и будет далее выполнять свою историческую миссию, гораздо шире. Я верю, что Россия и остальные славянские государства должны будут делать политику, которую мы

обычно называем славянской. Но для России это было и останется в будущем, естественно, лишь малой частью ее политической миссии и второстепенной политикой.

В подтверждение этой точки зрения можно было бы привести ряд доказательств. Укажу для примера лишь на конфликт России с Болгарией в 1885—86 г. по поводу Фердинанда Кобургского, когда в споре, касающемся главным образом католической династии и ее влияния на Балканах, Россия выступила против Болгарии. Религиозный элемент и чисто русские державные интересы подавили все рассуждения о славянстве. Во время борьбы с Австрией за влияние в Сербии во время Обреновичей снова появилась эта сторона русской политики.

Кроме того, Россия после неудачи на Берлинском Конгрессе обратила свои устремления прежде всего на Дальний Восток и начала проявлять меньше интереса к славянскому вопросу на Балканах, договариваясь о них с своими соперниками, главным образом, с Австро-Венгрией, обещая малым славянским народам помощь в будущем, а в настоящем охраняя прежде всего свои державные интересы, и часто оппортунистически жертвуя интересами и потребностями этих народов, когда того от нее требовали собственные интересы. Так это, например, произошло в 1903 г. после восстании в Македонии. На то же направление русской оффициальной политики может указать и кризис, возникший благодаря анексии Австрией Боснии и Герцеговины в 1908 г.; даже борьба балканского союза с Турцией в 1912 г. не изменила в основе этой политики. Я не хочу ни в чем обвинять Россию. Я просто констатирую факт и вполне понимаю эту политику. Однако, я не хочу ее видеть иной, чем она была в действительности.

7. В новейшую эпоху традиционные действенные силы русской балканско-черноморской политики проявились снова и в мировой войне 1914 г. Главное влияние здесь постоянно оказывали непосредственные державные интересы России в этих краях.

Наглядно это положение доказывает русская оффициальная политика, требующая из наследия Византии — Константинополя и проливов. Подоплекой этих требований, кроме старых реминисценций Византии и религиозной миссии прежнего центра восточной церкви — были исключительно обычные политико-экономические стремления, желание великой мировой державы пробиться к открытому морю и факт все возрастающего развала Турции, части которой разбирали понемногу остальные державы. (Мароко, Тунис, Триполи, Египет, Сирия, Мессопотамия). Россия хотела обеспечить себя в случае возможного падения этого государства, стремясь добиться осуществления того, что исторически и традиционно было ее великой целью, на что русский народ смотрел бы с культурной и религиозной

точки зрения как на осуществление великой исторической и национальной миссии. Поэтому было естественно и в известной степени было оправдано всем развитием событий то обстоятельство, что русское правительство и русское общественное мнение в момент объявления войны выставили свои права на Царьград*).

Религиозный элемент в последнем фазисе международной русской политики внешне потерял до известной степени силу, несмотря на то, что внутренно, как у русской бюрократии так и дипломатии, он не переставал играть выдающейся роли. Постепенное удаление политической и государственной жизни в Европе от церкви действовало, бесспорно, и на Россию. Несмотря на все это, внутренне и в связи с культурным состоянием России и положением православия в государстве, религиозный элемент политики имел значительное влияние и в то время последней мировой войны в 1914 г. Мы увидим, что он был несравненно сильнее, чем славянский элемент, и что он по существу определял планы России о реорганизации центральной Европы и Балкан в случае победы.

Оффициальная Россия во время последней войны, точно так же, как в 1877—78 года, использовывала славянские настроения и чувства, как один из действующих элементов, как одну из вспомогательных сил для достижения своих русских политических целей, для усиления своего влияния на славянские народы, на сохранение своей державной позиции на Балканах. Однако, истинного славянского плана, основанного на продуманной концепции, славянски осознанной, у России не было.

Нельзя не видеть того влияния, которое имел на развитие славянской идеи самый факт стремления России к Византии — Царьграду, на Балканы, — все равно из церковно ли религиозных или политическо-империалистических побуждений. Руководящие политические деятели, видевшие оба эти важные политические мотивы, использовали их при удобном наличии бесспорно существующего этнического родства и им усиливали чувство. Национальное возрождение, пришедшее из западной Европы, славянство Коллара и русское славянофильство дали этим простым фактам религиозного и агресивно-политического стремления, так же, как и факту этнического родства, теоретическую основу для создания и формулировки современной слнвянской концепции и так называемой славянской взаимности в том виде, в каком мы ее знаем в последние пятьдесят лет в славянской политике.

V. Гуманистическая философия XVIII столетия, национальная идея и славянство. — Ян Коллар.

*) Русские социалистические партии были против подобных претензий царского правительства на Царьград. Примечание редакции.

8. Особую и весьма важную главу в развитии славянского вопроса составляет влияние, которое на него имели революционный энциклопедизм XVIII столетия и принципы французской революции и философии. Это славянство, опирающееся на историческое влияние и являющееся отражением национального возрождения в XIX столетии малых народов вообще, находит свой базис у чехов и словаков и считается теперь исходом современного политического и культурного славизма. Весь его характер придал ему Коллар.

Гуманитарная философия XVIII столетия, приведшая к великой французской революции, требовала уничтожения религиозных, аристократических, династических и иных привилегий; она дала основу современному политическому демократизму, ибо требуя свободу науки, мнения и вероисповедания и в своих последствиях ведя к участию широких масс в правлении, она дала базис для современного конституционализма и для пробуждения народных масс, как с чисто политической, так и с лингвистической, культурной и национальной сторон, то-есть просто вела к национальному возрождению малых и порабощенных народов.

Монтескье, Руссо, Вольтер и иные читались одинаково Колларом, Шафаржиком и Юнгманом, были известны в Польше в конце XVIII и начале XIX столетий так же, как и изучались при дворе Екатерины Великой и в России вообще. В начале XIX века иллиризм полон идей французской революции. Также были воспитаны на французском просвещении и Лессинг, Гердер, Кант, Гете и Шиллер. Особо же нужно подчеркнуть имя Гердера, связь которого с народным искусством, с народными слоями, с гуманистическими идеями, с национальным возрождением и славянскими народами вообще хорошо известна. Влияние Гердера на руководящих славянских деятелей, особенно же чешских и словацких в начале XIX столетия было решающим. Известно пребывание Коллара и Шафаржика в Йене в 1815 и 1819 годах, откуда они возвращаются проникнутые идеями Гердера и начинают их применять к своей национальной и славянской среде.

Под этими влияниями возникают у Добровского, Юнгмана, Коллара, Шафаржика, Ганки, Челаковского и иных первые современные теории о славянской проблеме. Подчеркивается сначала чешское происхождение, потом переходят к славянскому, а из славянства вырастает человечество, гуманизм. Это самый характерный и сильный элемент славянофильства Коллара, всей его философии. Наконец начинает выдвигаться и руссофильство как выражение удивления и политических надежд малых славянских народов по отношению к величайшему славянскому народу. Наконец, все это выражается в лозунге славянской взаимности. Эти идеи

возникли в гуманистической французской философии, позднее перешли через Гердера и других в Германию; в самой Германии они проявили себя в борьбе национальной Германии с наполеоновской Францией и выразились в идее объединения всей Германии против иноземных врагов. Высшую точку этого движения мы видели в революции 1848 г. Подобное же развитие мы видели и в Италии и на Балканах.

Это проявление немецкого национализма, выразившегося в лозунге всенародного единения, имело влияние и на славян: на чехов, словаков, словинцев, на южных славян вообще и на поляков. Больше всего оно повлияло на чехов и словаков: оно выразилось в сознательном и теоретически обоснованном лозунге национального возрождения, славянской взаимности и славянского единения.

9. Славянофильство, славизм опирается у нас в это время, главным образом, на личность Коллара, уже менее на Шафаржика. Коллар видит величие славянства и верит в него, он доверяет взаимности славянских народов, надеется, что малые славянские народы будут охраняться великими, то-есть Россией; он восхищается александровской и николаевской Россией, верит в нее и думает, что Россия создаст великую, единую славянскую державу.

У Коллара хотя и были эти политические идеи, но видя истинные политические условия в Австро-Венгрии и Европе, он не пошел дальше и ограничился проповедью литературной и духовной славянской взаимности. Он чувствовал малые размеры славянства, чехов и югославян и хотел перед ними в моральном и литературном единении и взаимности всех славян, особенно же в единении с Россией. От славянского единения он переходил потом к основной своей исторической миссии — к гуманизму.

Необходимо подчеркнуть этот человеческий элемент в славянстве Коллара; у иных теоретиков этот элемент отсутствует, а поскольку он проявляется в русском славянофильстве, он принимает форму русского мессианизма совершенно иного характера, чем философски обоснованная человечность, гуманность Коллара. Позднее славянская идея совершенно теряет наш возрожденческий и колларовский гуманизм. Я считаю эти вещи весьма важным для развития славянской идеи, ибо анализ отдельных славянских движений, сделанный с этой точки зрения, освещает нам лучше всего основу славянофильства, панславизма, панруссизма и неославизма. Так яснее всего выступят перед глазами политического наблюдателя их характерные черты.

Я не буду подробно излагать взглядов Коллара, они достаточно известны. В основе своей они все имеются в его книге «Über die Literarische Wechselseitigkeit zwischen den ver-

schiedenen Stämmen und Mundarten der slavischen Nation» изданной в 1837 году. Коллар, а после него Шафаржик (а с ним и целый ряд наших писателей и политиков первой половины XIX столетия) дали основу современной концепции славянской идеи; по существу это были по своим целям и последствиям политические программы, но вследствие тогдашних тяжелых политических условий Европы, они получили прежде всего литературное выражение и не могли следственно служить базисом для реальной политики. Они создали бесспорно политическую идеологию первого периода так называемой славянской политики.

Это была эра романтического увлечения славянством. Агитационный характер деятельности Коллара так же, как и форма, в которую он поэтически облек в «Slavy Dceři» эти свои мысли, придавало его славянской идее еще более романтический вид.

С Колларом шел Шафаржик, а по их стопам Ганка, словацкая школа Штуруа, хорват Л. Гай, серб Томаш Павлович и целый ряд иных югославянских, русинских и украинских писателей (Срезневский, Костомаров и иные). Так Коллар сделался великим передовым бойцом позднейшей славянской идеи.

Менее экспансивный, но в научном отношении более серьезный Шафаржик обосновывал, усиливал и переводил на более реальную почву теории Коллара в своей книге «Slovanský Národopis» (1848 г.). Его взгляды стали наследием современной науки и опорой дальнейших исследований в области славистики, несмотря на то, что заключали в себе целый ряд неточностей и научных ошибок. Шафаржик хотел реально сказать, что такое славяне, Коллар же пустился в рассуждения о будущности, целях и идеях и фантазия увлекла его к довольно не реальным выводам: Потому у него были восторженные последователи, но потому же он довольно скоро возбудил против себя сильную оппозицию.

Для развития славянской идеи было важно, что идеи Коллара и Шафаржика проникли не только в Чехию, Словакию в Югославию и Украину, но частично достигли и до поляков, дошли и до русских. Здесь необходимо выдвинуть связь, которая была у Коллара с русскими славянофильскими кругами и указать, как то, что мы называем славянским движением, составлялось в различные времена из разных течений(возникающих, с одной стороны у нас, с другой — самостоятельно в России, и, в третьих, на Балканах. Основательный анализ такого возникновения и взаимного проникновения поможет нам правильно понять, что такое славянская проблема.

Коллара в России знал и пропагандировал Михаил Погодин. Он пользовался славянофильскими теориями для чисто полити-

ческих целей и создавал из теоретического славянофильства практическое панславянское и панрусское политическое движение; в этом же направлении он понимал и идеи Коллара: в этом же смысле он влиял и на министра Уварова и переносил Коллара и Шафаржика на панславянскую почву. Погодин в этом отношении не был одинок.

Так Коллар вступает в непосредственные сношения с славянофильством и с его дальнейшей эволюционной стадией — политическим панславизмом. То, что Коллар лишь издали намечал, то Погодин ясно и категорически формулировал и старался через правительственные круги ввести политически в жизнь.

Я привожу эти факты для того, чтобы было возможно констатировать, из каких источников возникла современная идея славянства и как подобные составные части взаимно встречались и дополняли друг друга. Программно и целесообразно славянская идея романтического периода была впервые сформулирована Колларом и его преемниками. По сравнению с одновременной попыткой формулировки славянской идеи в России Коллар выступает более европейски. Философская человечная идея гуманизма является кульминационной точкой его теории. В этом отношении он ушел дальше, чем остальные. Его формулировка является основной современной славянской идеологии.

Коллар таким образом является отцом западного славизма романтической концепции; к нему приближается и пользуется им русская панславянская и панрусская концепция, выросшая из первоначального славянофильства. Обе оне позднее более или менее сливаются, особенно у нас, в обычную концепцию славянства и славянской идеи (еще до сих пор люди не ясно разбираются в составных частях славянской идеи, несмотря на то, что их основы разнятся по существу), из-за которой потом ведется борьба в течение целого полустолетия, вплоть до последней войны и с которой мы встречаемся еще и теперь при дискуссиях о славянских проблемах. Борьба началась оппозицией Палацкого и Гавличка против Коллара и продолжается до наших дней. По существу это начало борьбы реалистического славянства с славянством романтической концепции. Мировая война 1914 г. снова показала, что романтическая концепция после колларовской славянской идеи не соответствует реальной политике.

В дальнейших главах мы увидим, как велась эта борьба, начиная с Коллара и до нашего времени и какие из этого можно вывести заключения для нашего политического поколения.

ЭДУАРД БЕНЕШ.
Перевод Н. Мельниковой-Папоушек.

Южное славянство и Болгария.*)

Несколько лет тому назад я ехал из Генуи во Флоренцию. Когда поезд подошел к Пизе и в вечернем сумраке забелела ажурная башня, мне вспомнились бессмертные стихи:

О, Пиза, позор человечества...

. . . . . .

Пусть Арно выйдет из берегов
И затопит все живущее в тебе..

Так флорентийский патриот Данте шесть с половиной веков тому назад проклинал соперницу великолепной Флоренции Пизу. А нынче? Пизанцы каждое воскресенье отправляются во Флоренцию, а флорентийцы в Пизу, совершая приятельские прогулки, и тени Уголино и его детей уже давно не смущают совести Пизы и не пробуждают гнева Флоренции.

Но не слышится ли еще и сегодня Южному Славянству в этих стихах злобы дня? Не живет ли оно еще и теперь страстями когда то разъединенной феодальной Италии — добычи завоевателя, страны набегов и братоубийственных войн?

Ведь на крови и страданиях Южного Славянства веками создавались, используя его разъединение и вражду, сильные империи: сначала византийская, а после турецкая и немецкие.

Если бы на Коссовом поле, где победа долго колебалась то в одну, то в другую сторону, турецкие завоеватели встретили отпор всех южно-славянских племен, судьба Балкан была бы иная и объединенные в единое сильное славянское государство, они давно бы уже играли роль могущественного аккумулятора и посредника между двумя цивилизациями — европейской и азиатской и служили бы делу высшего синтеза этих цивилизаций.

---

*) Эта статья, написанная специально для «Воля России» бывшим болгарским послом в Белграде, Костой Тодоровым, была на днях прочитана им при огромном стечении сербской публики в белградском университете. По последним сведениям, сообщаемым белградской прессой, это чтение вызвало такое сильное возбуждение в шовинистических, правящих кругах Софии, что болгарские фашисты вновь постановили убить Косту Тодорова.

Но пусть тени далекого прошлого спят в пучине забвения, обратимся лучше к недавнему прошлому и почерпнем из его изучения веру и надежду в осуществление того идеала, который оставлен нам в наследство нашими благороднейшими учителями. Это то моральное наследство, которое вчерашнее поколение растратило, поколение наших дней обязано вновь собрать во имя возведения общего великого здания — братства, мира и культуры. Если я задержусь сравнительно долго на отношениях между сербами и болгарами, то это вовсе не потому, что я пренебрегаю хорватами и словенцами, а потому, что борьба на Балканах велась в последние десятилетия, главным образом, между сербами и болгарами, вместе томившимися под турецким игом и после освобождения начавшими взаимную ожесточенную борьбу за первенство на Славянском Юге. Мне часто приходилось слышать от братьев хорватов, что я много говорю о необходимости договориться сербам с болгарами и не вспоминаю о хорватах. Очень просто: как договариваться, так и примиряться должны те, кто ссорились. До недавнего времени необходимо было примиряться сербам и хорватам. Точно также необходимо мириться болгарам и сербам; между же болгарами и хорватами никогда и ни о чем не подымалось спора, а потому я и не нахожу нужным стучаться в открытые двери. И в настоящее время путь к сближению и братанию между Югославией и Болгарией проходит прежде всего через братство между Сербией и Болгарией, обуславливающее братство и с словенцами и с хорватами.

Какова же должна быть предпосылка нашего братства? Прежде всего та, что мы ветви одного и того же дерева, племена одного и того же народа, часто в течение наших исторических судеб разъединявшегося, но сохранившего среди лабиринта многовековых воспоминаний затуманенный, но никогда не убитый инстинкт единства и солидарности..., ибо басня, что мы, болгары, якобы, татары.

Военное номадское племя, завоевавшее часть дунайских славян в VII веке, почти бесследно растаяло в славянском море, во всяком случае в большей мере, чем франки в галлороманских и кельтийских племенах Франции, и гораздо больше, чем лонгобарды, в свое время поглощенные колонистами северной Италии... «Татарство» было у нас политикой — и то глупой политикой. Болгарин — славянин, более или менее *сознательный славянин*, и по френологии, и по нравам, и по умственному и душевному складу.

Турецкое иго временно слило и болгар и сербов в одно большое покоренное стадо и дало нам общие легенды и общие песни. Самый факт, что мы еще до сегоднешнего дня спорим о том, — был ли Королевич Марко болгарским или сербским королевичем, — является одним из ярких доказательств нашего

морального и духовного родства, нашей не только расовой, но и духовной близости. Было ли бы возможно, чтобы французы считали своим «Кольцо Нибелунгов», а немцы своею «Песню о Ролланде»?

Освобождение Сербии в начале XIX века сделало из нее центр, к которому стремились все порабощенные славяне Балканского полуострова. Политическое возрождение болгарского племени совпадает с княжением в Сербии князя Михаила, и мы видим, как вожди болгарского освободительного дела входят (из Румынии) в контакт с правительством Гарашанина и заключают тот исторический договор, который еще и сегодня, после истекших и каких бурных! шестидесяти лет, является знаменем большинства болгарского народа, вновь порабощенного, но на этот раз своими собственными сыновьями.

В 1867 году был заключен этот договор, гласивший, что борьба с Турцией должна иметь целью создание сербо-болгарского царства со столицей в Белграде.

В 1866 г., вслед за бомбардированием Белграда турками, легион Саввы Раковского, нашего национального героя, бился плечом к плечу с сербскими войсками, и в рядах его легиона находилась самая чудесная фигура новой болгарской истории — Дякон Василий Левский, так же, как и первый болгарский драматург Васил Друмев, впоследствии Митрополит Климент.

И я тут могу сказать, что, вопреки злобным оскорблениям оффициальной софийской печати, у моих товарищей и у меня есть гордое сознание того, что мы продолжаем сегодня дело этих наших предшественников, хотя наши великие вожди на историческом пути — Стамболийский, Димитров и Даскалов — уже пали мертвыми в борьбе за осуществление славного идеала.

Сербия в 1867 году была еще очень мала и слаба и не могла исполнить миссии объединения Южного Славянства. Восстание в Боснии и Герцеговине в 1875 году, война Сербии и Черногории в 1876 году и болгарское фракийское восстание — закончились катастрофой. Южное Славянство было раздавлено оттоманской силой. В этот момент вмешалась Россия и после ожесточенной войны победила. Была создана независимая Болгария, которая по Сан-Стефанскому договору должна была охватывать и Македонию, и Фракию, и Добруджу, и часть Моравы. Берлинский договор вернул Македонию и Фракию Турции, отдал Добруджу Румынии, создал восточную Румелию, а долину Моравы передал Сербии, объявленной королевством, тогда как Австрия оккупировала и удержала за собой Боснию и Герцеговину.

Для болгарских патриотов Сан-Стефанская Болгария сделалась идеалом, к осуществлению которого они начали упорно стремиться.

С появлением свободной Болгарии, во главе с чуждым немецким принцем Александром Батембергским, создалось новое положение, при котором акт 1867 г. казался историческим воспоминанием и анахронизмом. Но симпатии между болгарами и сербами были еще живы, хотя осуществление единства делалось проблематичным...

В 1885 г. 6 сентября принц Батембергский присоединил де факто с помощью румелийской милиции и своей армии Румелию к Болгарии. Это было первым этапом на пути к осуществлению Сан-Стефанского идеала. Король Милан, вопреки чувствам сербского народа, начал в войну против Болгарии и проиграл ее при Сливнице. Что побудило ее к войне? Австрийские натравливания против России, чьим фактическим вассалом считалась Болгария? Или еще не оформленная идея о болгарской короне — что осуществило бы идеал князя Михаила? Во всяком случае предприятие не удалось, и Болгария, против которой Турция не решилась ополчиться, сделалась и по территории и по количеству населения более значительным политическим фактором на Балканах, чем ее славянская соседка, Сербия. Это превосходство сил и определило в значительной степени будущую болгарскую политику по отношению к Сербии, тем более, что Болгария была очень ободрена своими военными и дипломатическими успехами, выразившимися в победе при Сливнице и в присоединении к ней Восточной Румелии.

Внешняя политика Болгарии, теперь ясно определившаяся, как новый этап на пути к осуществлению идеала сан-стефанской Болгарии — аннексии Македонии, — начала колебаться между двумя главными ориентациями, между руссофильством и австрофильством. Первое основывалось на чувстве; второе претендовало быть стремлением к полной независимости; большинство народа было руссофильским, а большинство интеллигенции стояло за австрофильскую политику. Здесь надо подчеркнуть, что вообще самые большие события внутренней жизни Болгарии были всегда результатами внешней ориентации, что нетрудно доказать на ряде примеров.

Так, 9 августа 1886 г. князь Батемберг, заподозренный и по праву в том, что он все больше и больше ориентировался на Вену, был лишен престола заговорщиками офицерами и изгнан из Болгарии. Вслед за тем Стамбулов совершил новый контр-переворот и разбил руссофилов. В государственном кризисе, который наступил и который закончился приглашением принца Фердинанда Саксен Кобургского на болгарский престол, имел место очень интересный факт. Зондируя почву, Стамбулов имел в виду между другими кандидатами на болгарский трон и короля Милана, к которому тайно и обратился, как

он утверждает в своих мемуарах, — и это всего лишь через год после братоубийственной войны 1885 года...

Тогдашняя политическая констеляция была такова, что подобный шаг не мог ни в каком случае увенчаться успехом. Ни Австрия, ни Россия не допустили бы этого, и тем не менее этот шаг остается характерным для болгаро-сербских отношений. Я не задержу долго внимания моих читателей на всех важных событиях, происшедших в Болгарии, скажу только, что вскоре после 1887 года, когда Фердинанд вступил на болгарский престол, на ряду с внешним преуспеянием Болгарии, ее экономическим строительством и подготовкой ее военных сил, началось моральное разложение в правящих верхах и вырождение политических партий, вскоре превратившихся в котерии, потерявшие связь с народом и подготовившие ему несчастье катастрофы. Зловещая фигура мадьярского поручика, внука Филиппа Орлеанского, — Фердинанда в центре событий. Личность Стамбулова оставляла Фердинанда первые годы по его воцарении в тени и Фердинанд приказал тайно убить Стамбулова после того, как лишил его власти. В 1894 году он передал власть своему личному секретарю Стоилову и дал, таким образом, образец того «личного режима», при котором конституция и парламент остаются формами без содержания, а народ все больше и больше теряет веру в лозунги, в партии, в их мораль и в их способности.

За свое тридцатилетнее царствование Фердинанд, вначале князь, а потом царь Болгарии, не только отравил душу болгарской интеллигенции, опустошил ее и расстроил, но также отчуждил ее от народа и от славянства. Когда 5 октября 1918 г. Фердинанд, лишенный престола, приехал в Вену, он заявил:

«Я исполнял свою миссию представителя Германии на Балканах до последней возможности».

Это заявление характеризует целиком всю его политическую деятельность, жертвой которой стал болгарский народ.

Верно, что часть интеллигенции продолжала именовать себя славянофильской. Она участвовала в разных славянских конгрессах и манифестациях, да и сам Фердинанд нередко, когда политический рассчет данного момента диктовал ему это, ездил на поклонение в Петроград или рассказывал французам о крови своих орлеанских прадедов, но главная линия — неуклонно проводимая им за время царствования — неизбежно вела болгарский народ через Бал-платц и Вильгельм штрассе к братоубийству 1913 года на Брегальнице и к катастрофе на Добром поле...

Один момент особенно интересен в болгаро-сербских отношениях, если оставить в стороне попытку 1904 г. — таможенной унии, — это славянское испытание в момент кризиса в 1908 году. Этот кризис интересен и по своему содержанию, и как первая открытая манифестация антиславянской полити-

ки Фердинанда, а одновременно и как первый опыт народа противопоставить себя этой политике в лице своего величайшего представителя, покойного Александра Стамболийского. Сербы, так больно пережившие эти события, помнят, как Австрия, использовывая военное бессилие России, режим которой после дальневосточного краха и после усмирения первой русской революции 1905—7 годов был неспособен к активному протесту, присоединила окончательно Боснию и Герцеговину. Сербия задрожала от возмущения. Русская общественность негодовала... Чешская общественность протестовала... Но князь Фердинанд в этот самый момент по соглашению с Веной объявил себя царем и прибавил к шансам немецкой дипломатической игры и болгарский козырь. По большой иронии судьбы Фердинанд совершил это дело при помощи кабинета... из, руссофилов, во главе с Малиновым, чем и подчеркнул, что под его властью в Болгарии нет других политических концепций и другой воли, кроме его собственной. А эта воля была направлена против славянства. Политические партии в Болгарии в тот момент, как и позже, показали свое безличие, свою никчемность и свою неспособность понять сущность этого акта. Они упивались дешевой славой новой царской короны, купленной ценой славянского предательства...

Только Стамболийский — вождь тогда еще молодого болгарского земледельческого народного союза встал и сказал перед лакейским царским парламентом слова, ставшие пророчеством:

«Этот акт царя Фердинанда и его правительства окончательно объединяет Болгарию с Австрией против Славянства. Этот путь неизбежно ведет к войне, которая закончится катастрофой для Болгарии».

Земледельческие народы не могут быть целиком развращены. Порча касается лишь верхов, а народ, связанный с землей, сохраняет свою душевную девственность. Кто изменил порабощенным славянским племенам во время турецкого и немецкого рабства? — бояре и князья — аристократия, потурчившаяся и онемечившаяся. В крестьянине и в ремесленнике сохранились и вера и язык. Благодаря им пришло и освобождение. Народная душа, как чаша Грааля, сохранила нетронутыми сокровища славянской культуры.

В Болгарии Фердинанд успел развратить интеллигенцию, создал куртизанство, превратил политиков и военных в свои личные орудия, но отрава Кобургского выродка не проникла в народные массы и от них позднее вышло сопротивление и стремление к новому народному славянству, из них вышли борцы за Югославянский идеал и они же принесут завтра победу этого идеала.

*

Война 1885 года не была, к сожалению, единственным фактом вражды в болгаро-сербских отношениях.

Стремление болгарской политики подготовить почву для аннексии Македонии и Фракии столкнулось скоро с сербской политикой Сербии, вынужденной натиском Австрии искать своего расширения на юг в той области, которая и географически является продолжением Моравской долины, в области Вардара. И в Софии и в Белграде началась ядовитая полемика об историческом и национальном праве на Македонию. В полемику были вовлечены и иностранные ученые, а за полемикой начались столкновения, вызываемые двумя национальными пропагандами, между вооруженными комитетскими четами. Для меня, да и для огромного большинства моих товарищей этот спор — не потерявший и до сегодняшнего дня своей остроты — вообще бессмыслен. Он — последствие одного основного недоразумения, ибо исходит из неверной предпосылки, будто бы мы различные народы, предопределенные на долгие года к взаимной борьбе, тогда как на самом деле мы часть одного и того же народа, чье благоденствие и прогресс в объединении, а не в междоусобной войне. Но создание двух государств и двух династий поставило нас друг против друга, создало между нами недоверие и непознание один другого и часто делало нас орудиями чуждых интересов, жертвами чуждых интриг. Македония сыграла в этой борьбе фатальную роль, но она может сыграть и положительную роль, если завтра мы все этого пожелаем.

Мне незачем напоминать все этапы этой борьбы за Македонию: пропаганда, четы и три войны в 1912, 1913 и 1915—1918 годах. Борьба закончилась победой Сербии в 1918 году, вследствие чего создалось государство Сербов, Хорватов и Словенцев.

Почему победила Сербия? Почему будучи накануне великих событий, уничтоживших Турецкую империю и могущественную Австрийскую монархию, меньше и слабее Болгарии, она вышла из борьбы самой сильной державой Балкан с большим влиянием в средней Европе и с значительным голосом в мире? Случайность играет свою незначительную роль и в исторических событиях. Но ее результаты недолговечны. Способность вождей, энергия и самопожертвование народа — ценные и великие двигатели, но и они одни недостаточны. Я уже однажды писал в статье, поднявшей бурю в некоторых специфических сферах Софии, что между различными причинами две являются главными: географическое положение Сербии и ее моральное превосходство над нами...

Она победила, потому что Белград является естественным средоточием на Балканах, так как лежит не только на большом пути между средней Европой и Балканами, но и на больших водных путях, а главное потому, что Македония — яблоко на-

шего раздора — в своей большей части географически неразрывно связана с Сербией, долина Варвара является естественным продолжением Моравской долины...

География может быть часто изнасилована, но она всегда берет реванш.

А, кроме того, моральное превосходство сербов над болгарами заключалось в том факте, что сербы освободились *сами*, выковали сами в вековой борьбе свою судьбу, создали своих собственных вождей — кровь от крови народной — пребывавших в постоянном душевном, психологическом контакте с народом.

И как бы ни не было неприятно некоторым господам в Софии, я должен отметить этот факт, результат исторических событий, которые не мы направляли, но которые тем не менее оставили глубокие следы в наших душах, и бесспорно воздействовали на развитие нашей новой истории.

Несмотря на отдельные героические страницы болгарской борьбы за освобождение, несмотря на наличие великих фигур, каковыми являются Сава Раковски, Васил Левски и Христо Ботев, наше освобождение явилось даром сверху, большая часть народа активно не участвовала в борьбе за него. Точно также и наша конституция не была результатом длительной внутренней борьбы, а получена была нами без каких бы то ни было усилий. Благодаря этому обстоятельству наше политическое сознание, а вместе с ним и политическая мораль были отсталыми. И может быть только теперь, в горниле новых, нечеловеческих страданий, испытываемых нашим народом, ведущим то тайно, то открыто политическую борьбу против насилия диктатуры, выкуются и закалятся душа и воля нового поколения, способного к великим достижениям.

Борьба за Македонию окончательно закончилась в 1918 г. нашим поражением на Добром Поле. Она закончилась не только благодаря военному успеху сербов, но и благодаря тому, что вслед за этим успехом произошло объединение сербов, хорватов и словенцев — в единую, большую и мощную державу. Если до 1918 года, несмотря на болгарское превосходство сил над Сербией, война закончилась нашим поражением, вопреки прекрасным качествам болгарской армии, то какой безумец может мечтать о том, что эта борьба может быть возобновлена нами с каким бы то ни было шансом на успех? И такие безумцы еще имеются в Софии! Они рассчитывают на новые политические комбинации. До вчерашнего дня они рассчитывали на сербско-хорватские недоразумения и борьбу. Но они забывали и забывают, что кроме других препятствий, стоящих на пути их тайных вожделений о безумном реванше, они на этот раз будут иметь и еще одно препятствие — *активное сопротивление болгарского народа*. Ибо сегодня этот народ уже не тот,

что в 1913 и в 1915 годах, когда он, хотя и вопреки своим чувствам и понятиям, покорился и участвовал в братоубийстве. Сегодня этот народ имеет знамена, на которых написано: «Объединение с Югославией». И он научился уже умирать под этими знаменами за этот идеал!

Это знамя есть знамя Земледельческого Союза, освященное заветами и кровью Стамболийского.

В момент самого большого влияния царя Фердинанда, в момент, когда армия, парламент и политические партии, стояли на коленях перед ним, ждали его милостей и трепетали перед его гневом, в этот момент против него встала могущественная фигура гениального крестьянина, окруженного небольшой группой друзей, но оцененного и любимого народом. От 1908 года и до дня вынужденного отречения от трона борьба между Стамболийским и Фердинандом наполняет болгарскую историю. Это была борьба здорового народного инстинкта против предчувствуемого зла, борьба морального чувства против победоносной коррупции. В 1911 г. поединок между царем и Стамболийским принял в Великом Народном Собрании весьма острую форму. Надменный Бурбон, он же и Кобург, вошел в Конституанту в фуражке. Стамболийский и его сорок восемь друзей, депутатов Земледельческого Союза, немедленно надели шапки в знак протеста против царского желания поставить себя выше выражения народной воли в лице Конституанты. Стамболийский боролся против изменений конституции, дававших право Фердинанду объявлять войну и заключать мир без парламента...

В 1912 году он видел, что созданный балканский союз есть не что иное, как временная комбинация временных интересов. В 1913 году он раскрыл преступление 16-го *) июня и с лестницы Народного Собрания держал речь студентам, в которой заявил:

«Если в этой стране есть справедливость, Фердинанд должен быть повешен перед Народным Собранием».

В 1914 году Стамболийский стоит во главе самой сильной опозиционной группы Народного Собрания. Началась европейская война. У правительства и правительственного большинства ожила идея о реванше над Сербией. Подкупленная Германией и Австрией печать открыто говорила о войне против Сербии. Стамболийский был на своем посту. Он перед лицом возмущенных шовинистов заявил:

«Желаю братскому сербскому народу победы в борьбе против австрийского нашествия».

Из рядов правительства ему начали кричать:

---

*) День внезапного нападения болгарской армии на союзную сербскую.

«Предатель! Серб!»

И Стамболийский громко ответил:

«Я не серб, я и не болгарин. Я Югославянин»...

Не заключается ли и сегодня в этих словах все решение сербо-болгарской проблемы?

Правительство Радославова, покорное Фердинанду, решило напасть на Сербию. И снова против подготовлявшегося преступления поднялся Стамболийский. Он явился во дворец во главе всех тогдашних оппозиционных вождей и в то время, как все остальные разливались в руладах дворцовой куртуазии, народный трибун предупредил преступного немецкого принца о том, что, совершая замышленное братоубийство, он идет на риск потерять корону и голову, довел царя до бешенства, и отправился в народные массы с призывом к сопротивлению.

Фердинанд временно победил и Стамболийский брошен в темницу. Началось мобилизация. 22-й полк, полк избирательного округа Стамболийского поднимает бунт. 20 солдат расстреляно...

Стамболийский продолжает борьбу из тюрьмы. Он пишет письма своим друзьям. Он ищет пути спасти Болгарию. Последние два года войны я имел счастье и честь делить с ним его тюремное затворничество, и здесь вполне оформлено было нами будущее направление нашей политики — политики объединения с сербами.

Югославянская идея родилась в Болгарии под турецким рабством. Первое свое выражение она нашла в договоре 1867 года. По освобождении, она заглохла, затаилась, но не умерла, и вновь была подхвачена вождем крестьян — Стамболийским. Она окрепла в ужасах двух братоубийственных войн, оформилась в реальную концепцию в тюрьмах царя Фердинанда, и в ней заключается весь смысл, как всей политики земледельческого правительства от 1919—1923 г.г., так и той тяжелой борьбы, которую болгарский народ ведет от 9-го июня 1923 г. *) и до сегодняшнего дня .

17 сентября 1918 года был пробит болгарский фронт при Добром Поле. Поражение явилось результатом прежде всего самой ориентации Болгарии в европейской войне. К этой основной причине прибавились беззакония правительства Радославова, грабежи в тылу, голод в армии, боровшейся вопреки желанию и вопреки совести огромного большинства народа и вследствие этого утратившей боевой дух. Не малую роль сыграло и артиллерийское превосходство союзных сил, и французы и сербы двинулись к Скоплью.

В Софии наступила паника. Царь Фердинанд спешно вызвал из тюрьмы Стамболийского — с мольбой о спасении...

---

*) Дата свержения Стамболийского заговорщиками Цанкова.

Сегодняшние болгарские правители утверждают, что катастрофа при Добром Поле явилась результатом предательства, организованного в тюрьме. Болгарские генералы, «профессоры» и другие орудия Фердинанда не могут говорить иначе, ибо, будучи истинными виновниками войны и поражения, они должны пытаться свалить ответственность с себя на других. Истина же заключается в том, что мы из тюрьмы делали все что могли, чтобы воздействовать на правительство Малинова, сменившего Радославова, в направлении заключения мира. В ответ на это наш тюремный режим был ухудшен, а быстрота событий застигла нас врасплох. Мы узнали о разгроме 17-го сентября *). Немедленно же собрались в камере: Стамболийский, Даскалов и я. Решили, если нам удастся выйти из тюрьмы, встать во главе возвращающихся с фронта войск и свергнем Фердинанда. 24 сентября Стамболийский и Даскалов были освобождены. Меня же Фердинанд отказался выпустить из тюрьмы. По плану выработанному в тюрьме, Даскалов повел войска от Радомира к Софии.

Если бы был выпущен и я, я должен был бы командовать частями второй армии и вести их на столицу через Панчерево. 27 сентября Даскалов с боя взял Владаю и Княжево (в семи километрах к югу от Софии). Одновременно, по настоянию Стамболийского, Малинов отправил парламентеров к союзникам в Солунь. Но в то же время, в последний момент, германские части и баттареи по просьбе правительства, во главе которого стоял тот же Малинов, спасли Фердинанда и его клевретов от заслуженного ими возмездия. Полувооруженные революционные войска после двухдневного боя были разбиты. Фердинанд, ограбив дворец, вывезя все драгоценности и что печальнее. всего важнейшую часть архивов, отказался от трона и выехал в Германию.

Репрессии были ужасны. Протогеров**) во главе софийского гарнизона избил около 3000 солдат. Стамболийский был скрыт друзьями в Софии, Даскалов бежал в Солунь.

Необходимо хотя бы вкратце описать эти события, ибо они являются первым вооруженным протестом народа против политики Фердинанда Кобурга. Если бы восстание победило, народное возмездие расчистило бы почву для быстрого и радикального решения сербо-болгарского спора.

Через несколько месяцев после этих событий народная воля заставила Земледельческий Союз войти в правительство. К моменту заключения мира, в 1918 г., Стамболийский вышел победителем на выборах, произведенных правительством Тодор Тодорова и взял власть в свои руки.

*) Разгром при Добром Поле.

**) Нынешний вождь македонской организации, тогда начальник софийского гарнизона.

Стамболийский и Земледельческий Союз были приведены к власти вотумом народного доверия. Новое правительство было немедленно аттаковано слева и справа. Оно раздавило без кровопролития сопротивление коммунистов и на долго нейтрализировало тех своих врагов справа, для которых мелкий племенной «патриотизм» сделался самой выгодной профессией. Оно обновило и укрепило Болгарию экономически и хозяйственно, подняло народное образование и завоевало симпатии всей демократической Европы, что дало ему возможность добиться уменьшения на четыре пятых нашего репарационного долга.

Но самым великим заданием являлось для него установление сердечных и братских отношений с Югославией. И здесь оно наткнулось на «македонствующих» и союзную с ними Военную Лигу.

Две тайные организации — наследство политики Фердинанда, подрывали искренние усилия болгарского народа. Они были поддерживаемы теми иностранными державами, в интересах которых было не дать потухнуть междоусобной борьбе на Балканском полуострове, для того, чтобы использовать слабость балканских народов в своих интересах. Радославов, «македонствующие» и многие военные во время великой войны были агентами Германии. Они получали от нее и деньги и инструкции. После разгрома они нашли в других местах и кассу и вдохновение.

Несмотря на эти препятствия и несмотря на недоверие, вначале высказанное Белградом, усилия Стамболийского не были напрасны. Начало 1923 года открыло нам широкие горизонты. Посещение Белграда Стамболийским в октябре 1922 г., сотрудничество делегации королевства Сербов, Хорватов и Словенцов с нашей делегацией в Лозанне создали атмосферу, в которой могла начать развиваться и положительная деятельность по сближению двух народов. Первым актом этого сближения было Нишское соглашение в марте 1923 г., после которого правительство решило принять строгие меры против «македонствующих», уже объявивших войну земледельческому правительству.

Нишский договор был счастливым началом широкой акции по сближению. Но враги не дремали. Они открыли серию покушений против апостолов этого сближения гораздо раньше. Уже в конце 1921 г. был убит мужественный министр Александр Димитров, преследовавший разбойничьи банды Тодора Александрова. В начале 1923 г. были брошены бомбы в Даскалова у Народного Собрания и в ложу Стамболийского в театре. Правительство ни в одном из этих случаев не вышло из рамок легальности. Это обстоятельство ободрило созревавшую конспирацию. Военная Лига в союзе с «македонствующими»,

опираясь на симпатии всех тех котерий, которые были несколько раз осуждены народной волей, произвела переворот 9 июня 1923 года и захватила власть, при помощи бесчисленных убийств и зверств.

Почему был произведен переворот? Цанков и его оффициальные приятели твердили и твердят, что этому причиной были внутренние дела, — земледельцами, якобы, были затоптаны гражданские свободы и это возмутило... кого? — тех самых генералов и профессоров, которые рабски служили Фердинанду — олицетворению кровавой тирании, которые во время войны занимались массовым избиением болгарских граждан и мирных жителей в оккупированных областях, как это произошло в Моравском крае. Представьте себе такую трогательную картину: Протогеров, Тодор Александров, генерал Лазаров и их люди, истребившие целые сербские села, насиловавшие жен и сжигавшие их заживо — ратоборцы за конституционные свободы! Я выше уже сказал: все перевороты в Болгарии, все смены правительств означали новый курс во внешней политике. И вот доказательства. 9 августа 1886 г. руссофилы свалили австрофила принца Батембергского; 11 августа 1886 г. Стамбулов раздавил руссофилов; Фердинанд свалил Стамбулова в 1904 г. и убил его для того, чтобы быть признанным Россией; Балканский союз в 1912 году, заключенный при посредничестве России, привел к власти Гешева и Данева «руссофилов»; война в 1913 г. отдала власть в руки австрофилов, превратившихся в 1915 году в германофилов и вовлекших нас в мировую войну...

Переворот 9 июня 1923 года также был последствием внешней политики.

Приятель Кобургской династии и болгарских шовинистов, Павел Милюков, на другой день после переворота писал в «Последних Новостях» о том, что Стамболийский пал из за Нишского соглашения. Итальянский корреспондент Нино Берри сообщил в «Corierre della Sera», что Стамболийский был убит македонцами и капитаном Харлаковым, *отрезавшими ему* в знак мести *правую руку..., подписавшую Нишский договор!..* Убийца Райки Даскалова, (на днях повесившийся в тюрьме в Чехословакии), Цицонков, заявил перед судом в Праге, что он убил Даскалова за отношение последнего к македонскому вопросу. Славейко Васильев, полковник, командовавший войсками против Стамболийского, фактический его убийца, сегодняшний депутат и министр! — пишет в своей брошюре о 9-ом июне, что Стамболийский, Даскалов и я были осуждены на смерть Военной Лигой еще в 1919 году, как предатели... Сам Цанков с парламентской трибуны оправдывал произведенные массовые убийства тем, что Стамболийский, Даскалов и я «предали» неприятелю... Доброе Поле!

Из полемики бывшего министра Цанкова, г. Казасова и социалистического депутата Григория Чешмеджиева устанавливается, что

1) член Военной Лиги, полковник Никола Рачев, договорился в мае месяце 1923 г. о совместном действии с Тодором Александровым, обещавшим 200 четников, о чем Рачев и докладывал 27 мая 1923 года Цанкову (страница 65 книги Казасова. О том же свидетельствуют и наивно поспешные откровения г. Милюкова в «Последних Новостях», сделанные им сейчас же после убийства Стамболийского);

2) Царь Борис приказал совершить переворот (логически доказано Григорием Чешмеджиевым).

Доказательства моего утверждения настолько многочисленны, что было бы излишним приводить их все. Теперь вполне установлено, что *9 июня является делом моральных и интеллектуальных наследников Фердинанда, испуганных нашим сближением с Югославией.*

Кроме всего прочего, у меня имеется доказательство того, что одна заинтересованная держава материально и морально помогла перевороту.

«Руссофильство» и австрофильство — прежние факторы болгарской внешней политики умерли за одно с исчезновением Австрийской империи и русского царизма. Внешняя политика Болгарии отныне может быть только или *за* или *против* югославянского идеала. И так как Стамболийский и болгарские селяне были и остались приверженцами *этого* идеала, сегодняшние правители Болгарии убили Стамболийского и массу его последователей для того, чтобы иметь возможность продолжать политику тайных комбинаций, направленных против Югославии.

С 9 июня и до сегодняшнего дня Болгария находится в длительной гражданской войне, иногда открытой, иногда глухой, подземной... Наш народ дал уже свыше 25.000 жертв в этой неслыханной по зверствам правительства борьбе. Но он сохранил нетронутой свою веру в торжество нашей идеи, знамя которой подняли мы, оставшиеся в живых друзья Стамболийского.

Утопия ли этот идеал? Не вымысел ли он идеалистов-доктринеров? С твердым убеждением я говорю — нет! Славянские Балканы одно географическое целое от Триглава до Черного моря. Они этнографически почти однородны. Они целиком земледельческие, — поле к полю, плуг к плугу, вершина к вершине, — с них несутся одни и те же песни, над ними веют одни и те же общие гайдуцкие легенды. Между нами есть еще пережитки прошлого, но нет больше действительного спора, так как он разрешен окончательно. Центробежные силы в Южном Славянстве ослабли, центростремительные начинают действовать. 9 июня — последний рецидив,

последнее звено в цепи исторических преступлений; его творцы сгибаются под тяжестью всенародного к ним отвращения. Они находятся в вечной моральной панике; раздор и растление в их собственной среде растут ежечасно.

Не только Земледельческий Союз, но и лица из других сфер, незапятнанные преступлениями Цанкова, уже открыто говорят в пользу этого идеала. Костурков, вождь болгарских радикалов, месяц тому назад защищал его в парламенте.

А в братской Югославии? Во всех ее частях, во всех ее племенах этот иедал имеет сильных приверженцев. Общественное югославянское мнение и авторитетные политики высказались за него. За него говорят и интересы, и разум, и мораль. Когда несколько месяцев тому назад в зале белградского университета мой боевой друг по французскому фронту и один из представителей русской демократии, Владимир Лебедев, пожелал объединения сегоднешней Югославии с Земледельческой Болгарией, — вся зала загремела от рукоплесканий.

Это знак того, что идеал объединения уже созрел в югославянских душах; в Болгарии же за него умирают. За фикцию никто не идет на смерть!

Мы имеем с нами в нашей борьбе с Цанковым симпатии мировой демократии. Во Франции, в Чехии, в Польше, в Бельгии, даже и в Англии демократия за нас и защищает великое дело болгарских земледельцев. Русская партия социалистов-революционеров протянула нам братски руку. Люди такой величины, как Олар, Эрио, Вандервельде, Макдональд, Клофач, Менар Дориан и другие выступили на нашу защиту. Недавно Лига Прав Человека и Гражданина осудила кровавую оргию Цанкова. Незадолго перед этим объявил борьбу режиму Цанкова, чьим прямым наследником является Ляпчев, социалистический Интернационал в Марселе. В нашей борьбе мы не одиноки. С нами славянство и совесть мировой демократии.

Но как произойдет объединение? Как осуществится наш идеал?

Недавно всеми в Югославии уважаемый государственный деятель, Воя Маринкович *) высказал свое по этому поводу мнение в загребской газете «Новости»:

«Сближение с Болгарией, сказал он, может легко произойти только тогда, когда в Болгарии появится правительство, поддерживаемое широкими народными массами».

Это — глубокая истина. Вопрос вовсе не в том, чтобы создавать временные политические комбинации с неизбежным крахом. Для того, чтобы сближение было действительным и продолжительным, необходимо участие в нем не только прави-

*) Г. Воя Маринкович, один из виднейших вождей сербской демократической партии, министр иностранных дел в последнем кабинете Любы Давидовича.

тельств, но и народов. Правительства должны договариваться в качестве действительных доверенных своих народов. В сегодняшней Болгарии эти условия отсутствуют. Правительство массовых убийств и насилия не может представлять народа, являющегося его жертвой. Каждое его действие, даже преследующее добрую цель, покажется народу направленным против него.

Но мы должны морально готовиться к завтрашнему дню. Необходимо, чтобы эта идея победила в умах и сердцах всех, и тогда она будет этим самым наполовину осуществлена, а близкое будущее создаст те благоприятные условия, которые сегодня отсутствуют в Болгарии. Вот уже политика Цанкова признана провалившейся не только народом и оппозицией, но и в рядах его собственной партии. Процесс разложения нынешнего режима развивается с редкостной быстротой. Этот режим стоит еще с револьверами и штыками против народа, но внутренно он болен, и, убивая, смертельно ранит самого себя.

Будем же готовиться к завтрашнему дню, познаем друг друга, приучимся чувствовать вместе несчастие каждого из нас. Македония не должна нас больше разъединять. Она должна стать мостом нашего объединения.

В 1920 году Стамболийский говорил перед гражданами Цариброда, тогда еще бывшего на болгарской территории:

«Вы отходите, сказал он им, к сербам. Я хотел бы, чтобы весь болгарский народ отошел к ним. Не слушайте тех, кто учит вас ненависти. Не помогайте рыть пропасти между нами, а послужите нам мостом».

Наш идеал так велик, что за него можно не только жить, но и умереть. И многие, многие из тех болгар, которые умерли за последние два года в Болгарии, которые были изрублены на куски и сожжены живыми, как были сожжены недавно бывшие земледельческие министры, Янев и Кирил Павлов, люди кристальной души и апостолы сближения наших двух братских народов, многие из этих болгар умерли за тот же самый идеал, за который умирали на стольких боевых полях и сербы.

Объединение Южного Славянства является первой целью наших усилий, но не последней! оно первый этап на пути к более великому моральному и политическому братству всего славянства. И когда эта могучая стихия — Славянство — забудет свои междоусобицы, когда вслед за нами примирятся поляки с русскими и поляки с чехами, тогда миссией Славянства, народного славянства будет принесть мир и счастье всему человечеству. Ибо земледельческие народы, каковыми являются почти все славяне, миролюбивы, любвеобильны и терпимы.

Разве не мечтал в начале прошлого века в одном из своих посланий Мицкевичу великий Пушкин о той эпохе:

«Когда народы, распри позабыв,
В великую семью соединятся!»

Эта наша крайняя цель. Но она имеет свой эволюционный путь. Для нас он проходит через объединение всех Южных Славян в единое целое, не во имя устрашения других народов, а во имя мира, прогресса и благоденствия всех. И я глубоко верую, что, несмотря ни на что, день этого объединения близок.

КОСТА ТОДОРОВ.

Белград.

Путь Непа.

(Из итогов XIV-го съезда Р. К. П.).

XIV-ый Съезд компартии огромным большинством одобрил и утвердил политику нео-нэпа, то-есть нэпа, расширенного на деревню и расчитанного на развязывание рыночных отношений во всей стране. Это решение по существу не вносит ничего нового и не в нем заключается значение съезда, вызвавшего наружу тщательно скрывавшиеся внутренние болячки большевизма. Оно в том, что из двух констатированных в компартии уклонов: одного, недооценивающего капиталистическую опасность нэпа, и другого, недооценивающего его социалистического значения (конечно, с точки зрения идеологии большинства), съезд предал анафеме именно второй уклон и на борьбе с ним решил, согласно образному выражению Сталина, «сосредоточить огонь».

И вопреки надеждам лидеров оппозиции, высказанным в их речах, «огонь» оказался, как мы видим теперь, не только «идейным», но в то же время поистине ураганным, — им уже снесены и сравнены с землей главные редуты меньшинства, под защитой которых оно предполагало отсиживаться.

Направление и сила «огня», развитого внутрипартийными баттареями большевизма, наилучшая иллюстрация XIV-го съезда. Это означает, что руководители победившего большинства намерены проводить новый курс не только в широком масштабе, но и с логическою последовательностью, без оглядки на прошлое. Это означает, что их политика исключает борьбу с неизбежными последствиями нэпа, равносильную уничтожению левой рукой того, что сделано правой и подрубанию (рецидивации военного коммунизма) того сука, на который уселась партия Ленина. Именно для того, чтобы предохранить большевизм от таких смертельно опасных для него при данной обстановке рецидивов — персональная склока «вождей» здесь играет свою самостоятельную роль, — сталинцы и принялись с таким ожесточением истреблять оппозицию, не считаясь ни с авторитетами, ни с личными заслугами.

Таков, в общем, выход, намеченный XIV-ым съездом в связи с изменением международного положения и взаимоотношения экономических и социальных сил в стране, в результате предыдущих и совершавшихся на все более широком фронте отступлений большевиков от позиций «чистого» коммунизма. Этот выход в действительности был уже намечен весною прошлого года XIV-ой партконференцией, постановившей распространить нэп на деревню — аренда, наемный труд во имя развязывания производительных сил — и провозгласившей необходимость продвижения «по линии большей свободы хозяйственного оборота». Уже тогда произошел фактически разрыв последних нитей, связавших большевизм с первоначальной коммунистической концепцией. Уже тогда уступки оказались настолько широкими, что «количество перешло в качество», — их противоречие с прежними формулами было настолько непримиримо, что для их обоснования Бухарину пришлось изобретать новые теории, не имеющие ничего общего с учением коммунизма, и провозгласить открыто о радикальном изменении «наших старых представлений о достижении социализма».

Но после весенней партконференции, где никакой явной оппозиции не было, надо было поставить точку над «i». Вокруг этих то «точек», вокруг истолкования решений конференции и возгорелась партсклока, приведшая к «этическому» бою на съезде, где Зиновьев и Каменев со всем их кланом нашли «свою Полтаву».

В большевицкой партии принято обсуждать важнейшие злободневные вопросы под псевдонимами, — признавались съездовские ораторы обоих направлений. Спорят как будто об одном и к фиктивному предмету спора привлекают внимание внешнего мира, а на самом деле речь идет совершенно о другом, но знают это только спорящие, великолепно понимающие друг друга с полуслова.

И на XIV-ом съезде под различными псевдонимами: «партия и крестьянство», «природа нэпа», «гос-капитализм» и т. п. и т. п. в сущности обсуждался капитальный для русских большевиков вопрос о том, какой практический вывод сделать из неоправдавшейся надежды на пришествие мировой социальной революции, с которой, с момента своего рождения, большевизм связал свою судьбу.

Насчет самого факта «изменения предпосылки» — неоправдания надежд — разногласий между большинством и оппозицией не было. Главной из всех трудностей, «составляющих фон картины», признал сам Зиновьев, — затяжка мировой революции. «В начале октябрьской революции, говорил он, мы были убеждены, что рабочие других стран окажут нам непосредственную поддержку в течение месяцев или, во всяком случае, немногих лет. Теперь, к сожалению, *доказано*, что затяжка

мировой революции есть факт, что частичная стабилизация капитализма *представляет собою целый период.*

Из «доказанного факта» обе стороны делали, однако, разные выводы. Оппозиция, как верно характеризовал ее Бухарин, рассуждала так: «Международная революция затянулась. Мы отступаем, ну и отступаем бесконечно». Но оппозиция отступать бесконечно не хочет, опасаясь буржуазного перерождения большевицкой партии. Отсюда прямым выводом было бы признание невозможности строить социализм в одной стране, «да еще технически отсталой», а, следовательно, и отказ от диктатуры. Но оппозиция, как и большинство, само собою разумеется, отказаться от диктатуры компартии и не помышляет. Отсюда у нее и получилось то, что на большевицком языке называется «неувязка»: начала с концами не связаны.

Поэтому и оппозиция ее была противоречивой и она не могла наметить ничего конкретного, отделываясь нарочито расплывчатыми фразами и не имея мужества открыто предложить те меры, которые были «уже на уме». По этой же причине ее требование сосредоточить огонь на том уклоне, который переоценивает социалистическое значение нэпа, было победоносно истолковано ее противниками, как затаенное намерение частичного возврата к военному коммунизму. В действительности оппозиция, запутавшись в противоречиях и парализованная трусостью, никакого пути спасения не была в состоянии указать. И Сталин был несомненно прав, презрительно характеризуя ее, как беспринципное паникерство.

«Люди вводили нэп, резонно доказывал он, зная, что нэп есть оживление каптализма, оживление кулака, что кулак обязательно подымет голову. И вот стоило показаться кулаку, как стали кричать «караул», — потеряли голову».

Каков же выход, намеченный смелым, «непаническим» большинством все из того же факта изменения предпосылки — «затяжки» мировой революции. Вкратце его можно формулировать так: строительство социализма мыслимо и в одной стране, даже технически отсталой, но только через нэп *и в формах им определяемых.*

Последовательное же проведение нэпа требует ликвидации остатков военного комунизма, не страшась ни кулака, ни капитализма, и беспощадной борьбы внутри партии против тех, кто этому намерен препятствовать. Таким образом, социалистическая невинность спасается и капитал диктатуры сохраняется, между тем, как большевизм, спасая свою власть, может продолжать отступление на экономическом фронте, прикрываясь социализмом.

Чтобы понять, что нэп и социализм совсем не одно и то же и даже наоборот, не нужно, конечно, учиться в семинарии. Сами большевики вели лицемерный спор об этом исключительно

для «галерки». Но сейчас важно не это, — важно то, что последовательный нэп «без страха и сомнения» — вот тот путь, по которому обладающая громадной диктаторской властью большевистская партия намерена отныне вести Россию.

Что же такое нэп в нынешнем его понимании торжествующим большинством компартии? В чем истинная сущность этого нового пути к социализму, открытого большевиками после того, как страшный результат первоначальной программы Ленина — «замена капиталистов и директоров вооруженными рабочими и взятие на учет всего хозяйства» — заставил их проделать длинный путь отступления — через «главки» к «свободному товарообороту», от товарооборота к первому нэпу, а затем к позднейшим его формам?

Наиболее простое, но и наиболее ясное изложение сути нэпа дано было на съезде компартии в речах Сталина. Но оно было дано им в связи с его своеобразным пониманием «социалистических элементов хозяйства», от которого нужно поэтому исходить, чтобы вскрыть характер и задачи внутренней политики русского большевизма.

Для Сталина социалистическим элементом хозяйства является всякая область производства, всякое учреждение или предприятие, которое принадлежит государству, независимо от форм их внутреннего строения, как и от экономических начал, положенных в их основу. Простая принадлежность государству — будь то к государственной экономике или к государственному аппарату — есть, согласно теории нового коммунистического диктатора, критерий социалистичности, поскольку «власть над государством осуществляется диктатурой пролетариата», то-есть РКП.

Нынешний экономический строй России Сталин «в целом» называет не социалистическим, а «переходным», от капитализма к социализму, но только потому, что не все еще принадлежит в нем государству, что «в нем еще преобладает в смысле объема продукции частновладельческое крестьянское хозяйство». Все дело сводится только к соотношениям, объему между государственным и частновладельческим, а не к внутреннему содержанию. Напрасно Каменев доказывал «дважды два четыре», что для определения социалистических элементов такой критерий не годится, что даже предприятия госпромышленности являются «предприятиями последовательно социалистического типа» лишь в отношении собственности — принадлежность государству — а помимо этого никакого социализма по характеру распределения и внутренних отношений к себе не содержат.

Напрасно, в свою очередь, Сокольников вопиял о том, что внешняя торговля, внутренние торговые общества, государственный банк, хотя и принадлежат государству, но построены на капиталистических началах, что советская денежная система «проникнута принципами капиталистической экономии».

Сталин в ответ на это просто обвинил их в том, что они не понимают «двойственного характера нэпа» и «диалектики развития в обстановке диктатуры пролетариата, в обстановке переходного периода». Диалектика же развития заключается в том, что большевизм пользуется оружием капитализма, чтобы при помощи этого у него заимствованного оружия его же побивать. Государственные учреждения и предприятия строятся на капиталистических началах, чем в переходный период обеспечивается их прочность, но становясь прочными, они вытесняют чистый капитализм или образуют преграду для его победного возвращения. И поэтому для Сталина не важно, что торговля и денежная система являются методами капиталистической экономики. Для него главное в том, что «социалистические элементы нашего хозяйства (то-есть принадлежащие государству предприятия и хозяйственные учреждения) овладевают методами и оружием буржуазии для преодоления капиталистических элементов (то-есть частного капитализма). Пусть Госбанк, Внешторг, железные дороги ведутся как капиталистические предприятия, но они составляют часть государственного аппарата, а «наш государственный аппарат есть аппарат государства типа пролетарского», «ибо пролетарская власть является *единственным* хозяином этих институтов». Пусть денежная система проникнута принципами капиталистической экономики, но «ею пользуется наш советский аппарат», каковой опять же является «пролетарским». Таким образом, борьба между социалистическими и капиталистическими элементами «нашего хозяйства» по существу заключается в борьбе между двумя типами капитализма, отличными по форме, но тождественными по своей внутренней структуре, между капитализмом государственным и частным. Но первый вопреки своей сохраняемой им природы становится «социалистичным», раз он окроплен «святой водой» диктатуры пролетариата, раз пролетарская власть является единственным хозяином всех этих институтов». Тот же самый экономический строй при наличии буржуазного правительства был бы государственным капитализмом, но стоит лишь, ничего в нем не меняя, заменить у кормила правления буржуазию «авангардом пролетариата» и он превращается в социалистический строй. Характер такого строя определяется, согласно теории Сталина, не принципами, которыми он проникнут, а исключительно тем, кто является хозяином государства. Потому что «буржуазный государственный аппарат работает на капиталиста, а наш государственный аппарат все же работает на

пролетариат против буржуазии» этим исчерпывается все обоснование социалистичности, которое можно было бы назвать чистым «трудовизмом», если бы действительно наш государственный аппарат работал на пролетариат.

В свете этой теории задача строительства социализма через нэп вырисовывается весьма рельефно. Она — в расширении государственного капитализма, подчиняющего себе частновладельческие элементы хозяйства до общенациональных пределов, при сохранении большевицкой диктатуры, осуществляемой, согласно крылатому выражению Зиновьева, под псевдонимом диктатуры пролетариата.

Этот «основной вывод» и делает Сталин, рисуя такими штрихами путь перехода России от капитализма к социализму: «Социалистическая промышленность (то-есть госпромышленность. Е. Стал.)... пользуясь своей организованностью, пользуясь тем, что у нас есть диктатура пролетариата, пользуясь тем, что транспорт в руках государства, пользуясь тем, что кредитная система наша и банки наши, пользуясь всем этим, эта промышленность, идя вперед, начинает подчинять себе частную промышленность, *приспосабливать к себе и вести за собой все остальные уклады хозяйства.* Такова уже участь деревни, — она должна итти за городом, за крупной промышленностью».

В нэпе раньше всего бросается в глаза и привлекает в первую голову внимание другая его сторона, которая с точки зрения не большевиков, а населения России является казовой его стороной и с которой связано ходячее представление о нем.

Нэп практически, с самого начала, выразился ведь в отступлении от военного коммунизма, в переходе от аракчеевской системы распределения на хозяйственный расчет, в отказе от пресловутой разверстки, постепенно приведшей к ликвидации методов насильственной коллективизации в деревне, в разрешении свободной торговли, снятия табу с частного капитала, словом в ослаблении цепей, сковывавших производственную энергию страны.

Мероприятия нэпа мало по малу оживили совершенно было замершую хозяйственную жизнь России, принесли несомненное облегчение народным массам, улучшили их материальное положение, открыли возможность экономически «дышать».

Все эти мероприятия, в конечном счете, вели к частичному раскрепощению — особенно значительному в земледелии — частного хозяйственного почина и определенно били на то, чтобы его расшевелить и возбудить. Естественно, что представление о нэпе связывается преимущественно с раскрепощением частного почина, с частичным возвратом к прежним хозяйственным нормам, позволившим возобновить приостановившиеся экономические процессы, ибо в этом положительные элементы

нэпа, послужвшие для населения как бы лестницей, по которой оно начало выкарабкиваться из ямы глубочайшей разрухи.

Однако, суть нэпа, его подлинная сущность вовсе не в этом. И здесь то именно проявляется та «двойственность его природы», о которой говорил Сталин. Большевики идут на развертывание рыночных, в том числе и капиталистических отношений во всей стране, дабы таким образом развязать связанные их прежней политикой производительные силы и вызвать их рост. Но рост производительных сил, вызванный хотя бы методами капиталистической экономики, нужен им для того, чтобы в стране создался обильный источник материальных рессурсов, из которого можно было бы черпать средства для поддержания и *расширения государственных предприятий, хозяином которых является диктатура.*

Нэп раскрепощает частный почин, но стремится использовать плоды этого раскрепощения для государственной промышленности, чтобы благодаря так сказать косвенному сотрудничеству этого самого почина, довести ее до такой степени силы и мощи, при которой она могла бы получить огромный перевес над ним и окончательно его вытеснить. В этом «диалектика» нэпа по утверждениям его идеологов. Оживленная частновладельческая продукция и частный капитализм лишь вырабатывают свежую кровь для системы, которая должна их поглотить или подчинить. Им позволяют жить и даже расти, чтобы питать своими соками эту систему. Но благодаря волшебному талисману диктатуры, сохраняющей «командные высоты» и верховно регулирующей, сообразно своим целям, хозяйственные процессы в стране, они превратятся в свою противоположность, преоборенные усилившимися за их счет «социалистическими элементами», которые их впитают или приспособят к себе.

Эта точка зрения получила особенно красочную иллюстрацию на XIV-ой партконференции в известной речи Бухарина, провозгласившего, что возрождение и рост кулачества пойдут на пользу социалистического строительства. Ибо кулаки, богатея, понесут свои сбережения в советские банки, и из их вкладов составятся капиталы для кредитования сельско-хозяйственной кооперации, являющейся в России «путем к социализму».

Отсюда и «крик сердца», вырвавшийся у того же неистового Бухарина — «обогащайтесь». Правда, Бухарину, слишком распоясавшемуся, пришлось по требованию ЦеКа, указавшего, что капиталистическое накопление не может быть лозунгом коммунистической партии, «признать ошибку». Но последовательность и логичность были, конечно, на его стороне.

Казовая сторона нэпа не нуждается в подробной характеристике. XIV-ая партконференция эту сторону нэпа расшири-

ла, распространив нэп на деревню и похоронив окончательно «батрацкие иллюзии».

Частный капитализм, частная торговля должны были также в связи с этим получить соответственно большую свободу рук, в виду своей роли смычки между развязанными производительными силами деревни и госпромышленностью. Подвергаясь напору крестьянства, большевики вынуждены ему уступить. Уступки крестьянству неизбежно влекут, однако, уступки и прочим частновладельческим элементам в стране. Таким образом, хотя диктатура ставит своей задачей регулировать хозяйственную жизнь страны, но крестьянство в свою очередь и весьма основательно «регулирует» диктатуру. А «смычка» с крестьянством необходима какой угодно ценой, чтобы перекачивать из резервуара, наполняемого крестьянским трудом, рессурсы в госпромышленность.

«Допуская торговлю и капитализм и меняя политику в сторону нэпа, объяснял Сталин съезду, мы делаем уступки крестьянству ради сохранения и укрепления смычки с ним, ибо крестьянство не может жить при данных условиях без товарооборота, без допущения некоторого оживления капитализма, ибо смычку мы не можем теперь наладить иначе, как через торговлю, ибо мы только таким образом можем укрепить смычку и построить фундамент социалистической экономики».

Если XIV-ая партконференция наметила преимущественно меры для укрепления смычки, необходимой для «постройки фундамента», то задача XIV-го партсъезда заключалась, главным образом, в том, чтобы дать конкретный чертеж самого плана постройки, ради которой делаются уступки крестьянству. XIV-ый съезд выявил более рельефну другую, с точки зрения большевизма, созидательную сторону нэпа, указав, каким образом будут перекачиваться средства, создаваемые экономическим возрождением страны в результате снятия с нее пут военного коммунизма, и в каком направлении предположено их использовать.

Сам по себе нэп явился следствием неоправдавшихся надежд на пришествие мировой революции «через несколько месяцев или несколько лет».

В 1921 году в речи на московской губернской партийной конференции Ленин объяснил это в весьма откровенной и ясной форме: «Задача перехода к нэпу в том и состоит, заявил он тогда, что после попыток *непосредственного социалистического строительства*... перед нами весной 1921 г. стояло ясное положение: *не непосредственное социалистическое строительство, а отступление*, не штурмовая атака, а очень тяжелая, трудная и неприятная задача длительной осады, *связанной с целым рядом отступлений*».

Но если *факт* нэпа вызван «затяжкой» мировой революции, то *формы* его определились и определяются другой неоправдавшейся надеждой — отсутствием широкого притока иностранного капитала в Россию. Провозглашая новую экономическую политику, Ленин имел, главным образом, в виду вызвать такой приток и на этом строил свой первоначальный «стратегический маневр» отступления.

«Для меня всегда важна была практическая цель, писал он в статье о кооперации. А практическая цель нашей новой экономической политики состояла в *получении концессий*».

Но, несмотря на провозглашение нэпа и дальнейшие, выражаясь языком Зиновьева, «отступательные движения», золото капиталистов не потекло с Запада в советскую страну. Не течет оно туда и сейчас. И мало шансов имеется на то, чтобы совершилось такое, с точки зрения логики капитализма, чудо. Это обстоятельство лишь отражает парадоксальность положения, созданного тем, что большевизм пережил законные исторические сроки: при ненаступлении мировой революции и стабилизации капитализма во всем мире в России — большевицкая система, резко противоположная ее внешнему капиталистическому окружению. Большевики, не получившие помощи западного революционного пролетариата для непосредственного осуществления немедленного социализма, не могут получить ее по указанной причине и от западного капитализма для строительства своего «медленного» социализма через нэп.

Большевики учитывают это обстоятельство *и из него исходят* при намечении своей линии нэпа. Их новый курс есть ориентация на внутренние силы России не только в том смысле, что он не связан с надеждой на мировую революцию, но потому еще, и главным образом, что им ставится также крест и на широкой финансовой помощи внешнего мира. Нэп должен строиться на почве внутреннего хозяйственного развития, не орошаемой золотым дождем иностранного капитала, который мог бы дать ей громадную живительную силу.

Большевицкая диктатура самим своим фактом преграждает прилив материальных средств извне в народное хозяйство России. Но вместе с тем из этого же народного хозяйства, ни откуда не получающего помощи для своего быстрого восстановления, она намерена выкачивать рессурсы для реализации своей програмы. В этом нэп!...

В этом основная, существеннейшая черта его, накладывающая на него свою печать. Этим определяется его новейшая форма. И только имея это в виду, можно заглянуть в его истинную природу, понять его сокровенный социально-экономический смысл и оценить его возможные результаты.

Факт коренного несоответствия между большевицкой системой и внешним окружением России на ряду с крушением веры в мировую революцию определяет «генеральную линию» нэпа. Она, по словам Сталина, «исходит из того, что мы должны приложить все силы к тому, чтобы сделать нашу страну, пока есть капиталистическое окружение, экономически самостоятельной, *базирующейся на внутреннем рынке*».

«Эта линия обязательна, пока есть капиталистическое окружение, повторял на разные лады тот же Сталин в своих речах, вбивая эту идею, точно клин, по ленинскому методу, в главы своих слушателей. Эта линия обязательна, потому что при другой «генеральной линии», ведущей не к искусственной хозяйственной стабилизации, а к органической связи с мировым рынком, диктатуре не устоять и не удержать своих командных высот *под двойным напором вошедших в соприкосновение внутренней и внешней экономических стихий.*

Тут альфа и омега всей философии новейшего нэпа. Во что бы то ни стало сохранить стену, разделяющую обе стихии, любой ценой, ни перед чем не останавливаясь, не допускать их смычки. Только в этом спасение диктатуры, в этом же главное необходимое условие осуществление программы нэпа. Оно его краеугольный камень, на нем зиждется все здание. Но для того, чтобы Россия могла жить без всякой связи с мировым рынком и базировать всю свою экономику исключительно на рынке внутреннем, она должна экономически сама себе довлеть. Иными словами, Россия должна производить сама *все*, что необходимо для удовлетворения нужд населения и сама же утилизировать свое сырье и продукты своего земледелия.

Отсюда и вытекает первый основной, все определяющий пункт программы нэпа — превращение России *во что бы то ни стало из страны аграрной в страну индустриальную.* И превращение не путем усиления уже проявляющихся в жизни естественных тенденций в этом направлении, а независимо от всего, ни с чем не считаясь, только потому, что этого требует составленный диктаторами план. «Марксисты» большевики переворачивают марксизм вверх ногами и доходят до такой веры во всемогущество политики, что считают посильной задачей для диктаторской власти лепить словно из глины экономику страны, сообразно своим видам.

Сталин в своих речах подробно разъяснял, что нужно понимать под превращением аграрной страны в индустриальную, Для него речь идет о производстве не только фабричных изделий, но и самих машин, которые их производят. «Аграрная страна, говорил он, это такая страна, которая вывозит сельскохозяйственные продукты и ввозит оборудование, но сама этого оборудования (машин и проч.) не производит... превратить нашу страну из аграрной в индустриальную, способную произ-

водить своими собственными силами необходимое оборудование — вот в чем суть, основа нашей генеральной линии». «Мы хотим, пояснял он, производить не только автомобили, но и машины, производящие автомобили, не только башмаки, но и машины, производящие башмаки» и т. д.

Для того, чтобы не допустить органического сростания народного хозяйства России с мировой экономикой, чтобы превратить ее в живущий своей обособленной жизнью, подчиняющийся лишь собственным законам хозяйственный организм, теоретически мыслим, конечно, лишь такой путь.

Итак, доведенная до крайних пределов индустриализация России — таков первый основной пункт программы нэпа. Итти к этой цели через максимальное развитие, за счет всех остальных рессурсов страны, госпромышленности, получающей перевес над сельскими хозяйством и приспособляющей его к себе — таков второй из определяющих ее пунктов. Эти два пункта, логически переплетенные и дополненные «повышением перевеса советской кооперативной торговли над торговлей частной», должны привести к конечной цели нэпа: «обеспечить в народном хозяйстве решительный перевес социалистических элементов над элементами капиталистическими». Есть еще один как будто весьма важный пункт: «включение распыленных крестьянских хозяйств в социалистическое строительстве через массовое кооперирование». Но, принимая во внимание предыдущее — ставку на индустриализацию, — он фактически получает второстепенное значение. Все остальное, значащееся в программе нэпа, лишь конкретизации или меры, обусловленные ее основными «линиями».

Нэп таким образом заключается в проведении заранее начертанного плана, исходящего не из соображений экономической целесообразности, а определяющегося лишь целью, поставленной его авторами, желающими построить здание сообразно своим видам. Достижение цели подавляет все остальное и ей должно быть все подчинено.

Это — стремление создать известные хозяйственные формы, согласно предвзятой идее, родившейся в головах большевицких архитекторов, вне всякой зависимости от действительных нужд страны и интересов развития производительных сил.

Проведение этого плана, являющего попыткой насилия политики над экономикой, требует поэтому в первую голову, как необходимейшего основного условия, недопущения таких экономических отношений между Россией и внешним миром, которые соответствовали бы потребностям населения и свободно развивающегося народного хозяйства. Только при этом условии диктатура может пытаться направлять создаваемые народ-

ным трудом материальные рессурсы по нужным ей каналам и использовать их согласно своим видам.

План Нэпа связан с строжайшим контролем над вывозом и ввозом. Власть, его проводящая, должна крепко держать в своих руках ключи от ворот, через которые проходят товары из России и в Россию. Монополия внешней торговли получает поэтому для большевиков исключительное, поистине капитальное значение. Она регулятор всей системы нэпа, при ее крушении все рушится. Без нее большевицкая диктатура уже не в состоянии была бы что либо регулировать и волна освободившейся экономической стихии, устремившейся по ее естественному руслу, быстро затопила бы все командные высоты. Для большевиков исключено получение крупных займов за границей, что лишает их возможности переоборудовать русскую промышленность, держащуюся на низком техническом уровне. Чтобы такая промышленность могла существовать, да еще «развертываться», необходимо строго ограничить иностранный ввоз только тем, что нужно ей самой, абсолютно игнорируя нужды народных масс и сельского хозяйства, — иначе под напором дешевых иностранных товаров получится не «развертывание», а молниеносное и катастрофическое свертывание. В виду все той же все определяющей причины или, вернее, первопричины — отсутствия значительных денежных и товарных кредитов во вне — активный рассчетный баланс возможен лишь при активном тороговом балансе. Иначе быстро крахнет червонец и вся советская денежная система, «проникнутая принципами капиталистической экономики». Для получения активного торгового баланса вывоз должен превышать ввоз, при постоянном товарном голоде в России и неспособности госпромышленности его удовлетворить в сколько нибудь серьезных размерах.

Это означает, во-первых, что основная масса населения — крестьянство — должно будет и впредь довольствоваться лишь русскими промышленными изделиями, переплачивая за них невероятно дорого. Это означает, во-вторых, что истощенное величайшими потрясениями крестьянское хозяйство не может получать фабрикатов в количестве, необходимом для поднятия уровня его техники, повышения его производительности, и использования таким путем громадных возможностей развития и роста, открытых перед ними революцией. Последнего и сами большевики не скрывают. Они лишь утешают крестьянство тем, что «сельское хозяйство в отличие от промышленности может двигаться на известное время быстрым темпом и при нынешней технической базе».

Высокие цены на фабрикаты при низкой производительности крестьянского хозяйства, обреченном остаться на прежнем уровне техники и лишенном перспективы быстрого увеличения своей доходности— вот что дает нэп крестьянству. Но

это только «цветочки». «Ягодка» впереди и она то и является «великим подразумеваемым» всего плана. Здесь то и «зарыта собака».

Развертывание госпромышленности, превращение России из аграрной страны в индустриальную требует покупки в огромных размерах заграницей оборудования, которого пока еще СССР сам не производит. Для этого требуются капиталы. Их совласть расчитывает получить путем монополизированного ею вывоза русского хлеба. Хлебный экспорт может дать ей капиталы лишь при одном условии — при скупке у крестьян излишков по более низким, чем на мировом рынке ценам, и реализации образовавшейся таким образом разницы в свою пользу. В прошлом году на этом «принципе» был построен весь план хлебозаготовительной кампании. Крестьянство оказалось, однако, менее глупым, чем предполагали большевики, и хлеб «придержало». Диктаторы «просчитались», но теперь они твердо намерены принять решительные меры против крестьянского упрямства и сломить его. Одним из важных пунктов программы, оглашенной Сталиным на съезде, является: «установление единого фронта и жестокой заготовительной дисциплины среди всех заготовляющих органов». «Жестокость» здесь предназначается для крестьянской спины, чтобы заставить мужика отдать свой хлеб по цене, установленной властью.

Это по существу ничто иное, как почти *неприкрытая экспроприация части крестьянского труда* при помощи советского аппарата принуждения. И оттого, насколько удастся эту экспроприацию осуществить, зависит раньше всего проведение плана нэпа. К этому нужно добавить, что для покрытия дефицита убыточных предприятий госпромышленности, средства будут выкалачиваться опять таки из мужика.

Таким образом, нэп построен на жесточайшей эксплуатации крестьянства, на сдирании с него разными способами семи шкур, — причем в то же время он является также преградой для роста крестьянского хозяйства и его прогрессивного развития. Нэп действительно получает характер осады, как писал в свое время Ленин, но осажденной крепостью, которую нельзя было взять штурмовой атакой и которую решено сокрушить менее стремительными способами, является в данном случае крестьянская Россия, — на нее то и направлены со всех командных высот жерла тяжелых орудий диктатуры.

Если крестьянство является в общем плане нэпа осажденной крепостью, то рабочий класс в этой осаде играет роль пушечного мяса, которое «боги войны» утилизируют для своих маневренных целей, не считаясь ни с тяжестью условий его жизни, ни с его потерями, — для них ведь важно только осуществление стратегической задачи.

Нэп построен на эксплуатации не только мужика, но и пролетария.

Совгосударство — владелец промышленных предприятий — выжимает из рабочего прибавочную стоимость во имя своего пресловутого социалистического накопления, точно так же, как частные капиталисты на Западе во имя своего капиталистического накопления, но с некоторой разницей, усугубляющей тяжесть положения русского пролетариата. Интересы выжимания прибавочной стоимости требуют повышения производительности труда. На Западе оно достигается путем повышения технической базы промышленности, — в России, где базу эту усилить нельзя, в виду отсутствия капиталов, путем усиления прямой эксплуатации рабочих. Как известно, большевики ввели в большей части русской промышленности самую ужасную эксплуататорскую систему, систему сдельной работы, почти несуществующую более в промышленных странах, где имеется сильное рабочее движение. На Западе заработная плата высока, — благодаря техническому прогрессу капитал может повышать ее, сохраняя при этом свою долю прибавочной стоимости и нередко даже ее увеличивая. В России по указанной уже причине, исключено поднятие заработной платы выше известного, весьма низкого уровня, иначе не будет «накопления прибыли» для основанной на хозяйственном рассчете госпромышленности. «Можно было бы поднять во всю зарплату рабочих, говорил Сталин на съезде, не только до довоенного уровня, но и выше, но это обязательно вызвало бы понижение темпа развития нашей промышленности, ибо развертывание промышленности при наших условиях, *при отсутствии займов извне, при отсутствии кредитов* и т. д. возможно лишь на основе накопления некоторой прибыли необходимой для финансирования и питания промышленности». Русский рабочий получает меньшую заработную плату, чем его западные собратья, и в то же время подвергается гораздо более сильной и грубой эксплуатации, угрожающей ему физическим вырождением. А об ужасающих кошмарных условиях жизни и труда русских рабочих масс под коммунистической властью, о том, в каких жилищах, хуже, чем для скота, ютятся чуть не в повалку рабочие семьи, об отсутствии элементарной гигиены, какого бы то ни было надзора фабричной инспекции, начинает теперь давать потрясающие подробности сама советская печать.

Но наличие большевицкой системы исключает «займы извне, иностранные кредиты и т. д.», а при отсутствии их отсутствует и перспектива развертывания промышленности на базисе повышенной техники. А потому оно возможно, как указал сам Сталин, лишь «на основе накопления некоторой прибыли», запрещающей продолжать повышение заработной платы.

то есть «при наших условиях» на основе жестокой эксплуатации труда.

В общем и целом нэп обрекает Россию на медленный черепаший ход экономического развития и на почве этого искусственно замедленного развития, уже само по себе нарушающего кровные интересы трудовых классов, предопределяет усиленное выжимание из них соков для питания «социалистических элементов»; своеобразный нэповский «социализм» осуществляется еще более своеобразно — через экономическую эксплуатацию не только крестьянства, но и пролетариата, то есть, через то, что является его абсолютным отрицанием. Но раз нэп — социализм, то цель оправдывает средства, — таков ведь основной догмат большевицкой идеологии. Социализм, провозгласил Сталин на съезде, не строят *в белых перчатках*. И если для «социалистического строительства» можно добыть средства хотя бы путем спаивания масс, то и перед этим колебания недопустимы. И водка может послужить социализму. «Из горького выйдет сладкое». Диалектика большевицкой диктатуры превращает все в свою собственную противоположность и решительно ничем не брезгает.

У нэпа частично все же развязывающего, в сравнении с военным коммунизмом, производительные силы страны, имеется, как мы видели, и оборотная сторона медали, оборотная для трудового населения России. Имеется она и для большевиков, но стороны то эти разные.

Нэп раскрепощает частный хозяйственный почин для того, чтобы потом, когда этот почин выполнит назначенную ему роль и оплодотворит почву для усиления «социалистических элементов», подавить его. *Но он все же пока что почин раскрепощает.* В этом оборотная сторона медали для большевизма. «Всякое оживление и расширение нэпа, указывал не без основания Каменев съезду, есть оживление не только социалистических элементов, нашего хозяйства, но в то же время *расширение и оживление капиталистических элементов*». Идя на уступки крестьянству, оживляя ради смычки с ним, без чего невозможен нэп, частичный капитализм и частную торговлю, большевики усиливают «частно-владельческие слои», против которых в первую очередь направлено скрытое острие нэпа. Они тем усиливают и сопротивление этих слоев политике, вытекающей из «созидательной» части нэповской программы. Пусть «капиталистические элементы» раскрепощаются в уверенности, что, в конечном счете и благодаря их же активности, «социалистические элементы» получат над ними перевес. Но где гарантия, поскольку с первых все же сняты путы, что произой-

дет именно так, а не наоборот? Гарантия могла бы быть в том, если бы было неопровержимо доказано, что большевики в состоянии, опираясь на «социалистические элементы», руководить сообразно своим видам народным хозяйством и преодолевать вызываемые в нем нэпом стихийные течения.

Но вот наркомфин Сокольников в своей недоконченной речи уверял, что «зрелость социалистических элементов», могущих служить опорой большевизму в борьбе с экономической стихией, сильно преувеличена. «Те уроны, доказывал он, которые мы потерпели на хозяйственном фронте, начиная с осени, идут как раз по линии переоценки социалистической зрелости, переоценки возможностей для нас, для государственного хозяйства, руководить народным хозяйством уже теперь. Именно по этой линии идут наши затруднения, именно от этого мы имеем ряд частичных кризисов».

Каменев, в свою очередь, напомнил «неопровержимый факт», что «нас крестьянство в этом году довольно твердой рукой держало и удержало в деле развертывания подлинно социалистических элементов».

В этом именно и кроется корень справедливых страхов оппозиции. Она опасается, что при недостаточной еще зрелости «социалистических элементов», оживляемые нэпом и быстро растущие «капиталистические элементы» возьмут верх над ними и захватят в свои руки фактическое руководство народным хозяйством, и тогда от всей нэповской диалектики останутся «рожки да ножки». Она опасается, чтобы враждебные духи, вызываемые чарами большевицкого колдуна, не оказались сильнее его и вместо того, чтобы в нужный момент исчезнуть, не заставили бы его самого провалиться в тартарары.

Тот же Сокольников «сигнализировал реальную опасность», заключающуюся в том, что нэп усиливает экономический вес деревенской верхушки, которая может оказаться направляющей силой в сельском хозяйстве.

«Если по линии нашего политического союза рабочих города и бедноты мы имеем перед собою в деревне середняка, то по мере роста экономического веса верхушки, по линии экономической связи между нашим хозяйством и крестьянским хозяйством будет возрастать экономическая смычка в другом направлении»...

«Это означает, что после того, как деревенское хозяйство по линии мелкого хозяйства начинает расти, верхушка середняцких хозяйств начинает тяготеть и смыкаться с той группой, которую мы называем кулацкой».

Против этой опасности оппозиция могла лишь предложить «направить огонь» на деревенскую верхушку. Но это означало бы уничтожение того источника, из которого должен питаться нэп, то есть фактически срыв нэпа.

Слабость оппозиции именно и заключалась в том, что она принципиально принимала нэп, но высказывалась против условий, необходимых для его проведения.

Большинство не боится опасности, «сигнализируемой» оппозицией, у него имеется против него талисман — союз с середняком, составляющим основную массу крестьянского населения. Но не трудно понять, что все это одна лишь словесность, лишенная какого бы то ни было реального содержания. Когда и как заключался союз с середняком, принимал ли «союзник» участие в выработке условий союза?

Середняк продолжает оставаться таким же бесправным, как и раньше, и не получил от диктатуры никаких привиллегий или преимуществ, — с него по прежнему власть сдирает шкуру, не давая ему никаких выгод. Большевики торжественно провозгласили «союз с середняком» и воображают, что этого одного уже достаточно, чтобы получить несокрушимую опору в лице середняцкого крестьянства. Фактически даже распространение нэпа на деревню сопряжено было с уступками главным образом кулаку, а не середняку. Это между прочим ярко вскрыл на съезде Каменев, вызвав бешенство большинства. «Кто говорит, что облегчение аренды земли, льготные условия найма рабочей силы есть уступки середняку, тот скрывает действительность и извращает перспективу потому, что *на деле мы сделали уступки кулаку...* Если вы считаете, что середняк это тот, кто нанимает рабочую силу, тот, кто арендует землю, так у нас, дорогие товарищи, есть расхождение в понимании классовых соотношений в нашей стране».

В действительности, оборотная сторона нэпа для большевизма не в том, что верхушка середняцких хозяйств будто бы проявляет тягу к смыканию с кулацкой группой. Нэп в силу своей природы неизбежно вызовет растущее сопротивление не только «верхушки» середняцкого хозяйства, но и всей основной массы крестьянства против политики, направленной к его сугубой эксплуатации и, искусственно задерживающей, как его собственный рост, так и общее свободное экономическое развитие страны. И в этом сопротивлении оно окажется солидарным с истинными интересами пролетариата, на спине которого госпромышленность накопляет «некоторую прибыль», сохраняя низкую техническую базу, обрекающую его на тяжкое и трудное существование без просвета впереди.

Нэп дает непосредственное облегчение населению России, разбивая оковы «экономического ленинизма», но он вместе с тем по сути своей ведет к крайнему обострению непримиримых противоречий между народными массами и нэповским большевизмом.

Нэп во имя сохранения диктатуры оживляет все социальные слои страны, враждебные диктатуре, пропитывает их духом

быстро растущей активности и тем увеличивает силу их давления на него.

Нэп несет большевикам не мир, но меч. Он определяет неизбежность ожесточенной внутренней борьбы на экономическом фронте и создает для нее почву, он создает почву для борьбы, которая не сможет не отразиться и в области политики. Нэпом в острой форме ставится вопрос:

«Кто кого?»

Не трудно видеть, что и большинство компартии не сумело сделать правильного логического вывода из факта крушения надежд на мировую революцию. Если линия срыва нэпа загнала бы еще дальше большевизм в тупик, то и линия безоглядочного нэпа ее из этого тупика не выводит. Единственное преимущество второй линии над первой только в том, что она дает большевикам отсрочку... до следующего кризиса. Из факта непришествия мировой революции, в которой только и было оправдание диктатуры, вывод логически возможен лишь один — отказ от диктатуры и возврат к настоящей народной демократии.

Вначале большевики ее отвергали потому, что при ней невозможно было бы приступить к опыту немедленного социализма, необходимого, чтобы вызвать революционный взрыв во всем мире, возвратным влияниям обеспечивающего прочность социалистических завоеваний в неподготовленной, отсталой России. Теперь, когда этот аргумент отпал, большевики продолжают отвергать демократию, пугая всемогущим господством капитала, будто бы неразрывно с нею связанного. Большевицкие идеологи мажут демократию чернейшей краской, черпая все, что только есть отрицательного в демократической практике Запада и старательно замалчивая ее положительные стороны.

Но во всяком случае, и как бы там ни было, демократия есть лишь форма, отражающая свободное соотношение социальных сил в России, где классы, участвовавшие в революции и ее совершившие, давшие ей тот размах, который она получила, являются огромно доминирующими по своей массе и экономическому удельному весу, демократический строй привел бы к власти именно эти классы, то есть классы проникнутые психологией революции, — широкие трудовые массы. И это определило бы ее передовой и истинно народный характер.

Упразднение диктатуры имело бы тот первый огромный результат, что оно открыло бы шлюзы для прилива иностранного капитала в народное хозяйство России, чем был бы вызван быстрый экономический прогресс страны на базе более высокой техники и тем самым столь же быстрое повышение материального уровня жизни всех трудящихся. А на почве могуче развивающихся производительных сил, на почве, глубоко вспахан-

ной плугом революции, при свободном политическом господстве труда совершался бы действительно ускоренным темпом в формах свободной демократии рост более совершенных социальных форм, навсегда вытесняющих пережитки прошлых. Истинная народная демократия, имеющая своей основой трудовые классы, упразднила бы искусственную хозяйственную самоизоляцию России, противную нынешней природе мировых экономических отношений, самоизоляцию, несущую в себе яд смертельной опасности для страны. Она сохранила бы все те государственно-общественные элементы хозяйства, которые не противоречат экономической необходимости и, отказавшись от политики огосударствления во что бы то ни стало, только укрепила бы прочность и жизненность этих элементов и обеспечила бы им здоровое развитие.

Большевики, убедившись, что займов на Западе им не получить, кричат теперь, что иностранный капитал означает для России кабалу. Это тоже одна из тех полуправд, которые ловко умеет использовать большевицкая демагогия.

Кабала грозит там, где культурный и политический уровень страны настолько низок, что она не в состоянии создавать живых сил, способных самостоятельно претворять притекающие извне капиталы, где инициатива их приложения всецело находится в руках чужеземных пришельцев. Она грозит там, где народные массы забиты и бесправны, и диктаторы самовластно распоряжаются судьбами государства, заботясь лишь об интересах своей власти. При торжестве демократии в России отпадает нужда ее закабаления иностранцами. Если русское земледелие оплодотворится притекающей из заграницы волной промышленных изделий, сельско-хозяйственного оборудования, оно быстро поднимется и тем самым сила экономического сопротивления России внешним попыткам закабаления во много раз усилится.

А при наличности крепкого, прогрессирующего русского земледелия в такой громадной и могучей стране, как Россия, изобилующей природными богатствами, никакие силы не смогут задержать бурного роста национальной промышленности, «развертываний» не искусственно за счет паразитического питания чужими соками, а на здоровой почве, в соответствии с естественными потребностями населения, всего народного хозяйства и с его основными глубокими тенденциями.

Свобода даст России экономическое благосостояние и действительный, а не мнимый, скрывающий порабощение народа, социальный прогресс.

Диктатура без нэпа или с нэпом заграждает путь тому и другому.

Е. Сталинский.

Казаки в эмиграции.

(Пройденный путь).

Пять с лишним лет тому назад из России ушла в эмиграцию казачья масса. Исход ее из Родины произошел после последнего поражения в гражданской войне. Главная часть отошла из Крыма; она состояла из двух армейских корпусов — Донского, насчитывавшего 22.000 человек, Кубанского — около 15.000 человек, Терской дивизии — около 2.000, нескольких отдельных полков и сотен, двух военных училищ, нескольких средних учебных заведений с комплектом преподавателей и учащихся, и значительного количества гражданских чинов, именовавшихся беженцами, всего около 50.000 человек! Кроме того, из других мест России в разное время, при разных обстоятельствах ушло приблизительно такое же количество казаков. Всего, таким образом, заграницей насчитывалось до 100.000 человек, что составляло свыше двух процентов всего казачьего населения трех областей: Донской, Кубанской и Терской. Картина обезлюдения казачьего населения с уходом такой значительной части заграницу, станет еще более мрачной, если принять во внимание, что в общем числе всех ушедших из России насчитывалось около 40.000 здоровых, молодых, сельско-хозяйственных работников, а это при убыли сельско-хозяйственного населения за время мировой и гражданской войн составляет огромные потери; вместе с тем нужно не забывать, что в составе ушедших двух процентов казачьего населения *(до военного* времени) находилось около 50 процентов всей казачьей интеллигенции. Учитывая эти факты, необходимо признать, что казачья эмиграция имеет особое значение для России. Если руководствоваться привычным представлением о казаках, как о хороших наездниках и природных «контр-революционерах», то, конечно, исход казачьей массы заграницу можно было бы рассматривать как последнюю главу казачьей реакции. Однако, даже большевики изменили свой взгляд на казачество, и поворачиваясь «лицом» поочередно к различным группам населе-

ния, пробуют «улыбнуться» и казакам, признав за ними некоторые положительные особенности.

Казаки не только лихо скачут на лошадях и искусно владеют нагайкой, шашкой и пикой, нет, они прекрасно обращаются и с другим оружием — они в совершенстве владеют сохой и бороной. Казачьи станицы были богатыми и населенными пунктами не только потому, что казаки являлись многоземельными помещиками, но и потому, что казак стихийно любит землю и умеет с нею обращаться. Земля им также любима, как любим им верный товарищ-конь. Военное искусство и любовь к земледельческому труду причудливо сочетались в характере казака и составляли его особенность. Расставаясь в походе с конем и оружием, казак нередко плачет; покидая родную землю — он испытывает мучительную тоску и не находит покоя до тех пор, пока не вернется к мирному труду.

Исполнив до конца долг перед Родиной во время мировой войны, казаки спешили домой в надежде вернуться к мирной жизни; вместо этого они столкнулись с первыми авангардами большевицких красных солдат, которые начали «мировую» революцию с грабежей и анархии в казачьих станицах. Нужно было защищаться; гражданская война делалась неизбежной, несмотря на все меры, предпринимавшиеся казаками для ее предотвращения. Казаки хотели мира, большевикам же нужна была во что бы то ни стало гражданская война. Голодные, измученные войной солдатские массы натравливались на казаков и, несмотря на обещания, которые давал сам Ленин казачьим делегатам, о том, что большевицкая власть не предпримет агрессивных мер против казачьих областей, казачьи края стали первыми объектами большевицких упражнений в «мировой революции». Сначала обманом, а потом прямыми циничными действиями большевицкая власть стремилась к физическому истреблению казачьего населения. Казаки защищались и в этой отчаянной защите попадали иногда в тупик. Таким тупиком был Крым. В этот тупик казаков загнали две силы, конкурировавшие в своей ненависти к демократии, — большевики и монархисты. Отступление заграницу произошло в результате действия этих двух сил.

С чем встретились казаки заграницей, как перенесли они все испытания, выпавшие на их эмигрантском пути, с чем возвращаются и возвратятся они на Родину? Предлагаемая статья будет посильным ответом на эти вопросы.

«Под покровительством Франции».

16 ноября 1920 года Врангель, перенесши свой штаб на крейсер «Генерал Корнилов», отдал приказ, которым определялась судьба всех, кто находился в Крыму, в том числе и казаков:

«Русская Армия, объявлял генерал Врангель, оставшаяся одинокой в борьбе с коммунизмом, несмотря на полную поддержку крестьян, рабочих и городского населения Крыма, вследствие своей малочисленности не в силах отразить нажима во много раз сильнейшего противника, перебросившего войска с польского фронта, и я отдал Приказ об оставлении Крыма, учитывая те трудности и лишения, которые Русской Армии придется претерпеть на дальнейшем горестном пути. Я разрешил желающим остаться в Крыму и таких почти не оказалось... *отдаю армию, флот и выехавшее население под покровительство Франции, единственной из великих держав, сознавшей мировое значение нашей борьбы*».

Находящиеся в Крыму казачьи атаманы, казачьи правительства и члены войсковых кругов, в том числе и те, которые теперь вернулись в Россию и там мечут гром и молнии против эмиграции, не только не возражали против воли «Правителя России», но, как увидим ниже, активно помогали ему осуществлять свои права под «покровительством Франции», а простая казачья масса не имела физической возможности выявить своего отношения к дальнейшей своей судьбе. Полки отступали прямо к пароходам, не зная куда и зачем отходят корабли. Командир донского корпуса генерал Калинин, заявил по этому поводу журналисту Г. Раковскому, неизменно сопровождавшему Добровольческую Армию:

«я не знал, что отъезд носит добровольный характер. Если бы мне сказали — увозят только тех, кто действительно должен спасаться, — я погрузил бы не более трети казаков. Я командир донского корпуса генерал Калинин, заявил по этому такового приказа не видел».

(Григорий Раковский — «Конец белых»).

Люди не уходили, *а их увозили*, пользуясь обстановкой. Командир донского корпуса не знал приказа, но в курсе всех дел были другие казачьи власти. Что же они делали? По свидетельству того же Раковского донской атаман в этот момент посылал меморандумы союзным правительствам с указанием исторических прав казаков на самостоятельное существование, на их свободолюбие и «*республиканские убеждения*», — вот когда вспомнил донской атаман о республиканизме казаков!.. «Ввиду этого донское правительство настаивало на том, что если вопрос о борьбе с большевиками бесповоротно будет решен в отрицательном смысле, независимость Донской территории должна быть гарантирована Антантой».

Вот чем занимался выборный казачий атаман в момент, когда люди были приперты к морю. Но тот же самый генерал Богаевский несколькими месяцами раньше решительно выступал против всех, кто настаивал на полном отмежевании от Врангеля, на изъятии казачьих частей из под командования

Добровольческого штаба и на объявлении временной независимости, как средстве прекращения гражданской войны.

Генерал Калинин «не знал» тогда приказа Врангеля об отступлении, но все ли казаки знают теперь обо всем том, что делали в то время лица, которым вверялась их, казачья, судьба и что они делают теперь? В чем заключалось действительное покровительство Франции? О том как относилась настоящая Франция, французский народ к вопросу о дальнейшей судьбе людей, вывезенных Врангелем из Крыма, мы к сожалению прямых и точных данных не имеем, но из всех сношений Врангеля с агентами французского правительства можно усмотреть, что домогательства штаба Добровольческой армии были приняты, они формулированы Врангелем в его письме верховному комиссару французского правительства графу Де-Мартель от 13 ноября 1920 г. В этом письме Врангель писал следующее:

«я считаю себя обязанным учесть возможность дальнейшего употребления моей армии хотя бы на одном из участков, занятых еще русскими силами, признавшими мое главенство. Сохраняя за собой право использовать эти силы в зависимости от той возможности, которая будет мне предоставлена для возобновления борьбы на родной земле, с одной стороны, с другой, — учитывая, что Франция единственная из Держав, признавшая Правительство Юга России и обещавшая ему свою поддержку, моральную и материальную — я отдаю свою армию, флот и всех тех, кто ушел со мною, под ее покровительство. Вследствие этого я отдал приказ русскому Военному Флоту и коммерческим кораблям при входе в Константинополь поднять на яхт-мачтах французский флаг. *Я заявляю, что корабли могут быть приняты в обеспечение платежей, которые падут на Францию и расходов, связанных с принятием ею обязательств в отношении эвакуируемых воинских частей и населения».*

Как видно из этого письма, основная забота Генерала Врангеля заключалась в том, чтобы сохранена была его армия и чтобы за ним было оставлено командование над этой армией, которую он и его окружение могли бы использовать для «спасения» России. Таким образом все те, кто попал на корабли Врангеля и воспользовался «покровительством Франции», стали средством для врангелевских авантюр в новых условиях вынужденного ожидания очередного похода.

Претерпев невероятные, нечеловеческие мучения в пути из Крыма до берегов Босфора, покинув последний клочок родной земли, казаки отданы были в кабалу Врангелю, превратившись вначале своего эмигрантского пути в подлинных военно-пленных союзных держав -«покровительниц». Лагеря Константинополя, Лемноса, Чаталджи, Галлиполи, навсегда останутся в памяти у тех, кого непреодолимые препятствия заставили воспользоваться заботами о них многочисленных «начальников», «правителей», «правительств» и «атаманов». Заботы всех этих

«великих патриотов» как они называли себя во время гражданской войны сводились только к одному — *удержать, сохранить массы во что бы то ни стало за собой, используя их для разных* в зависимости от обстановки *целей:* то для очередного «весеннего похода», то для сохранения кадров будущей «русской национальной армии» то для создания особой «галлиполийской психологии», то для устроения особого эмигрантского национального центра, как единственного «очага подлинной России». При этом возникла невероятная конкуренция на монополию за обладание массами, заключенными в лагерях. Врангель бдительно следил за состоянием воинских частей. Когда падает дух, он появляется в лагерях и ободряет свои части милостивыми словами. Осмотрев донские части, (рассказывает составитель книжки, — «Казаки в Чаталдже и на Лемносе»), Врангель обратился к ним с следующею речью:

«Орлы-донцы первый раз я вас вижу на чужой стороне после того, как Богу угодно было послать нам испытание и мы временно оставили Родную землю. Хочу сказать вам, как ваш Главнокомандующий, который полгода продолжал дело, начатое генералом Корниловым. Не наша вина, что мы должны были отойти перед красною нечистью. Каждый из нас сделал все, что мог сделать честный солдат, но сила солому ломит и напрасно мы ждали помощи от тех, за чье общее счастье мы боролись. Мы смело можем смотреть в глаза миру, говоря — мы сделали все что могли. Дружественная нам Франция хотя и не успела нам помочь в борьбе с красною нечистью, но оказала нам гостеприимство. Что будет дальше — знает один Бог. Но я верю, что Россия воскреснет и вновь мы послужим нашей Родине. *Я сам ничем не могу помочь вам,* я такой же изгнанник, как и *Вы, и могу только походатайствовать за вас перед французами, но вы должны дать мне право на это, и нести свое знамя также высоко, как несли его до сих пор. Дайте же мне эту возможность говорить от вашего имени, как от имени честного русского солдата, потерявшего все, кроме чести».*

Вслед за Врангелем объезжают казаков «атаманы» и повторяют теже «бодрящие речи», призывая объединиться вокруг своих атаманов. И все это происходит на фоне гнетущей действительности, прекрасно описанной в той же книжке «Казаки в Чаталдже и на Лемносе»:

«Санитарные условия жизни в Чилингире были ужасны во всех отношениях, начиная с помещений; громадные, холодные бараки — овчарни, полутемные, с сырым навозным полом, со сквозняками и худой кровлей, даже в отдаленной степени не напоминали жилья. Бараки не отапливались, печей почти не было. В дождь и непогоду казаки почти все время ходили мокрые, так как обсушиться негде было. Спали вповалку, на земляном полу, тесно прижавшись друг к другу. Вши буквально поеда-

ли казаков. Горячей воды не было и белье приходилось стирать в протекавшем около деревни ручье. Вшей, конечно, такая стирка не уничтожала, да и в ручье то доводилось стирать редко, так как мыла купить казакам было не на что, а французы выдавали 1 килограмм на 25 человек в месяц. В темном бараке искать вшей было нельзя, вне барака не позволяла погода, зато в те дни, когда переставали дожди и ветер и теплое южное солнце пригревало землю, большая часть населения лагеря выходила за ручей на гору, где был разбит тутовый шелковичный сад, раздевалась и ожесточенно начинала истреблять вшей. Оригинальную картину представляла собою эта горка за лагерем. Розовели, голубели, синели, краснели, пестрели в ярких лучах южного солнца развешанные под деревьями тысячи казачьих рубашек и исподников, а обладатели их голые сидели под деревьями и сосредоточенно выискивали вшей, греясь на солнце... Монотонно и однообразно проходила жизнь в Чилингире. Вот распорядок лагерного дня: в 6 часов утра — вставай, проносилось из края в край по темным баракам. Бараки оживали, одно за другим открывались окна. Их от холода закрывали на ночь плетеными из прутьев щитами и соломой. В бараках становилось несколько свежее. В окна врывался слабый, утренний полусвет, а с ним вместе сырой и холодный ветер. Медленно вставали казаки, шум увеличивался, говор, крики, кашель глубокий, затяжной, Чилингирский — здесь большинство кашляло. Свертывались жалкие подстилки из болотной травы; там где спали, днем надо было ходить. Продукты выдавались из Интендантского склада, находившегося на горе, у дороги при въезде в деревню. Французский продуктовый транспорт приходил в Чилингир обыкновенно часа в 2—3 дня. Продукты сгружались в особый сарай и на следующее утро уже выдавались части. С 6 утра, а то и раньше, с жестянками и чувалами раздатчики толпились уже у склада. Продукты в части выдавались по очереди, по времени прибытия к складу раздатчиков. Поэтому вопросом самолюбия для каждого из них являлось прибыть как можно раньше. В начале 8 продукты попадали в части, начиналась первая дележка по сотням, для дележки продуктов в каждом полку было отведено большое место у барака, под навесом. Тут же сотенные раздатчики передавали продукты взводным раздатчикам. Эта дележка была уже сложнее, хлопотливее. То и дело слышалось сакраментальное — кому? Дальнейшее уже происходило в бараке. Самая хлопотливая, самая сложная, самая трудная дележка. Продукты делили на 2 человека, на 3, 5, 7 и т. д., по числу человек в группе».

Такова была жизнь в Чилингире, — не менее мрачная обстановка была и во всех других лагерях. Не даром казаки, жившие на о. Лемносе, сложили песню, которая начинается словами:

«Ты Лемнос, ты наша каторга»...

Освобождение из кабалы Врангеля и поиски самостоятельного пути.

«Галлиполийская психология» не привилась к казакам, не смотря на все средства, которые выдумывались для этого и

применялись под «покровительством Франции». Нужны были особые качества, особая любовь и преданность этому, якобы, «русскому национальному делу», чтобы отдать себя на невыносимые физические и моральные мучения и слепо подчиняться вдохновителю и изобретателю «дела», Врангелю. Казаки этих качеств не имели, поэтому они первые «дезертировали» из рядов «русской армии». Куда? — куда глаза глядят, — лучше смерть, чем насилие и издевательства...

Ушел отряд в Болгарию, прорвав проволочные заграждения, уехала большая группа в Грецию на шахты, попав в лапы злостным экспоататорам иностранного труда, ушел отряд к Кемалю и пропал без вести, большие неорганизованные толпы бросились на первые советские приманки и уехали в Баку на каторжные работы, усилилась запись в иностранные легионы, которая дала отряды, борющиеся и до сих пор за интересы Франции в различных колониях, несколько сот человек уехало в Бразилию, — одним словом использовались всякие возможности для освобождения от «забот своего главнокомандующего» и «своих правительств»...

Это движение нашло свое отражение в демократических казачьих организациях: Общеказачьем Сельско-Хоз. Союзе и Союзе Возрождения Казачества.

Эти организации по смыслу и своим заданиям были единственными демократическими эмигрантскими казачьими центрами. Первая организация намечала практические пути жизни заграницей. Что делать казаку, попавшему вольно или невольно на чужбину? Как выйти из положения военно-пленного у Врангеля и как освободиться от «покровительства дружественной державы» и других больших и малых, чужих и своих «покровителей?»

Казачья демократия, объединившаяся вокруг Сельско-Хозяйственного Союза, отвечала прямо и ясно на все эти вопросы: нужно порвать решительно с так называемой «русской армией»; при обеспечении своего эмигрантского существования нужно бороться за достойный для себя свободный труд; для использования своего заграничного пребывания необходимо взять из заграницы все то, что может быть с общественной пользой применимо у себя на Родине: пополнение своих знаний, установление живых культурных связей с родственными России народами. Такова программа. Она была встречена большим сочувствием широкими эмигрантскими массами и острой злобой со стороны врангелевцев. Началась борьба. Силы были неравные: у Врангеля, казачьих атаманов и казачьих «правительств» были материальные средства, покровительство иностранцев, дававшее им полную возможность держать постоянную связь с «подчиненными». При помощи этих средств они одурачивали измученных людей парадами, учениями, воен-

ными упражнениями; забивали сознание всякими сведениями о скором победоносном возвращении на Родину, подготовляли «армию» к очередному весеннему походу. Казачьи демократические центры начали свою работу буквально без всяких средств, имея перед собой широкий фронт врагов и в начале враждебное отношение со стороны агентов союзных держав. Насколько трудна и сложна была борьба можно усмотреть из следующих фактов: правление Общеказачьего Сельско-Хозяйственного Союза, разработав общий план расселения казаков-эмигрантов в качестве земледельцев в различных славянских странах, обратилось к главному комитету земско-городских деятелей в Париже за финансовой поддержкой. Все, кто имел возможность влиять на отрицательное разрешение ходатайства Союза, мобилизовались, и смета Союза «надолго оставлена была без движения; в то же время «комитет казачьей помощи» — организация, созданная «атаманами», получила солидную денежную поддержку. Все же другие общественные организации, стоящие на платформе сохранения армии, имели большие денежные средства. Правление Общеказачьего Сельско-Хозяйственного Союза не остановилось перед этой неудачей, — члены правления исполняли свои обязанности, не имея даже минимума для своего существования, в то время, как простые служащие всех других русских организаций получали десятки турецких лир в месяц! А какое множество расплодилось тогда всяких общественных организаций. По каждому незначительному поводу возникала одна или несколько аналогичных организаций, советов, комитетов, бюро и т. п. и все работали для эмигрантов и «на возрождение России», — это «возрождение России» стояло тогда во всех решительно программах. Я не стану описывать всего, что происходило на берегах Босфора. Я не стану говорить о том, что сделали для эмигрантов все эти русские центры, комитеты, бюро и т. п. Об этом каждый знает, кто жил в это время в Константинополе, знает, и вероятно никогда не забудет...

Борьба с демократической казачьей общественностью приняла более жестокие формы в тот момент, когда Общеказачьему Сельско-Хозяйственному Союзу и Союзу Возрождения Казачества удалось проникнуть в лагеря, удалось непосредственно соприкоснуться с массами и наконец, преодолев все трудности, найти реальные возможности начать осуществление своей программы. Союз Возрождения Казачества нашел себе друзей среди эмиграции в лице: сначала совещания членов Всероссийского Учредительного Собрания, созванного в Париже, а затем в лице заграничных групп партии социалистов-революционеров. При содействии этих политических групп удалось начать пропагандистскую работу в лагерях. Впервые через Союз Возрождения Казачества пошла в беженскую массу литература, издаваемая

комитетом совещания членов Всероссийского Учредительного Собрания; партией социалистов-революционеров и другими демократическими группами. Штаб Врангеля объявил распространение этой литературы, действием антигосударственным и антинациональным. Агенты Союза Возрождения Казачества, распространявшие эту литературу*), без всякого вознаграждения за свою работу, и с большим риском для себя, арестовывались, объявлялись большевиками и разлагателями казачества, а читатели-казаки и офицеры—исключались из лагерей и снимались с голодных пайков; но литература читалась, количество добровольцев по ее распространению росло с каждым днем; в числе сочувствующих находилось большое количество молодых офицеров-казаков, которые своим примером «совращали и развращали» им подчиненных рядовых казаков. Общеказачий Сельско-Хозяйственный Союз завязал сношения с иностранными правительствами, в результате чего получены были первые разрешения для въезда на работы, с начала на небольшое количество в Чехословакию и в Болгарию; причем в общих случаях разрешение давалось на въезд сельско-хозяйственным рабочим, *не состоящим в армии*. Это были первые случаи отклика родственных народов России на действительную нужду эмиграции. Зато с какою яростью набросились на эти мероприятия врангелевцы! Первыми отозвались «атаманы» и казачьи «правительства». Для характеристики позиций в этот момент «официальных» казачьих центров считаем необходимым напомнить читателю следующий документ. Вот как отнесся так называемый Объединенный Совет Дона, Кубани и Терека к вывозу казаков с острова Лемноса Общеказачьим сельскохозяйственным Союзом:

«совместными усилиями Объединенного Совета и Главнокомандующего Русской Армией было достигнуто, что при рассредоточении армии в первую очередь в страны Балканского полуострова направляются казаки с острова Лемноса... Объединенный Совет, работая на объединение казачества с прискорбием должен засвидетельствовать, что отдельные представители казачества неразумно разрушают эту работу. В виду того, что Сельско-Хозяйственный Союз взялся за выполнение отправки тысячи кубанцев, не будучи, вероятно, осведомлен об общем положении дела, — Объединенный Совет доводит вышеизложенное до его сведения и выражает уверенность, что Союз поспешит исправить сделанную ошибку (т. е. будет ожидать рассредоточения армии. А. В.). В противном случае вся моральная ответственность ляжет на Союз. Объединенный Совет Дона, Кубани и

*) В большом количестве распространялись и с жадностью читалась «Воля России», — тогда еще ежедневная газета, много места уделявшая ожесточенной борьбе против Врангеля и убеждавшая казаков уходить из «армии» на положение обычных беженцев. В ней было немало места отведено и описанию жизни «армии» Врангеля и защите казачьих масс.

Терека уведомил Главное Командование, Верховного Французского Комиссара и Болгарское Правительство о том, что Сельско-Хозяйственный Союз является частной организацией и вопросы в казачестве должны вестись через Объединенный Совет и Атаманов».

Правление ответило на это «разъяснение» следующим образом:

«Общеказачій Сельско-Хозяйственный Союз имеет своей задачей, выраженной в его Уставе и объяснительной записке к нему, устройство беженцев казачьих земель на работы. Не входя совершенно в планы Главного Командования и Объединенного Совета относительно порядка и способа по рассредоточению армии, как таковой, Союз считает своим неоспоримым и неподлежащим никакому внешнему контролю правом осуществлять свои задачи по отношению к беженцам везде, где к тому представляется возможность... Несмотря на то, что командующему Лемносовской Группой Войск Русской Армии генералу Абрамову было совершенно определенно известно о том, что набор людей должен быть сделан делегатами Союза, он почел себя вправе воспользоваться не ему данным разрешением и отправить с «Самарой» (пароход) Донскую Воинскую часть, поэтому ни в коем отношении не отвечающую условиям, поставленными Болгарией для ввоза. Действуя в данном случае совершенно сознательно и на свой страх и риск, русское Командование на острове Лемносе, естественно, и должно нести ответственность за все последствия своего шага. Если своей попыткой воспользоваться чужим разрешением Русское Командование на Лемносе поставило себя в еще более тяжелое положение, то ему приходится винить только самого себя и никого другого.

«Принимая во внимание тягостное положение людей, находящихся на «Самаре», которых Болгарский Консул отказывается пропустить в Болгарию, как не соответствующих условиям, указанным в разрешении, Правление Общеказачьего Сельско-Хозяйственного Союза ходатайствовало перед французскими властями о том, чтобы казаки, находящиеся на «Самаре» не были возвращены на Лемнос, а распределены по находящимся вблизи Константинополя лагерям. Ходатайство это до сих пор не увенчалось успехом по следующим мотивам: 1) лагеря эти предназначены для беженцев, а не для воинских частей, какими являются находящиеся на «Самаре», 2) в этих лагерях довольствие прекращается с 15 июля, 3) в лагерях Константинопольского района нет свободных мест. Всем вышеизложенным исчерпывается вопрос относительно моральной ответственности за создавшееся с отправкой «Самары»... Ваша политика отстранения общественной инициативы в решении беженского вопроса и обстановка, созданная при единственно Вашем участии в лагерях, привела уже тысячи людей в Советскую Россию и в Бразилию. Если Вам было угодно поднять вопрос о моральной ответственности, то Правление Общеказачьего Сельско-Хозяйственного Союза считает своим долгом ясно заявить Вам, что моральная ответственность за отправление казаков в ад чрезвычаек и концентрационных лагерей Советской России и в Бразильские болота лежит на Вас, официальных опекунах казачества заграницей — на Атаманах и Объединен-

ном Совете Дона, Кубани и Терека, которые по сей день претендуют на роль единственых и непререкаемых вершителей судеб казачества заграницей».

Этот ответ показался бунтом против «оффициальных» представителей казачества. При других условиях казачьи «правители» применили бы все средства для подавления этого бунта, но заграницей пришлось отделаться мерой, объявленной донским атаманом в особом приказе № 114 от 15 июля 1921 года...

...«В мае сего года вне общего плана расселения армии и беженцев проводимого в жизнь с возможною справедливостью Главным Командованием, заявляет генерал Богаевский, — с чем был согласен и Объединенный Совет Дона, Кубани и Терека, некоторым кубанцам (Белецкий, Быч) удалось добиться в Софии у Болгарского Правительства разрешения на перевозку в Болгарию тысячи кубанцев на сельско-хозяйственные работы. Это разрешение было почему то передано Сельско-Хозяйственному Союзу, который не нашел нужным уведомить об этом ни Атаманов, ни Главное Командование. Правление Сельско-Хозяйственного Союза, впутавшееся в дело распределения беженцев, вместо того, чтобы исправить ошибку, если таковая и была сделана генер. Абрамовым, и заявить Болгарскому Правительству свою настойчивую просьбу о дальнейшей отправке в Болгарию донцов, не по своей вине попавших в тяжелое положение — этого не сделало, а наоборот — настаивало все-таки на посылке кубанцев. Мои усиленные просьбы у французов и болгар, совместно с Представителем Главнокомандующего, об отправке донцов, томившихся вторую неделю в ужасных условиях на корабле, в Болгарию и хотя бы в Кабаджу, успехом не увенчались и пятый Платовский полк 9 июля снова был отправлен на остров Лемнос... Как Донской атаман, глубоко возмущен, что подобный наглый ответ» (Ответ Объединенному Совету) подписан донским казаком, исполняющим обязанности Председателя Правления, Войсковым Старшиною Дудаковым, для которого интересы донцов, томившихся на острове Лемносе и потом на раскаленном корабле, видимо, были безразличны.

За дерзость и клевету своему Войсковому Атаману предаю его, как офицера, суду чести 3-ей Донской Казачьей Бригады»...

Вот при каких условиях начата была демократическая работа устройства. Насколько эта работа вносила расстройство во все планы русской реакции, приютившейся заграницей, можно судить по тому, что до сих пор еще врангелевцы помнят операцию на острове Лемносе. В книжке «Казаки в Чаталдже и на Лемносе», выпущенной два года спустя после «рассредоточения» армии, Общеказачьему Сельско-Хозяйственному Союзу отводится особое место; автор этой книги живой свидетель событий на о. Лемносе. Он не может до сих пор забыть всех преступлений казаков-демократов перед русской армией. Считаем необходимым кратко передать фактическую сторону столкновения с Штабом Врангеля на острове Лемносе. Правление Общеказачьего Сельско-Хозяйственного Союза, получив разрешение от болгарского правительства ввезти в Болгарию 1000

казаков-земледельцев, решило предоставить эту возможность находящимся на острове Лемносе, как наиболее нуждающимся в помощи. Заручившись согласием на это со стороны французского командования, правление командировало на остров Лемнос Г. Ф. Фальчикова и Л. В. Белашева, которым поручалось информировать всех казаков об общем положении эмиграции, о работе Общеказачьего Сельско-Хозяйственного Союза, произвести запись желающих выехать в Болгарию на работы, при записи произвести прием в члены Союза. Для удовлетворения всех казачьих групп поручалось принимать на пароход в установленной пропорции донцов, кубанцев и терцев, сообразно со степенью их нуждаемости. Когда делегаты прибыли на остров Лемнос, Врангель и «атаманы» успели через своих агентов склонить местные французские власти на свою сторону. Эти власти до приезда делегатов погрузили, по распоряжению ген. Абрамова, донской Платовской полк и уже отправили его на пароходе «Самара» в Константинополь для дальнейшего следования. Узнав об этом, делегаты заявили свой протест французскому командованию и сочли необходимым поставить в известность Абрамова о настоящем положении дела. Абрамов принял делегатов очень любезно, доказывая необходимость сохранения частей и вред для России от распыления «русской армии». Любезность Абрамова объяснялась уверенностью в том, что разрешение, добытое Общеказачьим Сельско-Хозяйственным Союзом, будет использовано штабом Врангеля. Делегаты возвратились немедленно в Константинополь, доложили обо всем правлению, которое, не желая подвергать людей излишним мучениям, соглашалось отправить платовцев, но это намерение не могло быть выполнено потому, что болгарское правительство категорически отказалось изменить свое первоначальное решение о разрешении въезда только беженцам, а не частям армии, тогда как Врангель и «атаманы» сделали все для того, чтобы несчастные люди продолжали оставаться военнопленными. Ввиду этого сопротивления пришлось вернуть платовцев снова на остров Лемнос и произвести там набор рабочих, согласно директивам правления Общеказачьего Сельско-Хозяйственного Союза. Делегаты правления возвращались вместе с платовцами на одном пароходе. Целую ночь шел митинг на палубах и в трюме парохода. В результате нашлось общее понимание, платовцы поняли истинное положение вещей и тут же почти *все решили уйти на беженское положение.* На острове Лемносе снова выступил Абрамов, он повел пропаганду против Общеказачьего Сельско-Хозяйственного Союза и его делегатов, издавал грозные приказы, пытался арестовать Г. Ф. Фальчикова и Л. В. Белашева; наконец пустился на последнее средство — приказал явиться на запись в Болгарию всем частям, расчитывая таким образом сорвать все дело организации.

Срыв не удался, но зато делегаты имели возможность обратиться ко всем собравшимся с необходимыми разъяснениями их общего положения. Свою речь Г. Ф. Фальчиков, проводивший всю организационную работу, закончил так:

«Вы должны уйти из армии и вместо этого должны образовать здесь, въ эмиграции, трудовую армию, которая могла бы быть полезна для нашей Родины, — вот путь, на который зовет Вас Общеказачий Сельско-Хозяйственный Союз. Каждый с момента записи в наш Союз начинает новую жизнь на чужбине, свободную от всяких командиров, и только при этих условиях Вы можете разобраться во всех тех странных событиях, которые произошли в России, благодаря чему Вы попали сюда, а ответивши свободно на все вопросы, Вы сами поймете, что необходимо делать дальше. Кто нам сочувствует, тот должен помогать нашей работе».

Многочисленная толпа спокойно и внимательно выслушала эту речь. Запись быстро закончилась, погрузка была произведена в срок и люди были отправлены в Болгарию, где все были распределены на различные работы.

Вот при каких условиях произошло проникновение работы казачьей демократической общественности в самый отдаленный лагерь, в котором были интернированы войска Врангеля. Обратимся теперь к описанию этого случая, которое мы находим в той же книге «Казаки в Чаталдже и на Лемносе».

Посещение «Самары» Членами Союза до крайности раздражало казаков (каких казаков? — Богаевского, Врангеля? А. В.). По словам платовцев Объединенный Союз напоминал им что-то большевицкое, чужое, а не свое, казачье, родное».

Ну еще бы, идеи Общеказачьего Сельско-Хозяйственного Союза «были чужды» «платовцам», со слов которых описан этот случай. Ну, еще бы этих платовцев раздражало не только появление людей определенных демократических убеждений, раздражал даже их внешний вид. Синяя простая рубашка Г. Ф. Фальчикова, в которой он приехал на Лемнос, описывается как *коричневый комиссарский френч*. В тупой злобе к демократии черносотенцы физически даже ослепли. Так пишется, история... Конечно, «платовцы», о которых в данном случае идет речь, были не те казаки, которые разбежались куда глаза глядят от Врангеля, а ничтожная кучка, еще и до сих пор продолжающая самозванствовать, всевозможных казачьих «правительств» и т. п. и т. п.

* * *

Дальнейшая деятельность обоих казачьих демократических центров состояла в установлении прочных связей с род-

ственными русскими организациями и в добывании возможно большего количества виз в ту или иную страну, по преимуществу в славянские государства. Визы для находящихся в лагерях дороже были иностранного бесплатного куска хлеба

С помощью пражского Земгора удалось получить у чехословацкого правительства разрешение на въезд в чехословацкую республику нескольких тысяч человек; в конце 1921 года сюда приехало более 2 тысяч казаков, — огромное большинство из них вошло в состав общеказачьего сельско-хозяйственного Союза. Также отзывчиво отнеслось к казачьей демократической общественности болгарское правительство Стамболийского *), благодаря которому Союз имел полную возможность планомерную переотправку людей из лагерей Турции в Болгарию в неограниченном количестве, — при этом все выехавшие с помощью Общек. Сельск. Хоз. Союза немедленно получали работу, обеспечивающую прожиточный минимум; всего таким образом Союз насчитывал к концу 1921 года в своем составе свыше 5 тысяч членов. Корпуса, дивизии, полки Врангеля таяли с каждым днем, — вместо них росла и крепла эмигрантская свободная организация. Тогда врангелевцы изобретают новый метод борьбы: они терпимее относятся к казачьей демократии, признают положительное значение самоорганизации масс и пытаются внедриться в общее движение с целью сообщить ему свою «национальную» окраску.

Эта новая политика выполнялась так наз. «эмиграционным советом», во главе которого стоял кн. Долгорукий. «Совет» кн. Долгорукого составлен был из лиц, откомандированных врангелевским штабом; в его задачу входило участвовать во всех операциях по переотправке беженцев из Константинополя. Сам «совет» добился только одной возможности — переселения нескольких сот человек в Бразилию. Это единственное самостоятельное практическое дело, как известно, закончилось тем, что отправившиеся в Бразилию через несколько дней после прибытия туда, сбежали снова на пароходы и с трудом вернулись в Европу. Зато во всех других делах по переселению «эмиграционный совет» принимал самое активное участие, следуя по пятам за переселенцами, и в особенности, за казаками. Характерный в этом отношении был случай с переотправкой казаков из лагеря Кабаджи в Чехословакию. Разрешение на въезд в Чехословакию для нескольких тысяч казаков; так указано выше, было дано по ходатайству представителей правления Общеказачьего Сельско-Хозяйственного Союза и пражского Земгора; вся предварительная организаци-

*) Большую помощь в получении виз в Болгарию оказал также известный член земледельческой партии, бывший болгарский посол в Белграде Коста Тодоров.

онная работа в Константинополе была выполнена исключительно правлением союза; казалось бы, что кн. Долгорукому и его «совету» не было здесь никакого дела; тем не менее, в течение всего времени отправок в Чехословакию «эмиграционный совет» бдительно следил за этой работой, стремясь во что бы то ни стало захватить все дело в свои руки; несмотря даже на то, что лица, отправляемые в Чехословакию, заявляли несколько письменных протестов против вмешательства в дело переезда из Константинополя в Чехословакию каких бы то ни было врангелевских организаций.

Участие в этой работе двух противоположных организаций закончилось тем, что все переезжающие в Чехословакию записывались в состав союза и выносили особое постановление с просьбой, обращенной к правлению Сельско-Хозяйственного Союза, и в дальнейшем защищать их интересы. В то же время «эмиграционному совету» удалось назначить своих неоффициальных агентов в качестве «старших» с отправляемыми группами. Эти «старшие» пытались активно мешать организационной работе в Чехословакии. Несмотря на эти попытки правление Общеказачьего Сельско-Хозяйственного Союза посильно выполнило свои задания в Чехословакии, заключившиеся в следующем:

1) в оказании культурной помощи,

2) в содействии к получению наиболее подходящих условий для работы,

3) в распределении людей по Чехословакии по признакам землячества,

4) в создании из прибывших самостоятельной организации для защиты общих интересов и для правильного установления взаимоотношений с чехословацкими крестьянами.

Другая попытка черносотенцев борьбы с «дезертирством» заключалась в следующем: 23 января 1922 года «атаманы» решили созвать Общеказачий Эмигрантский Съезд с целью подкрепить свой авторитет общественным мнением; они поняли, наконец, что заставить казаков «объединиться» вокруг «Главнокомандующего» путем приказа не удастся. Были приняты все меры к тому, чтобы съезд вышел «своим». Вместо выборов производился подбор делегатов съезда. На повестку этого Собрания поставлены были следующие вопросы: 1) информация об общем положении — докладчик генерал Богаевский, 2) информация о положении России — докладчик Карташев, известный активный монархист на Кубани, 3) доклад донского правительства докладчик ген. Апостолов, 4) обсуждение вопроса о возвращении домой, 5) организация казачьих сил — докладчик полк. Назаров, 6) организация денежной помощи — докладчик Карташев, 7) единение Дона, Кубани и Терека — (Союз «атаманов» и «правительств») — докладчик Лопух, 8)

устав казачьей организации (проект ген. Краснова — учреждение станичных и хуторских организаций) 9) Наказы с мест.

Вся работа этого Съезда закончилась единственным практическим результатом — посылкой приветственных телеграмм: болгарскому царю, болгарскому правительству, донскому корпусу и «Русской Армии»; *Ни одно предложение не было принято*, так ни один вопрос не собрал большинства. Атаманская затея вернуть казаков в ряды послушных подчиненных не удалась. Представители Союза Возрождения Казачества, выступавшие на этом съезде расстроили новые планы, врангелевцы унесли со съезда проект Краснова и приступили к его осуществлению, так и не получивши общественной поддержки. Красновские «станицы и хутора» создавались в порядке атаманских приказов; смысл учреждения этих организаций состоял в демонстрации «общественной» поддержки атаманов. В то же самое время правление общеказачьего союза работало в самой гуще эмигрантских масс. Для него лучшим видом пропаганды своих идей была реальная живая работа; связь с массами устанавливалась непосредственной в каждодневной работе.

К концу 1921 года Константинополь перестал быть «столицей» русской эмиграции. Врангель переехал со своим штабом в Сербию, за ним проследовали атаманы, лагеря постепенно закрывались. Эмиграция вступала в новую полосу своей жизни; перед ней наметились два пути. Путь скитания заграницей с Врангелем и его «армией», — и путь намеченный казачьей демократией — путь борьбы за существование заграницей и за использование своего вынужденного пребывания здесь с целью приобретения необходимых знаний для применения их на Родине. К сожалению 3-й путь — возвращение на Родину — тогда был закрыт. Казачья эмиграция в массе своей пошла по второму пути, идеи демократии для нея оказались руководящими и в изгнании. Выбор этого пути имеет большое общеполитическое значение: «стихийное дезертирство»» казаков из армии Врангеля сразу подорвало все реальные попытки интервенции в Россию, а она могла быть в 1921 г., так как все необходимые средства были на лицо: денежные и перевозочные средства и активная поддержка Врангеля военными агентами союзных держав. Теперь эти планы оставлены для развлечения запутавшемуся политику, проф. П. Струве, а тогда они могли быть реальными. Армия Врангеля с уходом от него казаков перестала представлять серьезную военную организацию.

А. Васильевский

Основные тенденции в развитии современной кооперации.

I.

Развитие капитализма и мирового хозяйства в целом в настоящее время вступило в новый фазис. Роль частных предпринимателей в промышленных предприятиях становится все менее и менее значительной. Организация и руководство промышленными предприятиями постепенно переходит из рук владельцев капитала, акционеров, в руки наемных служащих, инженеров, управляющих и даже рабочих. Появляется целый ряд предприятий, которые не принадлежат отдельным лицам или их группам, а составляют принадлежность общественных организаций, Государства, города, земства, кооперативы являются организаторами и владельцами предприятий, удовлетворяющих те или другие нужды или потребности граждан. Таким образом, производство и вся хозяйственная деятельность принимает в настоящее время все более и более общественный характер, и не только потому, что труд предпринимателя заменяется трудом инженеров, директоров, техников и всякого рода специалистов, но, главным образом, потому, что роль предпринимателя берут на себя общественные организации и с успехом их выполняют. В этом отношении — обобществления хозяйственной жизни — кооперация таит в себе огромные потенциальные силы. Изучение основных тенденций ее развития покажет нам, что обобществление хозяйственной жизни есть основное задание кооперации, вытекающее из внутренней ее природы. Объединяя крестьян, рабочих, трудовую интеллигенцию и мелкую буржуазию, — группы, которые являются носителями демократических идеалов, — кооперация создает тот базис, в рамках которого существующий хозяйственный строй, существующий социальный правопорядок, обречены на неизбежную трансформацию. Больше того, как мы увидим из даль-

нейшего, кооперация научает методам общественного накопления богатств, уничтожает прежнюю изолированность между хозяйствами и их владельцами и всем ходом своего развития разрушает старый прявопорядок, основанный на принципе «священной» частной собственности, вырабатывая кооперативное право. Детище XIX века — либерализм — идет к гибели. Учение Кобдена и его последователей, что частный интерес совпадает с общим, что конкурренция — лучший регулятор экономической жизни, оказались творческими началами лишь относительными и временными и стоящими в противоречии с интересами общими. Кооперация, наоборот, согласует интересы индивидуальные с интересами общими и ведет к раскрепощению человека не только формально, юридически, но и фактически.

Последнее замечание вводит нас в область двоякого различия существа кооперации. Прежде всего, конечно, кооперация явление экономического порядка. Ее основание, ее корни целиком вросли в среду материальных интересев и отношений, и составляет то русло, в котором, главным образом, в прошлом протекало развитие кооперации. Но, с течением времени, с развитием кооперативного строительства, оно все больше впитывает в себя те идейные социалистические элементы, которые стали было исчезать в процессе повседневной, мелкой будничной работы. Идеалы Р. Оуэна, Ф. Бюше, Ш. Фурье — в наше время как бы вновь воскресают и с новой силой зовут к себе. Новое социальное строительство, вызванное войной и революциями, ставит на реальную почву вопрос, о новых формах человеческого общежития и приближает нас к осуществлению того, что скептикам казалось неосуществимым. Кооперация, окрепши экономически и организационно, наполняется богатым идейным содержанием, развивает духовно свои силы и вырабатывает свой кооперативный идеал в соответствии с новейшими веяниями времени. Все это и побуждает вглядеться пристально в лицо кооперации и определить основные тенденции ее развития.

Понятно, в рамках журнальной статьи мы не можем дать полную характеристику этим тенденциям; однако, мы попытаемся наметить основные контуры их, по крайней мере, тех из них, которые характеризуют кооперацию с экономической стороны.

II.

Кооператив, как явление прежде всего экономического порядка, действующий в капиталистическом обществе, очевидно, должен подчиняться тем закономерностям, которые свойственны этому последнему. Вот почему, быть может, нет более неправильного и вредного для дела кооперации мнения, которое

отрицает в кооперативной организации получение прибыли. Прибыль кооператива, по мнению защитников такого взгляда, представляет просто возврат потребителю тех излишков, которые последний переплатил. Отсюда делают два весьма существенных вывода, которые занимают в теории кооперации центральное место. Если кооперативная прибыль есть только переплата, сбережение, то — делают отсюда вывод теоретики — в кооперативной прибыли нет элементов эксплоатации и других аттрибутов, свойственных капиталистическому предприятию. В этом противопоставлении — наличности прибыли у капиталистического предприятия и отсутствия ее в кооперативном — обычно видят разницу, существеннейшее отличие капитализма от кооперации.

«Капиталистическая организация — говорит проф. М. И. Туган-Барановский — имеет всегда крайне характерный облик. Весь смысл этой организации заключается в стремлении к наибольшему барышу... Кооперативы характеризуются прямо противоположными чертами. Их цель не наибольшая прибыль, но наибольшая степень благосостояния членов кооператива»... [1]).

Но, спрашивается, с помощью каких средств увеличивается благосостояние членов, каковы источники этого благосостояния? — Ответ может быть только один. Благосостояние членов кооператива увеличивается, при прочих равных условиях, прямо пропорционально прибыли кооператива. Значит, члены кооператива заинтересованы в высоких прибылях так же, как и капиталисты, и наличностью прибыли только и стимулируется создание кооперативных организаций. Отсюда явствует, что противоположение проф. М. Туган-Барановского имеет под собой неправильное основание и его надо искать в чем-то другом.

Другой вывод, который делается из той же предпосылки — отрицания в кооперации прибыли — заключается в том, что сторонники такого взгляда утверждают, что самое правильное назначение кооперативной прибыли состоит в удовлетворении текущих расходов, выражаясь вульгарно, в проедании этой прибыли. Конкретное выражение удовлетворения текущих нужд состоит прежде всего в выдаче высоких дивидентов на паи и больших процентных отчислениях на закупки. Другой путь удовлетворения текущих нужд выражается в затратах кооперации на культурно-просветительные цели в широком смысле этого слова: в субсидиях школам, курсам, театру, церкви и т. д. И тот и другой путь назначения кооперативной прибыли имеет много шансов быть оправданным и наибольшее его оправдание, конечно, в традиции, но такой взгляд не выдерживает ника-

---

[1]) Проф. Туган-Барановский: «Социальные основы кооперации». Стр. 95.

кой критики с хозяйственной точки зрения и должен быть отброшен, как вредный для дела кооперации. Целый ряд соображений, которые мы по недостатку места опускаем, приводит к выводу, что в кооперации прибыль существует и ее источник таков же, как и у капиталистического предприятия: в прямом или косвенном присвоении прибавочной ценности труда рабочих. Присвоение прямое, когда кооператив сам организует производство и косвенное, когда кооператив является только торговцем. Приходится сожалеть, что такого рода представление мало свойственна кооперативной мысли. В кооперации принято прежде всего говорить о взаимопомощи, солидарности, кооперативном воспитании и всячески пугать кооперативное сознание призраком капиталистической прибыли. Даже у такого теоретика, как проф. Ф. Штаудингер, мы встречаем следующего рода мысли: «Надо только остерегаться, — говорит он — чтобы в новый дом (кооперацию) не проникли враждебные дуновения извне, из мира прибыли»[1]). Нет надобности ссылаться на другие подобные мнения, их бесконечное множество и все они открещиваются от прибыли, как от чего-то совершенно несовместимого с чистейшими принципами кооперации. Обычно, распределяемую между членами прибыль кооператива называют «обратным вознаграждением», «ristourn», и т. п. Но эта илюзия, что распределяется не прибыль, а какое-то сбережение, какой-то особого происхождения остаток, может быть принимаема за нечто реальное до тех пор, пока мы имеем дело с кооперативом 1-ой степени, который может вести операции исключительно со своими членами, что, впрочем, стало редкостью. Как только мы переходим к союзной организации, которая свои операции ведет с не-членами, с капиталистами, пользуется их капиталом, как продуктом прибавочной ценности, так указанная иллюзия исчезнет и всякие аргументы в защиту ее теряют свою значимость и силу. А теория кооперации, при нынешнем развитии союзов и их огромном удельном весе в общей системе кооперативного строительства, не может игнорировать эти последние при решении того или другого вопроса.

Таким образом, мы устанавливаем положение, что кооперации свойственна прибыль, как и предприятию капиталистическому. В этом отношении между ними нет никакой разницы. Но это вовсе не значит, что вообще между тем и другим можно поставить знак равенства. Никто не может отнести в одну группу предприятий: картель, синдикат, с одной стороны, и кооператив, с другой. Для такого разделения обычно в качестве аргумента призывается на помощь распределение прибыли. Ука-

---

[1]) Проф. Ф. Штаудингер: «От Шульце-Делика к Крейцнаху» перевод Левицкого стр. 82.

зывается, что в капиталистическом предприятии она распределяется по акциям, пропорционально капиталу, а в кооперации — пропорционально закупкам в потребительном обществе, пропорционально взятым ссудам в кредитном кооперативе и т. д. Такая аргументация имеет свои основания, но она, к сожалению, не касается или мало касается существа различий.

Суть дела в том, что капиталистическое предприятие создается в интересе одного лица или в интересах небольшой группы лиц; кооперативная организация создается в интересах множества лиц, можно сказать, в интересах общества, поскольку она борется с высокими ценами, фальсификацией продуктов и т п. Прибыль капиталистического предприятия поступает капиталисту в полную собственность, прибыль кооператива — частью распределяется, а частью идет на развитие кооператива. Последний, как начало объединяющее многих в интересах всего общества, есть организация общественная. Владельцем кооператива, как предприятия, является общество. Значит, капиталистическое предприятие есть частновладельческое, а кооперативное — общественное. Проф. П. Маслов говорит, что «*различие кооперативного и капиталистического предприятий заключается лишь в различии субъектов, организующих предприятие*» [1]). В соответствии с указанным различием, как производное от коренного, возникает целый ряд вторичных отличительных признаков, как распределение прибыли, самоуправление, равноправие, религиозная терпимость и так дальше.

После сказанного мы можем вернуться к мысли, что отрицание прибыли есть дело, вредное для кооперации. Тут пред нами возникает вопрос, какова роль прибыли в кооперативном предприятии? При взгляде на кооператив, как на предприятие общественное, ответить на постановленный вопрос не представляет затруднения, но нам предварительно необходимо рассмотреть, каким образом вообще происходит накопление капиталов.

Очевидно, прежде всего, накопление капиталов, то-есть, увеличение орудий и средств производства, а также других ценностей идет по руслу частно-хозяйственному или индивидуальному. Накопление капиталов может итти еще по другому руслу — государственному, путем создания собственных предприятий: постройки заводов, фабрик, железных дорог и т. д. Кроме того, государственное накопление может выражаться в форме взимания налогов, как центральными органами, так и местными самоуправлениями, поскольку последние являются органами публично-правовыми. Уместно поставить вопрос, что же делает кооперация, когда она собирает

[1]) Проф. П. Маслов «Теория кооперации», стр. 105.

паи, отчисляет суммы в запасный и специальный капиталы, открывает магазины и банки, строит собственные предприятия? — Она так же, как и фабриканты или государство, закупает орудия, машины, заботится о масимальной производительности труда и создает материальные ценности; следовательно, и тут происходит накопление капиталов; вся разница, очевидно, лишь в форме, в субъектах владения.

Итак, с народно-хозяйственной точки зрения существует три пути накопления капиталов: частно-хозяйственный, государственный (включая и муниципальный) и третий — кооперативный. Но, поскольку первый путь черпает свои средства преимущественно путем налогов и принудительно, и разнообразные государственные и муниципальные предприятия не носят ярко выраженного коммерческого характера, постольку можно говорить о двух путях накопления: частно-хозяйственном — старом и новом — кооперативном. Подходя так к кооперации, мы должны отвергнуть все попытки рассматривать кооперацию, как коррективе капиталистического строя или его разновидность [1]). Для нас *кооперация — новый хозяйственный фактор накопления богатств, противоположный изживающему себя капиталистическому.* Кооперация — это разрыв с замкнутостью хозяйства и хозяина; она— выход на широкую дорогу общественного и планомерного созидания ценностей; она, говоря словами убитого германского министра Раттенау, «превращает дело хозяйствования одного лица в дело всего общества». Что это значит? — С народно-хозяйственной точки зрения, задачей частно-владельческого предприятия является удовлетворение хозяйственных нужд данного общества в целом, но с точки зрения капиталиста такое удовлетворение есть только средство для достижения сепаратного интереса — получения наибольшей выгоды, наибольшей прибыли на вложенный в предприятие капитал. Таким образом, интересы общества в целом и интересы капиталиста в значительной мере противоположны и сплошь и рядом враждебны. Тут концентрации капиталов, которая в конечном итоге есть явление положительное для интересов национального хозяйства, в частных случаях ведет к гибели предприятий слабейших, и в каждом данном случае общество может весьма сильно проигрывать. Рост кооперации и ее развитие не требует гибели мелких и слабых предприятий, ибо здесь хозяйственная координация строится не на интересе частного лица, а на интересе всего общества, как новом базисе хозяйствования. Кооперация избавит будущее общество от расточительности и зла промышленных кризисов и несомненно ослабит кровавые призраки современных войн, которые являются ничем иным, как выра-

[1]) Мнение проф. Гино Валенти.

жением той же концентрации капиталов с гибелью экономически слабых и торжеством сильных в международном масштабе. Но, являясь новым фактором в экономическом процессе и будучи продуктом бесплотной человеческой мысли, в противоположность капитализму, возникшему стихийно, кооперация, попавши в хозяйственный поток, неизбежно разделяет общую участь каждой хозяйственной молекулы, составляющей этот поток. Вот почему, можно a priori утверждать, что процесс накопления в кооперации обусловливается теми же факторами, как и в капиталистическом предприятии, в частности, он зависит от высоты получаемой кооперативом прибыли. К. Маркс и его школа видела в накоплении отрицательную черту капитализма. Мы, наоборот, в этом видим один из плюсов и огромную заслугу капитализма в истории человечества и горячо рекомендуем кооперации в этом отношении его опыт. Накопление — почти единственное оружие, в руках с которым кооперация только и может выступать против капитализма. Конечно, истина, что «копеечка рубль бережет» кажется многим пошлостью и мещанством, но такое отношение к накоплению было возможно только до тех пор, пока доктрина К. Маркса не получила своего приложения в русской обстановке, и пока не был ясен путь для грандиозного задания, стоящего перед кооперацией — трансформации существующего хозяйственного строя.

Таким образом, назначение кооперативной прибыли вырисовывается перед нами, как фактор общественного накопления. И поскольку отрицание прибыли влечет за собой взгляд на кооперацию, как на средство удовлетворения только текущих потребностей, постольку этот взгляд нужно признать вредным для развития кооперации. Кооперация должна поставить во главу угла накопление, без которого ее развитие будет происходить черепашьим шагом. Для России накопление имеет сугубое значение, так как за время войны и революции основные капиталы растаяли. Те $1^1/_2$ миллиарда рублей, которые обращались в каналах кооперации до революции, исчезли благодаря тому, что накопление считалось основным грехом капитализма, и центр тяжести большевицкой политики был перенесен в область распределения, закончившегося развалом национального хозяйства. В настоящее время едва ли капиталы российской кооперации достигают двух сотен миллионов рублей. Если до войны паевой капитал на одно потребительное общество достигал от 1.000 до 3.000 рублей, то теперь он равен в среднем от 150 до 200 рублей [1]).

Чтобы не возвращаться в дальнейшем изложении к вопросу о прибыли и накоплении, здесь же отметим, что накопление в

[1]) «Украинский Экономист» № 27. Харьков, 1925 г.

кооперации встречает целый ряд затруднений в форме тенденции распределять огромнейшую часть кооперативной прибыли, сравнительно с долей, идущей в основные, запасные или специальные капиталы. Конечно, увеличение доходов или уменьшение расходов за счет кооператива в хозяйстве члена должно быть, иначе будет устранен стимул для организации кооперативов, но, именно, желание уменьшить расходы и желание копить, сберечь — суть два начала противоположных и враждебных, примиримых только на почве высокой сознательности членов и того, что принято называть кооперативной дисциплиной. Этот антогонизм — самое уязвимое место в кооперативном строительстве, в этом — Ахиллесова пята кооперации. Вот почему, с народно-хозяйственной точки зрения было бы идеальным положением, когда вся кооперативная прибыль оставалась бы в руках кооператива с тем, конечно, непременным условием, чтобы эта прибыль получила самое производительное назначение. Однако, это вещь совершенно невозможная по указанному выше мотиву и, поэтому, нам приходится считаться с той практикой, какая освящена традицией и имеет полное оправдание в объективных условиях экономической жизни. К рассмотрению этих условий мы теперь и переходим, чтобы нагляднее видеть необходимость распределения части кооперативной прибыли.

III.

Чем больше интенсифицируется хозяйственная деятельность людей, тем выше становится тот минимум, который надо затратить на производство продукта, чтобы он отвечал рыночным ценам. Как общее правило, можно говорить, что интенсификация труда идет за счет капиталоинтенсивности, то-есть, за счет все больших затрат на средства производства. Но чтобы обеспечить хотя бы невысоким уровнем капиталоинтенсивности крестьянское хозяйство; для того, чтобы стала возможной его дальнейшая эволюция в сторону интенсификации, оказывается необходимой кооперация. При 5 десятинах крестьянского хозяйства покупка жнейки оказывается экономически невыгодной, а при 3-х хозяйствах, по 5 десятин каждое, объединенных для пользования ею, дает максимальный экономический эффект. Другими словами, оказывается, что затраты на средства производства в одном хозяйстве менее выгодны, чем затраты в группе их. «Мелкое хозяйство не может в отдельности делать хозяйственных затрат, дающих достаточные выгоды для увеличения своего дохода» [1]). Вот почему пред мелким крестьянским или ремесленным хозяйством, обслуживать которые и призвана кооперация, остается один выход —

[1]) Проф. П. Маслов: «Теория кооперации». Стр. 17.

кооперирование. Только через нее выгодно и доступно делать хозяйственные затраты и тем увеличить доходность хозяйства, а через увеличение доходности последнего расширить свой потребительский бюджет. Общеизвестно, что в районах маслодельных артелей доходность от участия в кооперативе возрастала, при затрате в несколько десятков рублей, на 100—200, а иногда и на 500 рублей, — цифра для крестьянского бюджета колоссальная... Смысл организации кооператива заключается именно в том, что затраты, например, 10 рублей вне своего хозяйства (в кооперативе) более выгодны, чем затраты внутри хозяйства.

Бюджетные исследования крестьянских хозяйств показывают, что при увеличении затрат на личные расходы на какую-нибудь единицу, затраты в хозяйстве для получения этой единицы должны возрасти в несколько раз.

Так обстоит дело в крестьянском хозяйстве. Что касается капиталистического хозяйста, то эта закономерность и пропорция остается верной и для них. За 25 лет в Соединенных Штатах Северной Америки следующим образом распределилось потребление хозяйственное (рост средств производства) и личное (заработная плата, доход фабрикантов и т. п.) в американских долларах:

Годы	Основные капит.	Заработ. плата.
1885	1,367 милл. дол.	415 милл. дол.
1905	4,433 милл. дол.	897 милл. дол.
Увеличение в %-ах	224 %	115 %

Отмеченная нами закономерность — отношения между личным и хозяйственым потреблением — факт глубокознаменательной во многих отношениях. Во-первых, он показывает тенденцию хозяйственного развития, которую надо учитывать при построении хозяйственной программы. Во-вторых, он указывает на связь кооперативной теории с законами потребления, которые объясняют смысл и значение кооперативных организаций в системе современного хозяйственного строя. Наконец, в-третьих, принимая во внимание, что кооперация создается, как средство расширения потребительского бюджета или через хозяйство (в сельско-хозяйственных и других кооперативах) или непосредственно (потребительная кооперация), мы должны признать, что практика распределения прибыли вполне рациональны и не может быть поколеблена никакими доводами теории. Наоборот, теория освещает значение распределения, как одного из факторов, созидающих и творящих кооперацию. Однако, респределение прибыли не может касаться всей суммы, а только части. Несоблюдение указанной пропорции долей знаменовало бы собой то, что кооперация есть

ни больше, ни меньше, как пустоцвет, может быть, красивый, но ни на что не годный. Приведенные цифры, относящиеся к Соедин. Штатам, позволяют нам предложить следующее решение: *доля чистой прибыли кооператива, идущей в распределение между членами, должна быть меньше доли, остающейся в кооперативе в форме разных капиталов.* Более точно этих рамок установить невозможно, тем более невозможно их выразить цифрами. К этому, однако, надлежит сделать следующую оговорку: распределяемая доля не может быть настолько низкой, чтобы материальный интерес члена к кооперативу стал бы равным нулю, но она не должна быть и столь высокой, как, например, в американских кооперативах, где выдают от 20 до 70%.

IV.

Выше мы уже коснулись в общем целей и задач, которые стоят перед кооперацией. Мы их формулировали, как трансформацию существующего строя с помощью общественного накопления ценностей. Нам остается еще остановиться на некоторых частностях этого вопроса и конкретизировать самую идею трансформации. И в этом случае мы будем держаться в рассуждениях, как базиса, экономической природы кооперации.

Было сказано, что дополнительные затраты на личное потребление требуют дополнительных затрат в хозяйстве. Факт невозможности расширения потребительского бюджета у крестьянина, имеющего хозяйство, или у пролетария, не имеющего вовсе хозяйства, и, следовательно, не могущего увеличить личного потребления за счет хозяйственных затрат, побуждает искать выхода вне собственного хозяйства, созданием кооператива. Но пока кооператив существует одиноко, вне связи с союзными организациями, до тех пор получаемая им прибыль ничтожна и, следовательно, дополнительные затраты на личное или хозяйственное потребление членов незначительно. Из такого положения вещей, кроме других мотивов, вытекает необходимость в создании союзных организаций. На долю последних выпадает задача увеличения прибылей кооперативов первой степени, путем снабжения дешевым и доступным кредитом, более дешевым или более доброкачественным товаром. Способов у союза для увеличения прибылей кооперативов первой степени, множество, но не в них сейчас дело. Здесь нам важно установить то, что союз по отношению к кооперативу первой степени выступает в роли оптового торговца. При этом рост и развитие союзных организаций обнаруживают тенденцию, к расширению в колоссальных масштабах. Достаточно вспомнить Союз Сибирских Маслодельных

Артелей или Вирджинскую Овощную Биржу в Америке. За последние 25 лет торговый аппарат кооперации, благодаря союзному строительству, приобрел огромную мощь и стал перерастать национальные рамки, стремясь к интернациональному объединению, как, например, Северный Кооперативный Союз (Швеция, Дания, Финляндия). Удельный вес этого рода кооперативных организаций можно сравнить с каким-нибудь Ганзейским Союзом XIV—XVII века или английской Ост-Индской Кампанией XVII—XIX века. Современные союзные аппараты все больше и шире втягиваются в международный обмен, постепенно овладевая некоторыми областями международной торговли (русское масло, русский лен, датское масло и яйца). Указанный фактор совместно с другими переносит центр тяжести современной кооперативной жизни из кооперативов первичных в союзные объединения, делая их теми бастионами, из которых ведется обстрел капиталистических твердынь. По всей хозяйственной линии кооперация отвоевывает себе у частного капитала позиции: на низших ступенях, устраняя лавочника, мелкого посредника, ростовщика; на средних — вытесняя оптового торговца, и на высших, овладевая промышленной и банковской деятельностью. Такова одна из тенденций развития современной кооперации с точки зрения ее целей и задач.

Таким образом, логикой вещей кооперация толкается на путь борьбы с розничным торговцем, оптовиком и фабрикантом. Она, во имя обслуживания насущнейших нужд своих членов, подымает знамя борьбы с существующим хозяйственным порядком, сближая два основных процесса, взаимно связанных и взаимно обусловленных — производство и потребление, — но разъединенных процессом обмена. Процесс этого сближения сопровождается созданием коллективного предприятия путем составления общего денежного фонда, который медленно, но возрастает. Круг лиц, являющихся владельцами таких коллективов — кооперативов все ширится и растет. Кооперация обнаруживает тенденцию, с одной стороны, захватывать все новые и новые области хозяйственной деятельности, а с другой — вовлекать в свои недра, как членов, основные массы населения...

Происходит обобществление капитала...

Экономический процесс в его целом, перестает отправляться от принципа «laissez faire, laissez passer», от интереса одного лица, владельца средств производства. Интерес общества в целом является основою хозяйствования: принцип частнохозяйственный заменяется принципом народно-хозяйственным со всеми вытекающими отсюда последствиями. Это вызывает на арену социальной жизни общественные чувства и настроения, которые прежде не играли заметной роли. Из коопера-

тивных центров, как из источников, вытекает поток коллективной мысли, связывая разрозненных людей чувствами солидарности, сочетая, как указывает проф. Туган-Барановский, альтруизм с эгоизмом и прививая людям новое понимание, новую оценку, новый поход к общественному достоянию, к коллективной собственности. Так кооперация трансформирует существующий строй, становясь школой общественного воспитания и фактором, творящим новый социальный быт, в соответствии с идеалами социализма.

История кооперативной мысли, начиная с ранних представителей и кончая современными, лишь подтверждает правильность высказанного суждения. К сожалению, мы здесь лишены возможности обратиться к доказательствам.

Установив цели кооперации, скажем еще несколько слов о средствах, коими располагает кооперация для осуществления последних.

В этом отношении кооперация не сказала своего нового слова, и это не случайно. Ниже мы увидим, что история кооперативного движения повторяет историю развития капиталистического строя. Вот почему и формы, в которые облекается кооперация, целиком сходны с формами капиталистических предприятий. По выражению проф. М. Туган-Барановского, кооператив выступает на арену хозяйственного состояния во всеоружии капиталистической техники и является хозяйственным предприятием совершенно аналогичным капиталистическому. Внутренняя экономическая природа кооператива сближается с капиталистическим предприятием в том отношении, что он, как этот последний, стоит на точке зрения своих сепаратных интересов, проникнут духом защиты их, что в особенности свойственно производительным товариществам с их почти замкнутым личным составом. По внешним юридическим признакам, в особенности на высших организационных ступенях, кооператив буквально ничем не отличается от своего антипода. Английское Общество Оптовых Операций, Московский Народный Банк — типичные примеры, где форма акционерных компаний усвоена кооперативами высших ступеней. Кроме того, техника банковских операций, бухгалтерия, контроль служащих и рабочих, устройство торговых помещений и распорядок в них, изготовление и экспедиция товаров — все это заимствовано у капитализма. И, скажем мы, совершенно резонно. Поскольку кооперация должна извлекать прибыль, поскольку она — фермент нового хозяйственного строя, постольку она должна заимствовать у капитализма все его лучшие в организационном отношении черты в качестве средства для достижения своих целей. Кооператив так же, как это имеет место в капиталистическом предприятии, должен строиться на принципах строгого коммерческого расчета. Только в

этом случае кооперации будет гарантировано мощное и быстрое развитие в сфере торговли в первую очередь и в области промышленности во вторую. В какой мере наш диагноз и прогноз является обоснованным, мы увидим из рассмотрения закономерностей развития кооперативных форм.

V.

Выше мы установили, что кооперация является ферментом нового хозяйственного уклада на основе обобществления капитала. Но мы также видели, что построение нового строя совершается теми средствами, которыми располагает современное капиталистическое общество. Кооперация целиком укладывается в хозяйственную ткань современности и лишь ее идеологическое содержание чуждо и противоположно капитализму. Вот почему кооперация, поскольку она есть явление экономического порядка, подчиняется тем закономерностям и последовательностям, которые присущи капиталистическому строю. Больше того, каждому фазису экономического развития соответствует та или другая кооперативная форма, как результат взаимодействия между идеологией, свойственной данной эпохе, и типом или характером производственных отношений. По мере того, как изменяется идеология людей и эволюционирует экономический строй, эволюционирует и кооперативные формы. Чем проще идеология людей и чем примитивнее хозяйственный строй — два начала взаимно обусловливающих друг друга — тем, естественно, проще и элементарнее кооперативные формы. Конечно, нельзя сказать, чтобы каждому фазису экономического развития соответствовала во что бы то ни стало своя единственная кооперативная форма, но такая тенденция проявлена кооперацией в значительной мере, и если она ускользает от внимания большинства исследователей, то только потому, что «рассудку вопреки, наперекор стихии» современная кооперация прародителями своими имеет производительное товарищество и коммунистическую общину, как результат пропаганды, сознательного действия людей. Только этим последним и объясняется их возникновение в эпоху, когда для их развития не было никаких экономических предпосылок.

Спрашивается, какие же кооперативные формы соответствуют каждому из фазисов экономического развития? — Нет возможности в тесных рамках журнальной статьи рассматривать это соответствие детально. Но грубую схему нам надлежит дать, как некоторый материал для дальнейших построений, без чего последние не будут надлежащим образом поняты.

Как известно, производству для обмена предшествует исторически производство для собственного потребления или на-

туральная форма хозяйствования, когда меновых отношений почти не существовало. В истории России, например, натуральному фазису экономического развития соответствовала своеобразная кооперативная форма — «древне-русский двор». По словам проф. В. О. Ключевского, он представлял собой совокупность нескольких семейств, совместно работавших в одном хозяйстве. Здесь мы имеем дело с кооперированием труда, но с кооперированием примитивным, так как тут налицо своеобразные факторы: авторитет деда, стоящего во главе двора, кровные узы, известная степень принуждения, что несвойственно кооперации.

С возникновением городов и развитием торговли, с дифференцией занятий населения, более ярко выявляется кооперативная форма. Труд начинает переходить из одного хозяйства в другое или начинает продаваться на сторону. Строго натуральная форма хозяйствования нарушается, и кооперация находит свое выражение в «супрягах», «помочах» и других формах, которые в совокупности можно назвать бытовой кооперацией. Сюда, например, можно отнести «русскую земельную общину» в ее чистом виде, без примеси публично-правового элемента, а также огромное количество всевозможных артелей.

Итак, бытовая кооперация в форме древне-русского двора, помочи, супряги земельной общины, артели — является принадлежностью докапиталистического строя. В этот период кооперация существовала, как сотрудничество в техническом смысле этого слова, но тогда не было и не могло быть кооперации, как социально-экономического явления, если угодно, как общественного движения.

С развитием денежно-меновых отношений, с появлением фабрик и заводов нарождаются новые кооперативные формы, возникает кооперация, как общественное движение. Пока в рамках капиталистического строя удерживается ремесло, возникает и развиваются складочные, сырьевые и промысловые товарищества, как средство защиты от фабричной конкуренции. В тех же целях возникают кредитные товарищества городского типа, базирующиеся на принципах Шульце-Делича.

С освобождением крестьян от крепостной зависимости, с развитием меновых отношений и со все растущим значением земледелия, как основы хозяйственного благополучия, возникают и развиваются кооперативы типа Райффейзена в целях удовлетворения нужды в кредите, инвентаре и т. под.

Пролетариат создает потребительскую кооперацию и жилищную. Наконец, в настоящее время мы присутствуем при развитии таких кооперативов, как страховые, телефонные, электрические, элеваторные и т. под. Одним словом, трудно ука-

зать такую область хозяйственной деятельности, куда бы не проникла кооперация.

В отличие от бытовой, новая кооперация, как более сложная, строится на строго-юридическом фундаменте и создает своеобразную и мощную систему союзного строительства с кооперативными банками, центральными организациями, перерастающими национальные рамки. Кооперация создает свой интернационал в лице Alliance Coopérative Internationale.

Кроме соответствия более сложных кооперативных форм более совершенному и сложному фазису экономического развития, кооперация обнаруживает еще одну весьма существенную тенденцию — повторения того пути, который пройден в своем развитии капитализмом. В этом, конечно, нет ничего неожиданного и случайного, если помнить, что кооператив, возникши и облекшись в плоть и кровь капиталистического предприятия, тем самым подчиняется воздействию тех сил и факторов, кои действуют в современном хозяйственном строе. Известно, что начальный фазис капитализма характеризуется периодом, так называемого, первоначального накопления. Это накопление происходило с помощью торговли внутренней и внешней. Результатом развития торговли в обеих указанных формах явились банки, особое значение приобрели деньги, появился кредит. Позднее, примерно к концу XVI века, когда банковский и торговый аппарат организационно и финансово окрепли, капитал стал затрачиваться в производство, но в размерах довольно скромных. Лишь с развитием транспорта водного, а в особенности железно-дорожного, капитал целиком пытается овладеть производством, почти совершенно вытесняя ремесло и мелкое производство. Полную аналогию дает картина развития кооперации. Если отбросить неудачную попытку в начале XIX века насаждения производительных товариществ на Западе, то и в кооперации начальным фазисом развития является торговля, смысл которой с народно-хозяйственной точки зрения заключается в первоначальном накоплении средств для дальнейшего развития. Торговле сопутствует развитие кредитной кооперации. Далее следует фазис первых попыток кооперативного производства, в размерах пока скромных, так как отсутствуют совершенные кооперативные пути сообщения — мощное союзное строительство, широко охватывающее периферию и управляемое могучими в финансовом отношении центрами.

Грядущий фазис кооперативного развития будет принадлежать производству.

Подобно тому, как капитализм сначала затрачивал капитал в орудия и средства обмена (деньги, банки, товары, транспорт) и лишь позднее переходил к производству, так точно и кооперация от орудий и средств обмена (потребительских

лавок, кредитных товариществ, закупочных и сбытовых кооперативов) переходит к собственному кооперативному производству, к созданию кооперативной промышленности. Подобно тому, как торговый капитал получил свое выражение в таких мощных организациях, как Ганзейский Союз или Ост-Индская Компания, так точно и кооперация создает могущественный торговый аппарат в лице Северного Союза или нашего «Закуп—сбыта».

Итак, кооперация в своем развити повторяет путь, пройденный капитализмом. И подобно тому, как последний выявил свою социальную сущность лишь на высших организационных ступенях, так точно и кооперация окончательно выявит свою социальную, в частности — политическую сущность, достигши зенита развития — овладения производством.

Представленная аналогия имеет весьма существенное значение, так как она приводит к следующему выводу: если производство составляет для капитализма заключительный фазис развития, значит, и для кооперации, поскольку последняя повторяет путь, пройденный последним, производство явится моментом, завершающим ее развитие. Само собой разумеется, что при желании из кооперативной практики можно получить множество фактов, противоречащих указанным закономерностям. Однако, исключения из правила не опровергают правила, закона, в особенности, если этот закон действует в социальной среде. Законы социальной жизни не могут быть столь абсолютными, как законы природы. О них можно говорить лишь условно, но и относительная закономерность в социологии позволяет видеть несколько больше того, что дает грубая эмпирическая действительность. Закономерность в развитии коеперации позволяют видеть ее дальнейшие достижения и возможности. Но что самое главное — при свете их вскрывается истинная природа кооперации и те предпосылки, вне которых кооперации грозит жалкое прозябание.

VI.

Суммируя все сказанное, мы можем представить следующую схему основ тех тенденций в развити современной кооперации.

1. Современная кооперация, поскольку она обслуживает не членов, поскольку она развивает собственное производство, обнаруживает тенденцию присваивать прибавочную ценность, как и капиталистическое предприятие.

2. Центр тяжести современной кооперативной жизни и деятельности переносится из кооперативов первичных в союзные организации. Последние, не только складывая, но и умножая силы кооперации, достигают последнего путем объедине-

ния в кооперативные центры огромного количества первичных организаций; при чем, в самих центрах происходит процесс диференциации функций, строгая и узкая специализация с выделением таких организаций, как «Масло-центр», «Льноцентр», «Плодо-овощь» и т. д. В свою очередь, национальные центры интернационально сближаются, черпая из этого источника новые силы.

3. Кооперация служит делу расширения потребительских бюджетов своих членов прямо — в форме выдачи дивидендов в кооперации потребительской или косвенно — через хозяйство — в кооперации сельско-хозяйственной. Вот почему ее применение в мелком крестьянском хозяйстве дает максимальный экономический эффект, путем доставления выгод, свойственных крупному предприятию. На этой почве современные крестьянские хозяйства кооперативно связываются, становятся общественно-урегулированными и на этой почве, при содействии других видов кооперации, происходит трансформация существующего хозяйственного строя.

4. Основная линия трансформации направлена в сторону обобществления капитала, обобществления хозяйственного строя и перестройки всего социального быта в соответствии с идеалами социализма. Средством к обобществлению капиталов является не их экспроприация, а органический рост, их общественное накопление и переход промышленных предприятий из рук частных владельцев в руки владельцев коллективных.

5. Кооперативные формы в процессе своего возникновения и в росте их удельного веса в системе кооперативного строительства повторяют в основных чертах историю развития форм капиталистических, заключительной фазой которого является производство, как основа хозяйственной деятельности и как среда, в которой целиком и до конца выявляется социальное содержание капитализма.

6. Подобно последнему, современная кооперация выявляет свое социальное содержание, противоположное и враждебное капитализму, и из состаяния политически нейтрального переходит к состоянию активно-политическому, выражающемуся не только в поддержке тех или других партий, но и в создании собственных кооперативных партий (Англия, Франция, Бельгия).

Поскольку обрисованные тенденции в развитии современной кооперации верны, по стольку трансформация капиталистического строя нами мыслится в полном соответствии с ними. И подобно тому, как капитализм в эпоху, предшествовавшую Великой Французской Революции, обнаруживал только силуэт своего лика, и с помощью последней разорвал свои оковы — феодализм, так точно и кооперация в системе совре-

менного строя выявляет неясные очертания своей физиономии с тем, чтобы, в результате социальных бурь начало нашего столетия, разорвать тиски капитализма и стать основным фактором социально-экономической жизни. Разумеется, кооперация не может вдруг стать всеобщим началом, регулирующим и определяющим формы и существо социального и экономического быта, как это не удалось и современному капитализму, уживающемуся даже в настоящее время рядом с классическим феодализмом. Однако, указанная тенденция настолько явственна, что приходится удивляться тому, что ее не замечают или не желают замечать. Повидимому, в последнем случае мы имеем дело со свойственной большинству людей иллюзией, что тот общественный строй, в котором они живут, является наиболее естественным, законным, а, следовательно, и неизменным. В таком направлении, очевидно, течет мысль А. С. Изгоева, когда он в критике «Основ кооперации» проф. В. Ф. Тотомианца прибегает к следующему силлогизму: «Социализм означает смерть кооперации... Социализм и кооперация вещи несовместимые; кооперации нет, если нет свободы. Свободы нет и не может быть, если нет частной собственности»[1]). В подобного рода рассуждениях весьма мало логики, еще меньше понимания изменений, происходящих в существующем строе и, наконец, полное непонимание природы кооперации. Вопреки утверждениям Изгоевых, кооперация в корне, органически подрывает основы «священной частной собственности» и все институты общественной жизни, на ней построенные. Она разрушает старый правопорядок и создает новый социальный и хозяйственный быт в духе демократии и социализма. Она разрушает старую капиталистическую цивилизацию и создает новую — кооперативную на основе экономического обобществления.

Г. Радченко.

---

[1] Журнал «Кооперация и Сельское Хозяйство». Стр. 175, Книга I, 1924 г. Прага.

Среди книг и журналов.

Русская зарубежная литература в 1925 году

(Письмо на Родину).

Мне захотелось придать моей статье форму письма на Родину. Я думаю, эта форма не будет искусственной, — мы, писатели-эмигранты, всегда расчитываем, что так или иначе наши писания прочтутся в России. Российский читатель нам особенно дорог, так как является проводником прочитанного в широкую родную среду. И естественно, что каждому из нас хочется поговорить с Родиной, — похвалиться нашим хорошим, пожаловаться на дурное, и вообще рассказать о самих себе. Ведь мы же все говорим, что нужно, хотя бы мысленно, — раз нельзя физически — вернуться домой в Россию. Вообще, думается мне, не дурно было бы завести в эмигрантской прессе отдел не только писем с Родины, но и на Родину. Чем дальше, тем больше у нас налаживается взаимодействие с Россией, и эта литературная форма могла бы послужить к усилению взаимного понимания.

Итак, дорогие наши российские читатели, какими литературными достижениями 1925 года мы можем похвалиться перед вами? Каков наш литературный актив за этот год? Но во избежание всяческих недоразумений, два слова о претензиях эмиграции на культурное «водительство». Теперь не слышно уже разговоров о каком то «особом назначении» эмиграции, о том, что она «единственная хранительница русской культуры», и в частности, хранительница художественной литературы. Но все же эмиграция чувствует себя культурным осколком России, хотя и попавшим в совершенно отличные от российских условия. Ведь, у нас за рубежом как никак около ста газет, да столько же, если не больше журналов, от самых левых, анархических, до крайних черных, монархических! Богатейшее разнообразие красок, не правда ли? Что Россия в будущем воспримет из этого разнообразия и что в историческом сплаве жизни не сы-

грает никакой роли — это другой вопрос. Но, конечно, нет сомнения в том, что культурная работа эмиграции не пройдет бесследно и принесет свою долю пользы освобожденной стране, пребывающей все эти годы в навязанной ей большевиками атмосфере насилия коммунистических догм, мысли и чувства. Только с этой скромной точки зрения мы и оцениваем значение русской зарубежной литературы, будучи твердо убеждены в том, что главная основная творческая сила должна развиться и развивается на Родине, а не на чужой земле.

После этого предварительного замечания, хочется показать, что зарубежная литература и на седьмой год эмиграции не только не выдохлась, но, наоборот, принесла России ценные подарки.

* *
*

Первой литературной величиной у нас здесь в эмиграции считается И. Бунин. Его мастерство сравнивается с мастерством Л. Толстого, говорят о «литературной святости» Бунина; каждый, даже небольшой, его рассказ расценивается как литературное событие. Лично я всего Бунина так безраздельно воспринять не могу. Временами Бунин в прозе мне чем то напоминает Брюсова в поэзии. Некоторые из его последних рассказов («Красный Генерал» и «Товарищ Дозорный») просто тенденциозны. Больше того, Бунинская озлобленность и, вместе с тем, его какая-то литературная холодность, приковывающая больше внимания к форме и стилю, чем к целому, не дает ему полной завершенности. И все-таки, несмотря на эти мои личные оговорки, идущие вразрез с общим зарубежным мнением, я должен признать, что «Митина Любовь», появившаяся в 1925 году, вещь исключительная и останется в русской литературе шедевром. Нельзя к ней подходить с вопросом, какова должна быть, на самом деле, идеальная любовь? или, по примеру советского критика Воронского, искать в ней социальной созвучности, «сегоднешнему или завтрашнему дню».

Стало банальным говорить об особом чувстве природы у Бунина, но я все-таки скажу, что главные герои его романа: природа с ее любовью и человек Митя — частица природы. В то время, как сама Природа упивается любовью, зачинает в весеннем сладострастии новую жизнь, цветет, рождает и, насладившись кругом жизни, вянет и замирает осенью, Митя, — человек, опьяненный любовью, но не получивший удовлетворения. — не находит иного, чем самоубийство, выхода; это вечная трагедия молодой, настоящей любви. И случайность, деталь романа только, что Митя — сын помещика, и что трагедия разыгрывается в дворянской усадьбе. И роман то ведь сам по

себе несложен: Митя полюбил московскую барышню, молодую артистку. Полюбила его и она. Позволяла себя ласкать, но женой Митиной не стала, уехала в Крым и там отдалась антрепренеру. Настоящую любовь Митя пробует заменить подделкой с деревенской женщиной, пришедшей к нему за пять рублей... Но молодое чувство не выдерживает, и Митя стреляется. Вся эта — пусть шаблонная — история Митиной любви протекает на фоне природы; параллелизм в природе и в чувстве человека изображен Буниным с необычайной силой.

«Митина Любовь» уже переведена на четыре языка и имеет большой успех.

Другим крупным литературным произведением 1925 года считается «Чортов мост» Алданова. Это вторая часть его исторической трилогии «Мыслитель». Алданов у зарубежной России — тоже в большем фаворе. У меня в руках «Девятое Термидора» — первая часть его трилогии, книга взятая из библиотеки Земгора. Книга настолько зачитана, что ее страшно держать в руках. Вся критика дает об Алданове только положительные отзывы. Конечно, не обходятся и здесь без сравнений: Алданов сравнивается с Анатолем Франсом, с Ромэном Ролланом и Л. Толстым. Но это такой уже наш эмигрантский грех — возвеличивать своих до самых вершин. Если оставить пока в стороне все эти сравнения, то нельзя не сказать, что романы Алданова занимают весьма почетное место в нашей литературе — правда, в определенной области ее — в серии исторических романов. Из таких историков-романистов мы имеем только одного Мережковского, по романам которого знакомимся с определенными эпохами. Но, если справедливо упрекают Мережковского в том, что, перспективы своих исторических романов, он искажает внесением в них, в качестве стержня, своих специфических религиозных идей, то у Алданова видишь только историческую композицию, построенную при помощи имеющихся материалов. В своем предисловии к трилогии Алданов пишет, что у него на все имеются «оправдательные документы». Это конечно, не значит, что в трилогии нет единой философской мысли. Но Алданов не из тех мыслителей, мысли которых побеждают исторический материал точно изображаемой ими эпохи. А материал Алдановым, действительно, мастерски и прекрасно изложен в форме романа. Но если Эберс в своем историческом романе «Дочь Египетского Царя» дал нам образ современной ему немки, а у Мережсковского в «Тутанкамоне» из под внешнего образа девушки-язычницы выглядывает барышня петербургского религиозно-философского общества, то у Алданова все *его,* не исторические, персонажи с успехом могут быть игнорируемы. Он не дает *своих* типов. В общей развертываемой им исторической картине эти персонажи никакой роли не играют, их поведение исторических событий не осмысливает и даже

самый душевный мир их читателя не заинтересовывает. Вот почему при оценке романов Алданова читателю хочется обратиться не к критику художественных произведений, а только к историку. Алданов заставляет напряженно интересоваться эпохой; вопрос — правдоподобно ли то или иное событие — вот, что при этом больше всего занимает читателя. На этот вопрос такие наши историки, как А. А. Кизеветтер, отвечают положительно. Сам Алданов при описании похода Суворова ссылается на помощь и советы такого авторитета в военно-исторических вопросах, как генерал Н. Н. Головин. Поэтому, я не считаю правыми тех, кто заподазривает Алданова в изображении французской революции с точки зрения пережитой нами русской революции. Если мы находим в его романах близкое нам по переживаниям последнего десятилетия, то это говорит только о сходстве эпох. Возьмите любую книгу по истории французской революции, и вы там прочтете о себе. А произведения из эпохи французской революции тех писателей, с кем сравнивают Алданова — Анатоля Франса и Ромэн Роллана, — разве не созвучны они нам?

Но есть и огромная разница между Алдановым и указанными корифеями французской литературы; «Боги жаждут» Анатоля Франса — монолит, в котором исторические вихри и человеческие страсти составляют одно целое; персонажи романа не отделимы от изображаемых событий. Художник как бы сам учавствовал в них. И вопроса об исторической правдоподобности не возникает. Веришь на слово художнику.

Ромэн Роллан в своем предисловии к «Игре Любви и Смерти» (напечатанной № 1 «Воля России» за 1926 год) прямо говорит, что он и не стремится к правдоподобию своих образов, потому что для него история — хранилище страстей и сил Природы, а они бессмертны. Ромэн Роллан хочет «не только создать героическую драму из прошедшей эпохи, но и исследовать силы и пределы жизни». — «Наши полубоги и минотавры получили в Московии новые воплощения, более разительные. Это — вечные выходцы, это люди, постоянно воскресающие под тысячью и одним покрывалом Протея; для меня это приманка и добыча историн. Это больше, чем люди одного дня... Это силы, вселившиеся в одни тела, а затем нашедшие себе иные воплощения». Сам Ромэн Роллан пишет, что его произведение написано под влиянием событий в России, но, конечно, «при сохранении особенного отблеска исчезнувшего дня; ибо ведь у каждого дня — свой цвет». И действительно, при чтении драмы Ромэна Роллана чувствуешь и воспринимаешь не только определенный исторический эпизод, но вечную игру человеческой любви и смерти, человеческой жертвы за истину и правду. Так было в древние времена, так было во время французской революции, так и в наши дни. Нельзя без волнения читать «Игру

любви и смерти», так она созвучна нашим героическим дням. В романах же Алданова не чувствуется героического пафоса эпохи.

Я извиняюсь за некоторое отступление, но эта экскурсия в сторону Анатоля Франса и Ромэна Роллана ярче оттеняет то, чего нет у Алданова. У меня законный повод к отступлению, критики сравнивали Алданова с этими последними. Правильно заметил как то в разговоре один тонкий художник, что у Алданова, на палитре много различных красок, но нет своей, собственной, краски. А Бабушка Брешковская (она все еще пишет, волнуется и без конца занята устройством всевозможных детских учреждений), прибавляет, что у Алданова совсем нет положительных типов. Но за всем тем романы Алданова являются лучшими *историческими* романами.

*
* *

Говоря дальше об «эмигрантской» литературе, я должен обратиться к «Современным Запискам». Не знаю, на сколько часто Россия видит книжки этого журнала, но у нас, заграницей, «Современные Записки», — «все равно, что обед» (так выразился недавно один критик). Каждый хотя бы немного интересующийся литературой, читает очередную книжку журнала. В ноябре, с выходом 26 книжки вся пресса отметила пятилетний юбилей журнала. Конечно, и здесь эмигранты не изменили себе: «Современные Записки» объявлены таким журналом, «какого в России еще никогда не было!». Не станем этого оспаривать, самодовольство да будет маленьким утешением в тяжелой эмигрантской жизни. Но признать нужно, что все именитое, действительно, появляется в «Современных Записках». Ведь и «Митина Любовь» и «Чортов Мост» предварительно появились в «Современных Записках». Следует даже больше сказать; без имени в «Современные Записки» попасть нельзя. Когда-то наши журналы гордились тем, что выводят новых писателей, что на ряду с большими именами пропускают в литературу и начинающих. Один из самых чутких наших литературных редакторов, ставивший своей прямой задачей открытие новых писателей, В. С. Миролюбов, был особенно в этом отношении характерен. Сколько и сколько современных писателей ведут свое начало от Миролюбовского «Журнала для всех». И как был чуток к начинающим Короленко... Теперь не то! Если «Современные Записки» печатают только именитых, то другое парижское издательство, выпустившее несколько сборников, прямо заявило как то одному из молодых (по эмигрантскому счету), что хотя произведение его не дурно, но сам он без имени, а потому... получите рукопись обратно.

Итак, для того чтобы знать, что пишут Шмелев, Ремизов,

Зайцев, Бунин, Мережковский, необходимо следить за «Современными Записками».

В 1925 году в «Современных Записках» напечатано три больших рассказа И. Шмелева: «Про одну старуху» (рассказ бывалого человека), «Каменный век» и «На пеньках» (рассказ бывшего). Лучший рассказ — «Про одну старуху» — это все та же Шмелевская манера, что и в его «Рассказе человека из ресторана». Сюжет из советской жизни — про старуху крестьянку, про ее му́ку и смерть за муку́. По совести говоря, пожалуй, такой сюжет прошел бы и в России; в советской литературе быт теперь довольно свободно описывается. Но до Шмелевского стиля российским молодым далеко. Есть какая то небрежность, невыписанность в стиле молодых российских писателей. Если Романов и владеет стилем «бывалого» рассказчика, то у него нет еще чувства меры, чувства внутренней красоты самого стиля, отсюда отсутствие требовательности к самому себе в обработке рассказа. Шмелев же старый опытный мастер, знающий цену каждому слову. «На пеньках» рассказ «бывшего», у которого «все украли, меня самого украли». Трагедия души человека, жившего до революции только жизнью искусства, любящего мир в его культуре и истории, а теперь в чистую опустошенного, — изображена Шмелевым с большой художественной правдоподобностью, потому что сам Шмелев, один из тех современных писателей, раздавленных революцией, который все это переживает глубоко и искренно. «Каменный век» — повесть из истории голодного крымского житья. Я не имею возможности дольше останавливаться на Шмелеве, но сам писатель по своей талантливости и глубине заслуживает более того, что я сказал.

Вот кто нисколько не раздавлен и не опустошен, как писатель, это А. М. Ремизов. Он — все тот же, что был и на Песках до войны, потом на Васильевском Острове и на Троицкой улице. Хитрый, но без всякой злобы, он подсматривает и подслушивает из своего угла человеческую жизнь. А что бы завязать настоящую будничную жизнь — заводит он около себя, как и в Питере, всевозможную нечисть, но только всюду свою местную нечисть; в Берлине берлинскую, немецкую, в Париже — французскую. Ремизов не был бы Ремизовым, если бы в Париж он привез своего старого хозяина — домового из Берлина или Питера. Он дружит, он интимничает с той жизнью, в которую попадает. Есть люди, которые попавши в новый город бегут в музеи, библиотеки, на площади. Ремизов же прежде всего обживается в своей комнате, заводит дружбу с Хозяином, а потом уже ждет, чтобы город сам шел к нему. И тогда направляются к нему черти, люди, мыши и самое главное — дети. Больше ему ничего не надо: это завязь, жизнь. А отсюда для художника материал, отсюда «Espit» Ремизова в «Современных За-

писках»; рассказать его нельзя. Правда, есть критики, особенно из дам, которые по поводу этих рассказов Ремизова умиляются: «Ах, как он любит детей, ах, какой он милый, задушевный». Но все эти эпитеты также подходят к Ремизову, как «душка» к тому мыслителю на Соборе Парижской Богоматери, о котором говорит Алданов в своем романе. Ремизов лет на двести, на триста старше этих своих «милых» критиков.

Таким же, каким был и прежде, остался Ремизов и в своих отношениях с читателем. Вот сегодня принесли мне из библиотеки кучу беллетристики — тут и Гребенщиков и Минцлов (для России новое имя, а у нас ходовой писатель), и Алданов, и другие — и все на один день: огромная очередь на них, нельзя держать, а с Ремизовским сборником «Зга» можно не торопиться. Влияние Ремизова в русской литературе не искоренимо. Вольно или невольно, но существует уже целая ремизовская школа писателей, а в глубину, в толщу читательскую, как этого Ремизов заслуживает, он еще не вошел. С интересом зарубежная русская публика читает перепечатываемые из советских журналов бытовые рассказы; я пробовал теперь перечитать из этой литературы то, что появилось в 22—23 году. Уже скучно... А между тем, Ремизовские рассказы на эти же темы «Сережа», «Трудцезертир», «По бедовому декрету» («Сов. Зап.») в литературе останутся, потому что они не фотография, а преломление жизни через призму творческого глаза. Только на расстоянии русские поймут и почувствуют полноценность ремизовского богатства.

Борис Зайцев в этом году закончил свой большой роман «Золотой Узор». Но о нем здесь я писать не буду, так как печатался он в «Современных Записках» в течение трех лет... В 1926 году роман выйдет отдельным изданием. Кроме того, в этом же году в «Современных Записках» напечатаны его «Алексей Божий Человек», а раньше появился его же «Сергей Радонежский». Такая литература пользуется большими симпатиями эмиграции, кроткий же стиль Зайцева как нельзя больше подходит к житиям святых...

Д. Мережковский, давший в прошлом году роман «Рождение богов», («Тутанкамон на Крите»), в 1925 году не печатался. Но уже с января 1926 года мы начинаем читать отрывки его нового романа «Мессия» (из истории Египта).

* * *

Теперь я скажу о двух писателях, которых можно поделить между Россией и нами: это Каллиников и Эренбург. Первый — эмигрант, но зарубежная Россия не приняла его романа «Мощи» («Современные Записки» отвергли его, так как автор изображает монастырскую жизнь с отрицательной стороны, а журнал «держит курс на национально-религиозное преображе

ние демократии») роман появился в московском издательстве «Круг» (при содействии Максима Горького). Второй же — Эренбург советский, хотя и предпочитающий жить за границей. Его роман «Рвач» напечатан у нас за границей, так как его не приняли большевики.

«Мощи» имеют возможность читать сами россияне. Мы же получили пока первый том романа. Всего будет три тома. Но уже по первому тому можно смело сказать, что эмиграция дала России неплохого писателя. Он ярко изображает быт дореволюционной провинции и на фоне ее дает красочную фигуру рыжего монаха Афоньки. Есть у Каллиникова и слабые стороны (описание Петербурга, изображение революционной среды, с которой он, повидимому, совсем не знаком и др.). Автором владеют образы двух, трех типов, которых он хочет показать во всю величину. Нужно подождать выхода остальных двух томов, чтобы судить, насколько удачно автор справится со своей задачей — монаха Афоньку сделать чекистом, а Николку — настоятелем монастыря.

С большой охотой мы отказались бы от «Рвача» Эренбурга. Но что делать: слова из песни не выкинешь; у нас напечатан, мы и отчитаемся. Единственный роман — с солью и перцем — у Эренбурга это «Хуллио Хуренито», особенно первая часть его. Чем дальше, тем все преснее и преснее становятся эренбургские романы. И не удивительно: не так уж велик багаж Эенбурга, чтобы, при той быстроте, с какой он выбрасывает на рынок свои произведения, можно было каждый раз ожидать что либо значительное, новую литературную ценность. Видимо ему не дают покоя лавры Боборыкина и Амфитеатрова с их сотнями романов.

«Рвач» роман тенденциозный, с рассуждениями и немотря на свою величину — 450 страниц — беден материалом. Захватывает он и дореволюционную среду, и 17-ый год, и гражданскую войну, и нэпмановскую эпоху, — но все это поверхностно и с ярким политическим пристрастием автора. Эренбург «раб власти», как удачно назвал его один критик. В 1917 году Эренбург был с Временным Правительством. Потом в Киеве во времена добровольцев он — не враг добровольцев, что документально доказал в «Былом» С. Мстиславский. Теперь — верноподданный большевиков. Весь новый роман окрашен этой дешевой верноподданностью. Враги большевиков — эс-эры ли они, просто ли обыватели, офицеры-ли, в романе выведены, как презренные люди, как отвратительные типы, а тюремщик большевик, чекист — люди долга, чести и совести. В болоте верноподданности и в гуще рассуждений погиб и сам Рвач. Эренбург не сконцентрировал силы своего таланта на этом интересном современном типе (вернее автор и не владеет достаточным материалом для этого образа), а увлекся другими це-

лями: осмеять противников нынешней власти, фельетонно изобразить нэп, погладить по головке большевиков. В результате получился не сильный рвач, а так просто — мелкий жулик, с проплеванной душой. Но при всей своей верноподданности у Эренбурга есть какая то смердяковщина, которая и в положительные его типы вносит то, что лишает их какой либо человеческой красоты. Нет ничего святого, на что бы Эренбург тайком или открыто — особенно если это нравится власти — не плюнул. Но достаточно об Эренбурге, хотя он очень типичен для нашего времени. Талантлив, но циничен.

* * *

Не повезло с изданием в этом году В. И. Немировичу-Данченко. Несмотря на свои 82 года, он много пишет, — в рукописи большой роман «На бабьих хлебах», дневник «Иов на гноище» и др. Но в печати в 1925 году ничего не появилось. Зато его много переводят на чешский, немецкий и французский языки.

Амфитеатров вспомнил старинку, свое сотрудничество в «Новом Времени», и блистает в «Возрождении». О его новой беллетристике ничего не слышно. Арцыбашев тоже весь в газете «За Свободу». В Варшаве был издан какой то его трагический фарс «Дьявол», но достать «Дьявола» в Праге нельзя. Чириков напечатал два-три небольших рассказа. Мих. Осоргин печатает в газетах отрывки из романа «Сивцев Вражек».

Горький, хотя и не политический эмигрант, но живет тоже у нас, за рубежем. Он в стороне от общей русской зарубежной жизни. Все свои новые произведения Горький печатает сначала в берлинской «Беседе», а потом повторяет в советских изданиях.

Совсем исчез с нашего русского литературного горизонта Л. Добронравов, так хорошо когда-то дебютировавший своей «Новой бурсой» и «Диспутом». Одно время он занимался глупостями в бессарабских газетах, в 1925 году связался с Алексинским и чуть ли не записался в члены «Главного Комитета Всероссийского Крестьянского Союза»... (о, если бы в России знали, сколько у нас в эмиграции «главных комитетов Вс. Кр. Союза!) А между тем, Добронравов, на ряду с этими глупостями, сидит и выдерживает как добое вино роман «Князь века сего». Знакомство только с отдельными главами романа говорит о большой работе писателя.

Одно время зарубежная критика очень выдвигала Лукаша, на него возлагались большие надежды. В этом году он выпустил повесть. О содержании ее можно судить по названию: «Граф Калиостро». Повесть о философском камне, госпоже из дорожного сундука, великих розенкрейцерах, волшебном золоте,

московском бакалавре, и о прочих чудесных и славных приключениях, бывших в С.-Петербурге в 1787 году». Повесть не дурная и не хорошая, автором написана старательно.

Очень много пишет С. Минцлов. Я не читал его произведений до эмиграции. Но здесь он может с большим успехом конкурировать с Амфитеатровым, как в быстроте своей работы, так, пожалуй, и в читабельности. В этом году, помимо всяких других его полуисторических, полулитературных работ, вышли романы: «Гусарский роман», «Под шум дубов», «Сны земли» и сб. рассказов. Говорить о художественной стороне этих романов не приходится. Но для публики занимательное чтение. Исторические романы Минцлова вполне в русле Мордовцева, Лажечникова, Салиаса и т. п.

Много, много в эмиграции пишут. О всем в небольшом письме и не сказать. Выходят отдельные сборники, регулярно печатаются рассказы в воскресных номерах газет, в журналах. Летом на литературный конкурс «Звена» в течение одного месяца откликнулось 170 авторов. Нельзя не отметить появления интересного чисто литературного журнала «Благонамеренный». Название журнала здесь не при чем, благонамеренность объявляется только по отношению к искусству (искусство для искусства). По своему общему облику № 1 журнала производил свежее впечатление. Главное — не боится неименитых.

* * *

В заключение разрешите ошеломить эпопеей в двенадцать самостоятельных романов. Три романа уже напечатаны (из них два в 1925 году). Ожидается еще девять, причем 4-ый, 5-ый и 6-ой тома уже печатаются. Каждый том не менее 200 страниц, обычного книжного формата. Автор — наш старый знакомый, сибиряк Г. Д. Гребенщиков. Название эпопеи «Чураевы», названия отдельных романов. I. — «Чураевы», II. — «Спуск в долину», III. — «Веление земли», IV. — «Трубный глас», V. — «Сто племен с единым», VI. — «Океан багряный», VII. — «Лобзание змия», VIII. — «Пляска во пламени», XI. — «В рабстве у Раба последнего», X. — «Суд Божий», XI. — «Идите львами», XII. — «Построение храма». Перед грандиозностью воздвигаемого здания умолкаю в благоговении и в ожидании.

* * *

В сведениях о нашем «бульваре», Брешко-Брешковском, П. Краснове, Ренникове, Нагродской, Данилевской и пр., я полагаю, Россия не нуждается. Большинство из них печатается в самой из черна черной монархической прессе и благополучно выпускает свои очередные «романы».

С. ПОСТНИКОВ.

Отзывы о книгах.

Всеславянский календарь. «Пламя». 1926 г. Год издания первый. Составили И. Ежек, Ф. Мансветов, В. Озерецковский, И. Яковлев. Стр. 112. in. 4°. Прага, «Пламя». Цена 12 кр. ч. с пересылкой.

У американцев, англичан, немцев — справочных изданий много и среди них не мало ценных. Укажем хотя бы на великолепный «The World Almanach» за 50 цент. дающий на 900 стр. in. 8° петитом самые разнообразные и весьма полезные сведения, изложенные сжато, но обстоятельно. «Календари», «Альманахи» и в России издавна были самыми ходкими изданиями, но качество их во многом уступало иностранным. Кое что сделано для улучшения изданий этого типа Государственным Издательством. За рубежом же первый опыт такого издания сделало теперь «Пламя». Его календарь, конечно, следует иметь всякому. Он составлен по широкой программе, рассчитан на массового читателя, содержит сведения, которых просто и не найти в другом месте. Издан хорошо и дешево.

Кое что возбуждает, однако, недоумение. Почему календарь назван «Всеславянским», тогда как славянским государствам посвящено мало места, а эмиграции очень много? Календарь следовало бы назвать скорее «Все-эмигрантский» (политических выпадов в нем нет, он дает адреса и «правых» и «левых» организаций). О СССР. помещены статьи В. В. Водовозова (границы, административное деление, государственное устройство) и А. В. Пешехонова (госуд. бюджет) — и только. Нет данных, например, о народном хозяйстве, о духовной культуре и т. п. О духовной культуре славянских народов вообще ничего не говорится в календаре. Излагаются все сведения в описательной форме, тогда как для большей компактности календаря удобнее было бы ряд сведений по однородной программе для каждого отдела дать в табличной форме. Не достает обобщающих статей и таблиц. Как велика теперь численность славянских народов? Сколько всего, хотя бы по приблизительным подсчетам в русской эмиграции?

Конечно, нужно было бы дать и краткую библиографию славяноведения, как указывает, например, основную литературу для каждой страны «Staatsman's Harboek» Кельти. Адреса учреждений безусловно необходимо давать на языке той страны, где они находятся, а это не выполнено. Жаль, что в сборнике нет иллюстраций. Портреты выдающихся деятелей славянства, виды красивейших славянских городов, типы разных славянских племен в национальных костюмах украсили бы сборник.

Но, за всеми недостатками, «Всеславянский Календарь», конечно, заслуживает самого широкого распространения. Да послужит он установлению большой связи между разбросанными по всему свету эмигрантами. При ином же содержании он мог бы помочь и сближению между славянами.

Д. Лутохин.

Н. Огнев. Рассказы. Изд-во «Круг». Москва, 1925 г. стр. 217. in. 8° 1 р. 25 к. 5,000 экз.

В книгу вошло 11 рассказов, более ранние даты под ними относятся к 1912, 1913 гг. Но манера письма свидетельствует о молодости автора: не чувствуется зрелой уверенности, не мало подражания писателям разных стилей — и даже таким, которые дебютировали совсем недавно; некоторые вещи черезчур фрагментарны, словно этюды из студии. Но есть у автора и свое, притом отличающее его от господствующих в литературе мод: мягкость, простота, искренность, серьезность — все то, что можно было бы охватить понятием художественной честности. Менее снисходительные к распространенным теперь цинизму, фокусничанью, ходульности — с особой приятностью прочтут добротные славные рассказы Н. Огнева. *Столпник.*

Государственный научный институт народного здравоохранения имени Пастера (ГИНЗ) 1919—1924. Организация, деятельность и научные труды под редакцией директора Института пр. Л. А. Тарасевича и уч. секр. д-ра В. А. Любарского. М., 1924. Стр. 338. 40. 1,000 экз.

В 1912 году после разгрома министром народного просвещения Л. А. Кассо Моск. Университета учеными и общественными деятелями — при поддержке денежной Г. М. Марка и Геннерта учреждено было общество Московского Научного Института в память 19 февраля 1861 г. Научный Институт имел ряд секций и опубликовал значительные работы по разным областям знания. (П. П. Лазарева, В. Я. Железнова, Н. Ф. Черновского, А. А. Кауфмана и др.). Имелась при Институте и бактериологическая секция, из которой и вырос затем самостоятельный Государственный Научный Институт народного здравоохранения, в 1923 г. ему было присвоено имя Пастера. На организацию и устройство института потребовалось 3 года — с конца 1918 г. по 1923 г., но приступив к нормальной затем работе он продолжает расширяться. В настоящее время его учреждения распадаются на три группы: 1) изучающие общие вопросы народного здравоохранения Институты санитарно-гигиенический и Физиология питания; 2) изучающие общеопасные болезни эпидемического и социального характера Институты Микробиологический, Тропический, Контроля сывороток и вакцин, Туберкулезный; 3) изучающие вопросы биологии Институты Эспериментальной биологии и биохимический. Во главе этих учреждений стоят крупные ученые: Л. А. Тарасевич, Е. И. Марцинковский, М. Н. Шатерников, Н. К. Кольцов, А. И. Бах, В .А. Воробьев, В. В. Бунак и др. По своим задачам и целям Московский Институт примыкает к Пастеровскому Институту в Париже, Коховскому в Берлине, Рокфеллеровскому в Соединенных Штатах. Изданный Институтом сборник дает историю всех его учреждений, изложение заданий последних и рефераты о всех научных работах Института. Основные материалы помещены и во французском переводе. Для врача и естественника в сборнике очень много ценного. Но не лишена книга интереса и для прочих читателей: она, свидетельствует о кипучей научной работе в современной России, она освещает некоторые вопросы, важные для социолога, экономиста, вопросы евгеники, питания и т. п. В качестве примера укажем на исследования Е. Н. Зориной (1922—24) над «экспериментальной «пшенной» болезнью белых

мышей. При одностороннем питании белых мышей овсом они погибали через 3½—4 месяца от истощения, не проявляя наружно болезней. Мыши же, бывшие только на пшене, заболевали кровоподтеками на части ушей с последующим изъязвлением этих частей и их некрозом; такие же явления распространялись затем и в других местах. Мышь становилась печальной, зарывалась в вату, ела меньше, много пила воды; становилась взъерошенной... Болезненные симптомы затем исчезали, но снова возвращались и месяцев через 6—7 мышь погибала. Из пшена получен был экстракт, после отгонки спирта, давший темно-коричневую маслянную жидкость. Это токсическое начало, как показали дальнейшие опыты, и обусловливало указанные болезненные явления... Опыт этот важен не только как предостережение против одностороннего питания, но и для выяснения тех опасностей, которым подвергалась зачительная часть населения России в годы блокады, когда пшено одно время было почти исключительным предметом питания пользовавшихся общественными столовыми.

Коснуться ряда других столь же поучительных работ на страницах не специального журнала, к сожалению, не приходится.

Д. Градарев.

Ответственный редактор *И. Давид.* Издатель *Е. Е. Лазарев.*
Исполнено «Легиографией», Praha-Vršovice, Sámova 665.

XII
P. V. V.
21/III - 28/III
1926 г.

Посетите
Пражскую Международную Ярмарку

Общая ярмарка. — Стрительная и машиностроительная ярмарка. — Текстильная ярмарка.—Выставка мебели и фортепиан.—Спортивная ярмарка. — Радио-выставка. — Выставка лесничества — Французское отделение. — Выставка курортов и туристики. — Выставка усовершенствований домашнего хозяйства.

Большинство русских приезжающих в Прагу из провинции Ч.-Сл. Респ. из заграницы и в особенности из балканских государств, останавливаются в славянском отеле Беранек (см. об'явл.)

HELLA — название найлучших кореньев для супа. Изготовляется известн. фирмой **Перинг** в Праге.

„HELLA" НАЙЛУЧШИЕ КОРЕНЬЯ ДЛЯ СУПА
Для супа Перинга коренья нужны, как сахар для варенья
PIERINGOVA

HÔTEL BERÁNEK PRAHA

СЛАВЯНСКИЙ ОТЕЛЬ
— БЕРАНЕК —
ПРАГА - ВИНОГРАДЫ
ТЫЛОВА ПЛОЩАДЬ
200 №№ КОМФОРТАБЕЛЬНО ОБСТАВЛЕННЫХ *200* №№
ЦЕНТР РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ
КАФЕ РЕСТОРАН
ЗАЛЫ ДЛЯ СОБРАНИЙ, СВАДЕБ, ТОРЖЕСТВ И ПРОЧ.
KAVÁRNA BERÁNEK.

Найлучший из всех
SANTAL MONAL
AU BLEU DE METHYLÈNE
Радикальное и быстрое лечение
SANTAL MONAL признан всеми врачами мира. Лаборатория Monal, Paris 20. rue Vienne. Продажа в Праге, аптека **Schnöblinhova, Praha I. Malé nám.** и во всех аптеках. — Заказы исполняются почтой
Цена коробки с 50 капсулями — 25 кч.

Новая брошюра под редакцией И. А. ДОЛИНА:
Справочная книжка для русского в Чехословакии
(Посылки в С.С.С.Р., как переводить деньги в С.С.С.Р.) и т. д.
Требуйте во всех книжных магазинах.
Цена н. ч. 3.80. **Цена н. ч. 3.80.**

СОДЕРЖАНИЕ № 1 «ВОЛИ РОССИИ»:

Ромэн Роллан: Игра любви и смерти. — *Марина Цветаева:* Крысолов. — *В. Булгаков:* Встреча с Р. Ролланом. — *М. Шаповал:* Развитие и современное состояние украинского социалистического движения. — *Аграрная анкета:* Предисловие. — *Эмиль Вандервельде:* Социализм и крестьянство. — *Ноэль Бекстон:* Земля и государство. — *Леон Жуо:* Синдикализм и аграрный вопрос. — *Отто Бауэр:* Аграрный вопрос в Австрии. — *Иозеф Стивин:* Чехословацкая социал-демократия об аграрном вопросе. — *Ф. Дан:* Аграрный вопрос у русских марксистов. — *В. Чернов:* Социализация земледелия. — *Е. Сталинский:* Социализм и крестьянство. — *Иностранная жизнь: Бела Линдер:* Венгерская проблема. — *Среди книг и журналов: Зноско-Боровский:* Парижские поэты. — *Н. Мельникова-Папоушек:* Шарль Дэрен и его животный эпос. — *Н. Рубакин:* Из области книжного дела. — *В. Архангельский:* Переводная литература. — *Отзывы о книгах.* — Систематический указатель статей, помещенных в «Воле России» 1925 г.

Инв. № сх-4211

Подписка на 1926 г.

(Седьмой год издания).

ЕДИНСТВЕННАЯ В ПОЛЬШЕ

большая русская демократическая газета

„ЗА СВОБОДУ!“

Выходит при расширенном составе сотрудников и при ближайшем участии: *М. П. Арцыбашева, П. Э. Бутенко, В. В. Португалова, Д. В. Философова и Е. С. Шевченко.*

В последне время в газете принимали участие: А. Амфитеатров, З. Арбатов, М. Арцыбашев, Всеволод Байкин, Лео Бельмонт, В. Богданович, А. Болин, В. Бранд, П. Бутенко, С. Варшавский, А. Вельмин, Н. Версилов, Олег Воинов, Д. Воротынский, Дм. Геродот, З. Гиппиус, Б. Евреинов, В. Евреинов, С. Жарин, А. Жекулина, З. Журавская, А. Кондратьев, В. Корчемный, Ю. Липеровский, проф. К. Мациевич, Д. Мережковский, В. Михайлов, д-р Д. Пасманик, проф. Пиотровский, В. Португалов, Виктор Савинков, П. Симанский, Л. Станиславский, А. Степняков, Игорь Северянин, Л. Теплицкий, В. Унковский, Д. Философов, Е. Шевченко и др.

Собственные корреспондеты: В Париже, Берлине, Праге, Риге, Белграде и Бухаресте.

Постоянные корреспонденции: Из Баранович, Вильно, Гродно, Дубно, Острога, Кременца, Ровно и пр.

Адрес редакции и конторы:

Warszawa, Długa 50, Pasaż Simonsa.

№№ 30—31. Телеф. редакции 109-30; конторы 165-66.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ БОГАТО ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ.

„ПЕРЕЗВОНЫ“

Редакция и контора: Riga (Lettonie) — L. Kaleju iela, 43. Тел. 20—76, 34—48 и 83—40.

Цена отд. номера в 32 стран.:
В **Латвии** — 80 сант. (40 р.).
В **Чехословакии** — 8½ к. ч.
В **Германии** — 80 пфен.
Заграницей — 20 ам. цент.

„PEREZVONY“,

Генеральные пред-ва:
В **Чехословакии:** Изд. «ПЛАМЯ» (Praha II., Ječna, 32).
В **Польше:** Изд. «ДОБРО» (Warszawa, Hoża 45—8).
В **Болгарии:** книжн. торговля Н. Алексеева (София, Б. Тырново, 17).
В **Вене:** А. В. Мухин (Wien, Petersplatz, 9).

Сотрудники: М. А. Алданов, К. Д. Бальмонт, И. А. Бунин, Ю. Галич, О. Далматова, А. Даманская, Дон-Аминадо, Бор. Зайцев (ред. литерат. отдела), А. И. Куприн, Вл. Лодыженский, Ив. Лукаш, С. Минцлов, проф. Н. И. Мишеев, Мих. Осоргин, А. М. Ремизов, Н. А. Тэффи, А. Черный, Евг. Ник. Чириков, Марина Цветаева, И. Шмелев, Сем. Юшкевич. Художники: акад. Н. П. Богданов-Бельский, акад. С. А. Виноградов, Ю. Г. Рыковский и др. Обложка — работы М. Добужинского.

Постоянные отделы: Детский уголок. По белу свету. Искусство. Из области науки, открытий и изобретений. Русская книга.

В каждом номере **репродукции картин** известных русских и иностранных **художников. — Из них 2 в красках.**

Вп-91-3535/40а

П 1
543

РЕВОЛЮЦИОННАЯ РОССИЯ

1926
№2

Центральный орган партии социал-революц.

Вышел № 46 (январь-февраль 1926 г.).

Содержание: Краткий смысл пространных слов. — Новая дискуссия и комнародничество. — Уроки прошлого. Армия и революция В. М. Чернов — Перетасовка карт (письмо из Москвы). Ненарком. — Красноярск (Енисейский). На Кубани. — На Тереке. — Из выборгского района. Старый бунтарь. — Голодовка членов Ц. К. П. С. Р. (письмо из Москвы). — Голос из застенка (Письмо из Тобольской каторжной тюрьмы). — Новая волна репрессий в России.— Особый вид издевательства. — С.-р. литература на китайском языке. — Почтовый ящик.

Адр.: ред. S. Postnikov, red. Volja Rossii, Uhelný trh 1, Praha I.

Цена 6 ч. кр.

БОЛЬШАЯ РУССКАЯ ГАЗЕТА

V Г. ИЗД. **„ДНИ“** V Г. ИЗД.

Выходит ежедневно, кроме послепраздничных дней в Париже.

Специальные срочные сообщения из России. **Полная информация о политической жизни заграницей.** **Рабочее и социалистическое движение в Европе.**

Собственные корреспон. в крупнейших центрах Европы, Америки и странах ..него и дальнего Востока.

Хозяйственная жизнь России. — Искусство, театр и музыка в Европе и России.

ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМ. Большой культурно-литературный отдел.

ПО СРЕДАМ И СУББОТАМ: Особый отдел: **«РУССКИЙ ТРУД ЗА ГРАНИЦЕЙ»**, посвященный защите экономических и культурных интересов русских трудящихся заграницей.

Открыта подписка на 1926 г.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Париж — 11, rue Etienne Marcel prolongée, Paris III (chèque postal № 80, 446. **Прага** — Panská ul. 16 (почт. счет 26,998; банк: Pražská Úvěrní banka, Banka stav. živn. a průmyslu). **Берлин**—Berlin SW. 68, Lindenstr. 3 (Postschek-Konto, Berlin 52,698; банк: Disconto-Gesellschaft, Dep. Kasse, Lindenstr. 3). **Белград** — Filiálka Pražské Úvěrní banky. **София** — Filiálka Pražské Úvěrní banky.

Объявления принимаются в Гл. Конторе и ее отделениях, и у генерального представителя О-ва «Le Flambeau» 34, Bd. des Italiens, Paris.

„VOLJA ROSSII“ - Revue russe, Uhelný trh 1. Prague. Tchécoslovaquie. — Тип. «Легиография»

Д-6